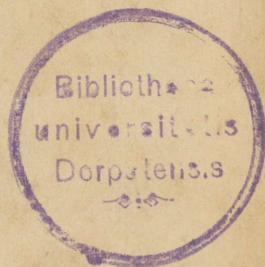

XI 103cy

Арсеній Яриловъ.

ВЪ
ЗАЩИТУ НАУКИ
И ПРИГОВОРЕННЫХЪ
КЪ СМЕРТИ.

ЮРЬЕВЪ.

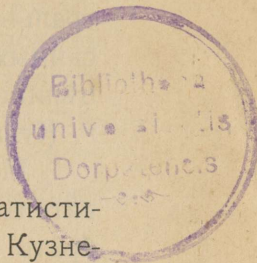
Типографія К. Маттисена.

1900.

IV

Дозволено Цензурою. — Юрьевъ, 2 марта 1900 г.

с 47395187

Въ 1898 г. енисейскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ изданы были работы А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова о минусинскихъ и ачинскихъ инородцахъ ¹⁾.

Не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло почти цѣлыхъ два года, отзывы объ этихъ работахъ все еще продолжаютъ появляться на страницахъ повременныхъ изданій. Переходя со столбцовъ оффиціального „Правительственнаго Вѣстника“ на страницы „Вѣстника Европы“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и т. д., этотъ полу-этнографическій, полу-историкостатистическій трудъ всюду заслуживаетъ себѣ похвалу и рекомендацію.

Такой знатокъ сибирскихъ инородцевъ, какъ Н. Ф. Катановъ, въ едва мѣсяць тому назадъ появившейся рецензії ²⁾ называетъ изданіе енисейскаго губернскаго статистическаго комитета „весьма цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую науку“. „Оба автора“, говоритъ онъ, „вполнѣ добросовѣстно отнеслись къ выполнению порученія, возложеннаго на нихъ комитетомъ и довели свои труды до конца вполнѣ благополучно“.

Въ этой же рецензії Н. Ф. Катанова разоблачена и часть тайны успѣха, сдѣланнаго книгой. Послѣдняя,

1) „Минусинскіе и ачинскіе инородцы“. (Матерьялы для изученія.)

Статьи: А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова. Красноярскъ 1898.

2) „С.-Петерб. Вѣдомости“ № 265, отъ 28 сент. 1899 г.

по словамъ г. Катанова, „изящно“ издана, „хорошо“ иллюстрирована... Прибавимъ еще, что матерьяль, представленный въ ней, совершенно новый и частью весьма интересный; что среди этого матерьяла центральное мѣсто занимаютъ подробные бюджеты описанныхъ 124 инородческихъ хозяйствъ, на которые цѣликомъ опираются выводы одной изъ двухъ статей г. Кулакова ¹⁾...

Можно ли сомнѣваться въ научности и основательности выводовъ работника, потрудившагося собрать по 1 подробному бюджетному описанію на каждые 250 человекъ инородческаго населенія ачинскаго и минусинскаго округовъ, тогда, какъ напр., Ф. А. Щербина въ своей извѣстной сводной статьѣ, помѣщенной въ изданіи министерства финансовъ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“, могъ располагать для выводовъ относительно населенія 50 губерній Европейской Россіи всего лишь 1 бюджетомъ на 350,000 человекъ!

Да и самъ г. Кулаковъ не случайный посѣтитель научно-литературныхъ сферъ. Не даромъ его этнографо-соціологическія статьи привѣтствуются органомъ Пыпина и Вл. Соловьева. Онъ сотрудникъ лучшихъ периодическихъ органовъ нашей печати. Его имя вы встрѣтите на страницахъ „Русскаго Богатства“, слѣдить за его работами у минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ посылается „собственный корреспондентъ“ „Русскихъ Вѣдомостей“; эрудиція его восхваляется въ нѣкоторыхъ и изъ сибирскихъ органовъ („Сибирскій Листокъ“). Онъ членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и еще недавно за одну свою работу, также о сибирскихъ инородцахъ, получилъ медаль этого Общества.

Инородческій вопросъ служить предметомъ его спеціальнаго изученія. Онъ долго жилъ въ Сибири и

1) Статья г. Кузнецовой, какъ имѣющая почти исключительно этнографическій интересъ, не входитъ въ рамки нашего обсужденія.

на мѣстѣ изучалъ сибирскихъ инородцевъ. Авторитетность его въ вопросѣ о сибирскихъ инородцахъ настолько не подлежитъ сомнѣнію, что къ ней апеллируетъ даже программа по собиранію свѣдѣній для парижской выставки. Наконецъ, въ частности въ отношеніи къ статьямъ о минусинскихъ и ачинскихъ инородцахъ много значитъ то, что онъ составлялъ ихъ, будучи секретаремъ енисейскаго губернскаго статистическаго комитета, человѣкомъ, стало быть, „мѣстнымъ“, а не наѣзжимъ, случайнымъ туристомъ-наблюдателемъ.

При томъ недостаткѣ научныхъ силъ, какимъ мы страдаемъ, вполне понятно, если въ большинствѣ случаевъ обозрѣватели текущей научной литературы основываютъ свое отношеніе къ появляющимся вновь работамъ на установившейся уже научной репутаціи ихъ авторовъ. Другое дѣло, какъ эта репутація пріобрѣтается... Но, разъ составивъ ее себѣ, г. Кулаковъ имѣлъ полное право надѣяться на большую благосклонность научной критики къ себѣ и, какъ читатель увидитъ, широко воспользовался этимъ правомъ.

Пишущій настоящія строки принималъ столь же близкое участіе въ организованномъ енисейскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, по иниціативѣ г. Кулакова, изслѣдованіи инородцевъ, какъ и самъ г. Кулаковъ и его другая сотрудница, г-жа Кузнецова. Кромѣ того всѣ добытые нами матерьялы, по использованіи ихъ г. Кулаковымъ, были переданы, согласно постановленію губернскаго статистическаго комитета отъ 10 ноября 1897 г., въ мое распоряженіе.

Уже во время совмѣстныхъ разъѣздовъ нашихъ по инородческимъ селеніямъ и позже, когда мнѣ, благодаря любезности г. Кулакова, пришлось ознакомиться въ корректурѣ съ частью его первой статьи, я не могъ удержаться отъ выраженія своего изумленія по поводу

нѣкоторыхъ взглядовъ г. Кулакова на сущность и отдѣльныя стороны инородческаго вопроса, на значеніе и пріемы обработки добытаго изслѣдованіемъ матерьяла — что и послужило въ концѣ концовъ истинной причиной, почему я отказался помѣстить свою статью рядомъ со статьями г. Кулакова. Когда же въ моихъ рукахъ очутились бюджетныя бланки описанныхъ нами, при участіи мѣстныхъ жителей, инородческихъ хозяйствъ — я былъ пораженъ тѣми измѣненіями, какія онѣ претерпѣли подъ руками г. Кулакова и его сотрудниковъ-счетчиковъ.

Не считая однако себя достаточно компетентнымъ въ спеціальныхъ вопросахъ статистики, я обратился съ указаніемъ на поразившія меня странности въ обработкѣ бюджетнаго матерьяла г. Кулаковымъ къ одному изъ наиболѣе видныхъ статистиковъ нашихъ съ просьбой, въ интересахъ науки, высказаться по поводу ихъ печатно. Получивъ въ отвѣтъ на это ссылку на недостатокъ времени, я рѣшилъ самъ, ознакомившись предварительно, насколько могъ это сдѣлать, живя въ Енисейской губерніи, съ методомъ бюджетнаго изслѣдованія, разобратъя подробнѣе въ работѣ г. Кулакова и отмѣтить все, что въ ней есть несогласнаго съ требованіями научности.

Въ результатѣ явилась настоящая статья, прочитанная мною сначала — въ мартѣ 1898 г. — въ Минусинскѣ въ кружкѣ лицъ, стоящихъ болѣе или менѣе близко къ мѣстному музею, а затѣмъ — 16 мая того же 1898 года въ Красноярскомъ отдѣлѣ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ присутствіи г. Предсѣдателя и членовъ енисейскаго губернскаго статистическаго комитета.

Въ срединѣ текущаго года мнѣ было чрезвычайно пріятно убѣдиться, что выводы мои касательно пріемовъ обработки бюджетнаго матерьяла, практикуемыхъ г. Ку-

лаковымъ, вполне совпадаютъ со взглядами извѣстнаго спеціалиста-статистика и знатока Сибири, А. А. Кауфмана, помѣстившаго на страницахъ „Извѣстій Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ основательный разборъ работы г. Кулакова.

Убѣдившись окончательно въ полной ненаучности работы г. Кулакова и непригодности ея для сужденія о добытомъ нами матерьялѣ, я рѣшилъ, дабы насколько возможно спасти послѣдній, представить его — дополнивъ своими опросными данными, личными наблюденіями и результатами литературнаго изученія — хотя бы въ простѣйшимъ образомъ обработанномъ видѣ. Въ настоящее время мною изданы уже въ двухъ выпускахъ данныя объ инородцахъ ачинскаго округа — мелецкихъ инородцахъ и кызыльцахъ ¹⁾. Въ ближайшемъ будущемъ я имѣю въ виду издать, если окажется возможнымъ, еще выпускъ съ бюджетными описаніями хозяйствъ и опросными данными относительно условій и техники хозяйствованія минусинскихъ инородцевъ. Болѣе подробное изученіе хозяйственнаго быта инородцевъ минусинскаго округа я оставляю на будущее время.

Позднее появленіе настоящей статьи въ печати объясняется желаніемъ съ моей стороны дать возможность предварительнымъ изданіемъ матерьяловъ, добытыхъ въ 1897 году, — читателю и критику проверить на самомъ этомъ матерьялѣ, или хотя части его — справедливость моихъ обвиненій, направленныхъ противъ работы г. Кулакова.

Въ настоящемъ своемъ печатномъ видѣ статья моя подверглась лишь нѣкоторымъ дополненіямъ и касающимся главнымъ образомъ тона ея измѣненіямъ.

1) „Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ“. Вып. II — Мелецкіе инородцы. Вып. III — Кызыльцы и ихъ хозяйство. Юрьевъ 1899 г.

Не смотря на послѣднее обстоятельство, для человѣка съ миролюбивымъ и уравновѣшеннымъ отношеніемъ къ дѣйствительности она можетъ показаться рѣзкой и придирчивой. Но мнѣ все же хотѣлось бы вѣрить, что читатель не усмотритъ въ ней того, чего совсемъ нѣтъ — желанія поглумиться надъ критикуемымъ авторомъ или свести съ нимъ какіе либо личные счеты.

Тотъ кто будетъ имѣть терпѣніе пробѣжать предлагаемую статью до конца легко объяснитъ себѣ настоящій источникъ окрашивающаго тонъ ея раздраженія и, быть можетъ, даже не поставитъ мнѣ тогда его въ большую вину.

Въ заключеніе не могу отказать себѣ въ удовольствіи выразить здѣсь мою глубокую благодарность Ф. Я. Кону, согласившемуся помочь мнѣ въ производствѣ подсчетныхъ работъ, благодаря чему не пришлось вовсе прибѣгать къ содѣйствію случайныхъ, болѣе или менѣе ненадежныхъ помощниковъ, и понижать тѣмъ самымъ собственную увѣренность въ удовлетворительномъ выполненіи принятой на себя задачи.

Юрьевъ, Ноябрь 1899 г.

Арс. Яриловъ.

„Нужно страдать неисчислимым ослеплением, чтобы не замечать быстрого понижения научного уровня в России за последние годы“.

(Вл. Соловьевъ, 1888 г.)

„Гдѣ нѣтъ закона — нѣтъ и преступленія“.

(Римл. 4, 15.)

Татары Енис. губ. сдѣлали за послѣднія три четверти столѣтія громаднѣйшій шагъ впередъ по пути культурнаго и сельскохозяйственнаго развитія“. Такими словами начинаетъ г. Кулаковъ свою первую статью въ изданномъ енисейск. губ. статистич. комитетомъ сборникѣ „Минусинскіе и Ачинскіе инородцы“.

При ближайшемъ ознакомленіи съ помѣщенными въ послѣднемъ статьями г. Кулакова, становится однако очевиднымъ что „татары Енисейск. губ.“ успѣли сдѣлать не за три четверти столѣтія, а всего лишь за послѣднія 7 лѣтъ, прошедшія со времени статистико-экономич. изслѣдованія Енисейской губерніи, такой громаднѣйшій шагъ впередъ, какой и не снился любому „не татарскому“ народу. Путемъ мирной эволюціи — очевидно, ибо ни о какой „татарской“ революціи мы не слыхали — минусинскіе и ачинскіе инородцы¹⁾ съумѣли за указанное семилѣтіе до такой степени радикально переустроить весь укладъ своей хозяйственной жизни, настолько повысить свой образовательный цензъ — что вполне заслуживаютъ того глубокаго и всесторонняго вниманія, какое оказалъ имъ изслѣдователь, задавшійся цѣлью „прослѣдить за постепеннымъ процессомъ руссификаціи татаръ и связанномъ съ этимъ процессомъ измѣненіемъ гра-

1) Говоря о татарахъ Енисейск. губ., авторъ имѣетъ въ виду только инородцевъ минусинск. и ачинскаго округовъ; инородцы двухъ канскихъ улузовъ вовсе не входятъ въ область его изслѣдованія.

ницъ инородческихъ владѣній, измѣненіемъ бытовыхъ и сельскохозяйственныхъ формъ, переходомъ отъ кочеваго состоянія къ осѣдлости, измѣненіемъ потребительныхъ и производительныхъ процессовъ и пр. . . . (стр. 3), „прослѣдить какъ взаимодѣйствіе“ всяческихъ „вліяній отражалось на различныхъ сторонахъ инородческой жизни: на движеніи татарскаго населенія и на измѣненіи общихъ бытовыхъ и культурныхъ формъ, на переходѣ отъ кочеваго къ осѣдлому состоянію и на развитіи формъ хозяйства, которое главнымъ образомъ выразилось въ распространеніи земледѣлія и упадкѣ скотоводства и звѣроловнаго промысла“ . . . (стр. 9).

Достойный удивленія народъ — минусинскіе и ачинскіе инородцы — получили въ лицѣ г. Кулакова вполне достойнаго ихъ и также не менѣе достойнаго удивленія историка-изслѣдователя . . . Одни въ теченіе 7 лѣтъ произвели у себя, ни для кого не примѣтнымъ образомъ, самыя коренныя реформы, другой въ теченіи 1¹/₂ мѣсяцевъ самымъ подробнымъ и всеобъемлющимъ образомъ изучилъ ихъ бытовую и хозяйственную эволюцію за три четверти вѣка . . .

Величайшимъ успѣхомъ удивительнаго „татарскаго“ народа было то, что онъ счумѣлъ поставить себя внѣ сферы вліянія „біологическихъ законовъ“. Величайшею заслугой его изслѣдователя должно признать раскрытіе тайны такого успѣха. Чтобы постичь всю громадность совершеннаго татарами подвига, слѣдуетъ имѣть въ виду, что вѣдь „вопросъ о печальной участи инородцевъ, какъ болѣе слабаго и менѣе культурнаго племени, предрѣшенъ біологическими законами“. „Непреодолимый законъ борьбы за существованіе никогда . . . не переставалъ оказывать своего вліянія: менѣе (чѣмъ минус. и ачинск. инородцы) приспособленные и поставленные въ худшія условія тюркскія племена, какъ арины, моторы, котты и джесары и менѣе приспособленные отдѣльныя личности гибли въ этой борьбы и угасали, но“ — въ этомъ „но“ и состоитъ раскрытая г. Кулаковымъ чрезвычайная тайна татарскаго подвига — „уставъ 1822 г. (объ управленіи инородцами) всетаки игралъ двойную благопріятную роль: съ одной стороны онъ смягчалъ и задерживалъ вліяніе естественнаго закона, а съ другой — шелъ на встрѣчу и облегчалъ постепенный переходъ къ высшимъ формамъ. Таково было общее направленіе закона, которое привело енисейскихъ татаръ къ положительнымъ результатамъ болѣе чѣмъ бурятъ Иркутск. губ. и За-

байкальской области и чѣмъ якутовъ Якутской области, т. е. два племени, которыя въ литературѣ принято считать за наиболѣе сильныя и наиболѣе передовыя инородческія племена. Но, — прибавляетъ нашъ авторъ, — это общее направленіе, конечно не могло вполнѣ гарантировать татаръ отъ многочисленныхъ злоупотребленій разныхъ лицъ, отъ чрезмѣрнаго и часто своекорыстнаго усердія и усердія не по разуму исполнителей, не могло даже вполнѣ защитить татаръ отъ слишкомъ сильнаго и рѣзкаго, и часто по этому губительнаго вліянія русскихъ“¹⁾.

Итакъ, дѣйствіе Устава 1822 г. на инородцевъ было столь громадно, что могло съ успѣхомъ вступать въ споръ даже съ „непреодолимыми“ біологическими законами, „смягчать и задерживать“ ихъ вліяніе, хотя „конечно“ не было въ силахъ „вполнѣ гарантировать татаръ отъ многочисленныхъ злоупотребленій разныхъ лицъ“ и спасти ихъ отъ „губительнаго вліянія русскихъ“.

Читатель — будь онъ естествоиспытатель или соціологъ, все равно — не можетъ не оцѣнить всей важности сдѣланнаго г. Кулаковымъ открытія и охотно проститъ ему за то нѣкоторую неясность вышеприведенной выписки и встрѣчающіяся въ ней фактическія неточности. Поразивъ своимъ открытіемъ, г. Кулаковъ предоставляет затѣмъ читателю уже самому рѣшать вопросъ, почему-же въ концѣ концовъ изученные авторомъ инородцы оказались наиболѣе „приспособленными“, и въ чемъ заключаются тѣ лучшія условія, которыя дали имъ преимущество въ борьбѣ за существованіе предъ другими „татарскими племенами, какъ арины, моторы, котты и джесары“. Почему, далѣе, минусинцы и ачинцы были приведены „общимъ направленіемъ устава 1822 г.“ „къ болѣе положительнымъ результатамъ“, чѣмъ даже буряты и якуты; повинно ли въ этомъ дѣйствіе „біологическихъ законовъ“, противодѣйствіе этимъ законамъ со стороны устава, или „своекорыстное усердіе исполнителей“ и „губительное вліяніе русскихъ“. У читателя нѣсколько знакомаго — хотя бы напр. по справочному словарю П. П. Семенова или по инымъ, столь же доступнымъ источникамъ — съ принятою классификаціей сибирскихъ инородцевъ можетъ возникнуть при этомъ нѣкоторое недоумѣніе по поводу причисленія г. Кулако-

1) Стр. 4. Курсивъ всюду мой.

вымъ ариновъ, моторовъ и коттовъ къ числу тюркскихъ племенъ и выдѣленія въ особое, также тюркское, племя джесаровъ. Арины и котты еще Клапротомъ вмѣстѣ съ ассанами и до сей поры живущими къ сѣверу отъ Енисейска (на рр. Сымъ и Курейкъ) „остаяками“ соединены были въ общую группу „Енисейцевъ“ (б. м. потомковъ динлиновъ)¹⁾, а моторы съ тубинцами и камасинцами составляютъ южную вѣтвь лѣсныхъ самоѣдовъ. Что касается джесаровъ, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ считать ихъ за особое племя, отличное отъ тубинцевъ и моторовъ, вмѣстѣ съ которыми они упоминаются на страницахъ сибирской исторіи²⁾. Въ „отпискахъ“ сибирскихъ воеводъ и прикащиковъ, въ „статейныхъ спискахъ“ вернувшихся изъ походовъ „дѣтей боярскихъ“ и казаковъ находится не мало названій группъ инородцевъ, съ которыми они встрѣтились или про которыхъ что-либо услышали или узнали, но было бы чрезвычайно странно всѣхъ этихъ „исаровъ“, „камларцевъ“, „караитовъ“, „кимцевъ“, „буклинцевъ“, „бохтинцевъ“, „милизіаровъ“, „базагаровъ“, „кученгутовъ“, „алтырцевъ“ — и какъ бы они тамъ еще не назывались — возводить въ степень отдѣльныхъ племенъ. Упоминанія о джесарахъ, какъ объ особомъ народцѣ мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ старѣйшихъ сибирскихъ этнографовъ — ни у Георги, ни у Гмелина, ни у Спасскаго.

Еще болѣе странно причислять, какъ это дѣлаетъ г. Кулаковъ, джесаровъ вмѣстѣ съ моторами къ тюркскимъ племенамъ.

То что говоритъ г. Кулаковъ по поводу гибели и угасанія вышеназванныхъ, неправильно именуемыхъ имъ тюркскими, племенъ, — также не можетъ не возбудить цѣлаго ряда вопросовъ и сомнѣній. Если вы обратитесь къ приведенной нами выше (стр. 10—11) цитатѣ изъ статьи г. Кулакова, вы подумаете, что печальная судьба этихъ инородцевъ должна быть объяснена дѣйствіемъ „непреодолимаго закона борьбы за существованіе“, получившаго, въ силу меньшей ихъ приспособляемости и худшихъ условій существованія, настолько большой перевѣсъ надъ благотѣльнымъ вліяніемъ устава 1822 г., что этотъ послѣдній

1) Ср. Н. А. Аристовъ. Замѣтки объ этнич. составѣ тюркскихъ племенъ и народностей. „Живая Старина“ 1896 г. Вып. III—IV, стр. 323.

2) Ср. Миллеръ. Описаніе сибирскаго царства. Книга первая. Вторымъ тисненіемъ. С.-Пб. 1787 г., стр. 354—357. — Фишеръ. Сибирская исторія 1774 г., стр. 216, 480.

оказался уже не въ силахъ спасти ариновъ, коттовъ и пр. отъ „біологическихъ законовъ“, подобно тому, какъ онъ спасъ изученныхъ г. Кулаковымъ минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ.

Однако такое, казалось бы правильное толкованіе написаннаго г. Кулаковымъ на стр. 4 его статьи рѣшительно опровергается имъ же самимъ на стр. 14. „Въ 1823 г. — читаемъ мы здѣсь — енис. губернаторъ Степановъ спрашивалъ Кызыльскую степную Думу не находится ли между кызыльцами моторовъ, кочевавшихъ прежде близъ Шадатскаго форпоста. Дума отвѣтила, что „моторовъ неизвѣстно“ и этотъ отвѣтъ былъ равносильнъ отрицательному, такъ какъ, очевидно, моторы къ этому времени уже частью угасли, частью слились съ другими племенами, такъ что самое имя ихъ было уже забыто. Такъ же точно намъ не пришлось ни въ одномъ архивѣ встрѣтить ни одного слова о другихъ, повидимому раньше исчезнувшихъ, племенахъ: коттахъ, аринахъ и джесарахъ.“ (Курсивъ мой.)

Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что всѣ означенные народцы исчезли съ лица земли еще до появленія на свѣтъ положенія объ инородцахъ 1822 г. и, стало быть, этому послѣднему никоимъ образомъ не можетъ быть поставленъ упрекъ въ недостаткѣ бдительности и дѣятельнаго вмѣшательства въ ихъ судьбу. Невольно возникаетъ даже вопросъ, нельзя ли вообще объяснить гибель не только помянутыхъ, но и всѣхъ другихъ инородческихъ племенъ исчезнувшихъ еще до 1822 г. — „наиболѣе знаменательнаго, имѣвшаго рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее судьбу инородцевъ“ (стр. 3) — именно тѣмъ, что имъ не довелось укрыться отъ „непреложныхъ“ жестокостей божескихъ, „естественныхъ“ законовъ подъ сѣнью всемогущихъ и милосердыхъ человѣческихъ уставовъ. Къ сожалѣнію, г. Кулаковъ, съ своей стороны, не даетъ никакихъ на этотъ счетъ разъясненій, всецѣло предоставляя читателю и здѣсь самому открывать, на основаніи разногласія стр. 4-й со стр. 14-й, истинный взглядъ автора на предѣлы вмѣшательства въ божескіе законы устава 1822 г., рѣшать имѣютъ-ли также и въ присутствіи этого послѣдняго „меньшая приспособленность и худшія условія“ какое либо вліяніе на судьбы инородческихъ обществъ, или нѣтъ.

Въ цѣляхъ разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ присматриваясь къ стр. 14-й, я былъ удивленъ тѣмъ, какое чрезвычайное значеніе придаетъ г. Кулаковъ своимъ изысканіямъ въ инородческихъ архивахъ. Мнѣ припомнилось при этомъ, что въ тѣхъ селеніяхъ (кромѣ мелецкой управы), гдѣ находятся инородческіе архивы, мы жили не болѣе 2—4 дней, причемъ за этотъ короткій промежутокъ времени ставилось задачей не только обозрѣть за 75-лѣтіе архивныя дѣла и книги, но и еще составить бюджетное описаніе двухъ-трехъ хозяйствъ, произвести опросъ по нѣсколькимъ программамъ, завести сношенія съ мѣстными жителями, могущими оказать намъ то или иное содѣйствіе. Мнѣ припомнилось далѣе, что позже, для болѣе близкаго ознакомленія съ однимъ только кызыльскимъ архивомъ — наименьшимъ изъ всѣхъ, кромѣ мелецкаго — мнѣ пришлось потратить вдвоемъ съ переписчикомъ не менѣе мѣсяца регулярной 10 часовой работы . . .

Г. Кулаковъ чрезчуръ преувеличилъ важность нашего совмѣстнаго изученія инородческихъ архивовъ и, благодаря этому, допустилъ цѣлый рядъ досадныхъ ошибокъ.

Прежде всего, онъ вмѣстѣ съ губернаторомъ Степановымъ отправился разыскивать моторовъ въ ачинскій округъ, въ кызыльскую Думу, а затѣмъ — по всѣмъ минусинскимъ и ачинскимъ архивамъ искалъ коттовъ. Не найдя ни тѣхъ ни другихъ тамъ гдѣ онъ ихъ искалъ, г. Кулаковъ заключилъ изъ этого, что моторы „очевидно“ уже „частію угасли, частію слились“ и имя ихъ уже „забыто“, а котты также какъ арины и джесары, не дождавшись его поисковъ, совершенно „исчезли“.

Болѣе осторожный изслѣдователь на мѣстѣ г. Кулакова не удовольствовался бы розысками въ архивахъ, а заглянулъ-бы еще напр., въ „Списки населен. мѣстъ Енисейской губерніи“, гдѣ по свѣдѣніямъ 1859 г. указывается въ составѣ Таражакова рода принадлежавшаго къ Койбальской степной Думѣ, Минусинскаго округа, кость „маторъ“ — „остатки нѣкогда довольно многочисленнаго народа (моторовъ), жившаго здѣсь еще во время прихода русскихъ на маторской степи, въ долину р. Амыла¹⁾“; болѣе осторожный изслѣдователь провер-

1) Стр. XXXII. — По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Кастреномъ, изъ 400 когда-то кочевавшихъ по Тубѣ моторовъ 200 переселилось въ Китай и живутъ тамъ еще до сихъ поръ, подъ именемъ маторъ; другая часть ихъ во-

нуль-бы двѣ три страницы своей собственной статьи и узналъ бы отъ самаго себя, что коттовъ столь же бесполезно искать въ минусинскихъ и ачинскихъ архивахъ, какъ моторовъ въ ачинскомъ округѣ, такъ какъ они, котты „канскіе“¹⁾, т. е. жили и живутъ въ канскомъ округѣ.

Объ аринахъ г. Кулаковъ тоже не могъ добыть никакихъ свѣдѣній, но это опять таки лишь потому, что онъ очень невнимательно просматривалъ цитируемыя имъ²⁾ работы гг. Кузнецова и Катанова.

Иначе онъ не могъ бы въ первой изъ нихъ: — „Архивъ Аскизской степной Думы“, — не замѣтить очень частое упоминаніе³⁾ имѣющей прямое отношеніе къ аринамъ „Яренской земли“, а изъ „отчета о поѣздкѣ 1896 г.“ Н. Ф. Катанова узналъ бы, что и до сихъ поръ еще „потомки древнихъ ариновъ, какъ отдѣльный родъ (Ара) входятъ въ составъ племени качинцевъ (т. е. инородцевъ Абаканской управы) и живутъ по р. Ташебѣ“⁴⁾.

шла въ составъ качинцевъ — Тубинскій родъ. Самое же племя маторовъ представлено было во время путешествія Кастрена (1847 г.) всего лишь восемью платажными душами, совершенно при томъ тюркизированными. Последняя слѣпая старуха, говорившая еще на своемъ родномъ языкѣ умерла за 8 лѣтъ до Кастрена. Ср. M. Alexander Castren's Reiseberichte und Briefe. St. Petersburg 1856, стр. 322, 343.

1) Кулаковъ, стр. 10. — Котты были впервые обложены ясакомъ въ годъ постройки Красноярска, т. е. въ 1628 г. и уже тогда „жили у рѣки Кана“. (Фишеръ. Сибирск. исторія, стр. 284—285.) Самая постройка въ 1640 г. Канскаго острога мотивируется желаніемъ охранить коттовъ отъ набѣговъ сосѣднихъ народцевъ. Правда, будучи кочевниками звѣроловами, котты заходили за звѣремъ далеко вверхъ по правому берегу Енисея — до самаго Абаканскаго острога. Во времена Георги, они были многочисленнѣе ариновъ и ассановъ и говорили еще „собственнымъ языкомъ“. (Георги. Описан. всѣхъ обит. въ Росс. госуд. народовъ. С.-Пб. 1799 г., часть третья, стр. 27.) Но Кастрень въ 1847 г. нашелъ уже всего лишь 9 семей коттовъ, сохранившихъ еще сколько-нибудь свои племенные особенности; да и изъ нихъ только 4—5 человѣкъ помнили еще свой языкъ. Далѣе, Кастрень встрѣтилъ коттовъ — „полурусскихъ - полумонголъ“ отъ смѣшенія съ бурятами въ с. Бодарановкѣ, въ 30 в. отъ Нижнеудинска и обрусѣлыхъ — въ сс. Анцыферовскомъ, Еланскомъ (оба близъ Канска) и Барнаульскомъ. (Reiseber. u. Bg., стр. 282—283.)

2) Кулаковъ, стр. 5 и 11—12.

3) Ср. стр. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

4) По словамъ Стралленберга, во время прихода русскихъ, ариновъ, обитавшихъ тогда по Енисею вблизи Красноярска, было до 7000 человѣкъ. По сообщенію же Георги „еще до прибытія русскихъ, и отъ жестокости

Нѣтъ, болѣе осторожный изслѣдователь не рѣшился бы столь категорически утверждать, что отъ всѣхъ названныхъ народовъ — коттовъ, ариновъ, моторовъ, джесаровъ — „къ настоящему времени не осталось никакого слѣда“ (стр. 10—11)...

Нельзя не обратить вниманія еще на одно весьма существенное, но оставшееся невыясненнымъ г. Кулаковымъ обстоятельство. Чему обязанъ своимъ таинственнымъ и столь могущественнымъ вліяніемъ на судьбы инородцевъ уставъ 1822 г.?

„Разрѣшеніе инородческаго вопроса — полагаетъ г. Кулаковъ заключалось, какъ и до сихъ поръ заключается въ томъ, чтобы повышеніемъ культурныхъ и экономическихъ формъ сообщить инородцамъ силу для борьбы да свое существованіе. Повышеніе же и развитіе формъ могло состояться исключительно лишь приближеніемъ инородческаго уровня къ уровню болѣе сильной расы, т. е. исключительно лишь путемъ обрусѣнія“ (стр. 4).

Слѣдуетъ-ли отсюда заключить, что благіе результаты законодательства 1822 года объясняются прозорливостью законодателя, понявшаго всю „исключительность“ своей задачи и всѣ силы свои и изобрѣтательность направившаго къ возможно-скорѣйшему обрусѣнію инородцевъ, „приближенію инородческаго уровня къ уровню болѣе сильной расы“?

Нѣтъ, — ибо тремя строками выше самъ же г. Кулаковъ свидѣтельствуетъ, что Положеніемъ 1822 г. инородцамъ было даровано „самоуправленіе, право суда и разбирательства дѣлъ не по чуждымъ инородческому духу русскимъ законамъ, а на основаніи мѣстнаго обычнаго права“ (стр. 3). Нѣсколько ниже г. Кулаковъ

татаръ (качинцевъ), а особливо отъ частыхъ киргизскихъ нападеній“ число ихъ уменьшилось уже до „300 семей“. Позже часть ихъ перешла къ киргизамъ и (въ 1835 г.) „покинула свою родину и ушла въ киргизскую землю“ (Миллеръ). Остальные подверглись вліянію своихъ сосѣдей качинцевъ „потому что издавна соединились они съ татарами брачнымъ совокупленіемъ“ (Миллеръ). Во время путешествія Миллера и Гмелина въ 1735 г. около Красноярска оставалось всего 9 семей ариновъ и только одинъ изъ нихъ, жившій на р. Бузимъ говорилъ на своемъ родномъ языкѣ. Другая отуреченная часть ихъ жила вмѣстѣ съ качинцами по рр. Теси и Ербѣ, по Спасскому и въ верховьяхъ Тубы. (Ср. „Стралленбергъ въ Сибири“, Сибирск. Вѣстн. 1888 г. №№ 18, 21, 24. Георги, т. III, стр. 24. Миллеръ, Ежемѣс. соч. 1764 г., мартъ, стр. 214. Фишеръ, стр. 478. Спасскій, Сибирск. Вѣстн. 1819 г., ч. V, стр. 62.)

приводить слѣдующій отзывъ губернатора Степанова о томъ же Положеніи 1822 г. „Чѣмъ свободнѣе люди дѣйствуютъ, тѣмъ удобнѣе могутъ пріобрѣтать для себя и выгоды и спокойствіе... Учрежденіемъ своимъ сибирскимъ краямъ (Государь Александръ) даровалъ вамъ полную свободу судить самимъ вашихъ людей по вашимъ законамъ и обычаямъ. Доселѣ вы принуждены были по дѣламъ своимъ хлопотать по судамъ, не зная ни законовъ, ни языка русскаго; доселѣ съ униженіемъ и трепетомъ ставили вы по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ на крыльцахъ нашихъ судилищъ. Но нынѣ ваши дѣла должны разбираться въ улусахъ родоначальника и князцы, кругомъ огня, въ юртахъ своихъ или подъ небомъ чистымъ, судомъ на родномъ языкѣ по правамъ предковъ, какъ отцы, какъ старшіе братья своихъ родовичей“... (стр.78).

Не очевидно ли, что какъ составитель устава 1822 г., такъ и первый губернаторъ Енис. губ., на долю котораго выпало проводить начала его въ среду изучаемаго теперь г. Кулаковымъ инородческаго населенія — оба они смотрѣли на „разрѣшеніе инородческаго вопроса“ совершенно иначе, чѣмъ нашъ авторъ¹⁾. И однако безпристрастность послѣдняго настолько безгранична, что и составитель устава, и губернаторъ Степановъ удостаиваются отъ него предъ читателемъ самой лестной рекомендаціи. За то таинственное начало устава 1822 г. такъ и остается неразоблаченнымъ...

Почти все предыдущее изложеніе наше, какъ можетъ судить читатель, представляетъ ничто иное, какъ разборъ одной только 4-й стр. г. Кулакова. И о цѣломъ можно вполне сказать то-же, что о разобранной части его. Работа г. Кулакова отличается всѣми достоинствами публицистическаго труда: она смѣло и широко, хотя и недостаточно опредѣленно, трактуетъ самыя разнообразныя темы, пробуждаетъ массу вопросовъ и сомнѣній, вызываетъ мысль на самостоятельную работу, — но, какъ научное сочиненіе, несомнѣнно, оставляетъ желать весьма многого.

1) Насколько велико разногласіе — вопреки категорической формѣ сужденія нашего автора — по вопросу объ „исключительномъ пути“ разрѣшенія инородческаго вопроса, показываетъ слѣдующее еще болѣе рѣшительное заявленіе редакціи нашего наиболѣе вліятельнаго этнографическаго органа „Живой старины“: „Думы объ искорененіи всѣхъ нашихъ инородцевъ, о поголовномъ ихъ превращеніи въ русскіхъ людей могутъ приходить только въ п... я и нев... я головы“. „Живая старина“ 1896 г., выпускъ III—IV, стр. 272, „отъ редакціи“.

Прежде чѣмъ покончить со стр. 4, замѣтимъ еще, по поводу основнаго положенія ея о взаимодѣйствіи божескихъ и человѣческихъ законовъ, что г. Кулаковъ, какъ это въ особенности наглядно обнаружится при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ его трудомъ, не придаетъ никакого — или если и придаетъ, то совершенно неуловимое значеніе различію физико-географическихъ условій обитаемыхъ инородческими обществами мѣстностей, различію въ расовыхъ характерахъ этихъ обществъ, неодинаковости ихъ историческаго прошлаго и пр. Этимъ самымъ онъ дѣйствительно лишаетъ себя всякаго болѣе удовлетворительнаго объясненія вымиранія и исчезновенія однихъ племенъ, размноженія и усиленія другихъ, чѣмъ аппеляція къ непреодолимымъ біологическимъ законамъ и одолѣвающимъ ихъ уставамъ и распоряженіямъ вышшаго начальства ¹⁾.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ прогрессивною или регрессивною эволюціею отдѣльныхъ инородческихъ „племенъ“. Это

1) Менѣ публицистически настроенные современники г. Кулакова, обращавшіе, какъ и онъ, вниманіе на живучесть минусинскихъ инородцевъ, объясняли ее нѣсколько иначе. „Надобно однако-же сказать — читаемъ въ одной статьѣ Д. А. Клеменца — что до сихъ поръ качинецъ не безъ успѣха сопротивлялся неблагопріятнымъ вліяніямъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что въ качинцѣ мы видимъ представителя довольно стойкой тюркской расы. Факты доказываютъ, что при сожителствѣ тюркскихъ и самоѣдско-финскихъ племенъ, послѣднія подвергаются немедленной тюркизаціи, забываютъ свой родной языкъ и обычай. Въ долиніѣ Енисея мы имѣемъ два крупныхъ примѣра отуреченныхъ самоѣдскихъ племенъ — это койбалы въ минусинскомъ округѣ и сойоты за саянскимъ хребтомъ. Оба эти народа самоѣдскаго корня теперь стали настоящими тюрками. Козловъ, путешествовавшій спустя 15 лѣтъ послѣ Кастрена, между инородцами Каинскаго округа, замѣтилъ громадный прогрессъ тюркизаціи мѣстныхъ самоѣдско-финскихъ племенъ. Естественное дѣло, что народъ, подчиняющійся своему нравственному вліянію другихъ, не такъ легко уступить свое мѣсто и болѣе сильному сопернику. Качинскія солончаковыя сухія степи представляли до сихъ поръ мало привлекательнаго для алчныхъ глазъ“... („Сибирь“ 1885 г., № 42.) — „Вымираніе, говоритъ Н. Ф. Катановъ, замѣчается только у финновъ, остяковъ и самоѣдовъ, но не у тюрковъ. Что же касается вымиранія тюрковъ, то оно замѣчается только у тѣхъ изъ нихъ, которые весь свой вѣкъ бродятъ по лѣсамъ и горамъ, именно на Алтаѣ, Тянь-Шанѣ, Саянахъ и сибирскихъ лѣсахъ. Прочіе тюрки кочуютъ по степямъ и долинамъ и, поставленные въ лучшія условія жизни, нежели ихъ горные и лѣсные сородичи не вымираютъ, хотя нѣкоторыя болѣзни, какъ напр. тифъ, лихорадка, проказа, оспа и др. иногда уносятъ ихъ въ могилу не десятками, а тысячами человѣкъ“. (Этнографическій обзоръ турецко-татарскихъ племенъ. Казань 1894 г.)

была прелюдія, выясняющая общія біо-соціологическія воззрѣнія нашего автора.

Теперь мы опустимся въ самую глубь его собственныхъ изслѣдованій въ предѣлахъ одного и того-же (?) племени минусинско-ачинскихъ инородцевъ.

На мѣстѣ гибнущихъ съ одной стороны и растущихъ съ другой — племень мы встрѣчаемъ здѣсь „болѣе приспособленныя“ и не съумѣвшія вовсе приспособиться отдѣльныя соплеменные особи.

Яркими живыми красками рисуетъ намъ г. Кулаковъ всѣ выгоды, выпадающія на долю первыхъ въ борьбѣ за существованіе и всѣ невыгоды для вторыхъ... Часть инородцевъ „наиболѣе сильная“, которая „легче приспосабливается къ новымъ измѣняющимся формамъ хозяйства и къ новымъ экономическимъ отношеніямъ“ (стр. 30) — живетъ „уже русскою жизнью, ведетъ русское хозяйство“... (стр. 36); „экстензивное скотоводство у нихъ по немногу падаетъ, а земледѣліе напротивъ развивается“ и границы послѣдняго, „вытѣсняющаго скотоводческое, быстро расширяются“ (стр. 31). — „Другая часть, менѣе сильная, не имѣя возможности правильно повести земледѣльческое хозяйство и въ то же время потерявъ, вслѣдствіе наступившаго утѣсненія, возможность вести прежнее экстензивное скотоводческое хозяйство, быстро выбивается изъ сельско-хозяйственной колеи и, или бѣднѣетъ окончательно и поступаетъ въ работники къ приспособившимся“... или доживаетъ „на задворкахъ“ ихъ „улусовъ въ жалкихъ избушкахъ и юртахъ“ „свой вѣкъ“, сохраняя „и свой племенной типъ и національный образъ жизни, но, повидимому“, утративъ „способность, не только къ развитію, но и къ дальнѣйшему существованію (36); или, наконецъ, надѣясь найти спасеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще менѣе распространилось русское вліяніе и гдѣ больше сохранилось скотоводческое хозяйство, бросаетъ насиженные мѣста и перекочевываетъ на новыя“. Но увы! „пощадъ не ждите — она не придетъ“: „вслѣдъ за откочевывающими съ полосы земледѣлія татарами“, „по пятамъ за ними“ — „эта земледѣльческая культура слѣдуетъ въ глубь татарскихъ земель“... обрекая несчастныхъ на все новое и новое бѣгство... „Это какое то вѣчное блужданье, оканчивающееся, по большей части, только смертью, угасаніемъ несумѣвшихъ приспособиться инородцевъ“... (31). „Такъ постепенно замираетъ старая жизнь и на развалинахъ еще недавно существовавшихъ улусовъ съ берестяными и войлочными юртами,

съ жалкими землянками, зарождается въ лучшихъ условіяхъ новая жизнь“ стр. 36).

Картина, какъ видите, настолько сильная и поучительная, что съ успѣхомъ могла бы замѣнить для татаръ изображеніе ужасовъ страшнаго суда... Тутъ и „вѣчные жида“, за которыми „по пятамъ“, кромѣ „біологическихъ законовъ“ гоняется еще земледѣльческая культура, тутъ и ужасы рабства и страхъ медленной, но неизбѣжной смерти, „угасанія“. А въ глубинѣ перспективы трупы безслѣдно погибшихъ въ непосильной борьбѣ ариновъ, моторовъ, джесаровъ...

Повидимому, и самъ авторъ имѣлъ въ виду такое воспитательное назначеніе рисуемой имъ картины. Иначе зачѣмъ бы ему создавать хотя и весьма драматичный, но мало связанный съ дѣйствительностью образъ „татарскаго Агасфера“.

Нельзя конечно не понять и не оцѣнить побужденій изслѣдователя, вполне сознающаго какія выгоды, ожидаютъ тѣхъ изъ „татаръ“, которые „измѣняютъ изстари укоренившемуся обычаю кочевать“ (стр. 104) и не допускающаго мысли, чтобы любезная ему „болѣе сильная, приспособившаяся часть“ инородцевъ нуждалась для этого въ какихъ-либо предварительныхъ компромиссахъ съ отжившимъ обычаемъ. Пусть умирающіе, тѣ что тамъ, въ жалкихъ избушкахъ и юртахъ, „на задворкахъ“ палатъ избранныхъ, доживаютъ свой вѣкъ, сохраняя національный образъ жизни — пусть они хоронятъ умирающее...

Но г. Кулаковъ, въ своемъ увлеченіи наиболѣе „приспособившимися“, думаетъ о нихъ много лучше, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Въмѣсто того, чтобы, построивъ себѣ пятистѣнные палаты, переселиться сюда однажды на всегда и перестать думать о томъ времени, когда они вели „національный образъ жизни“, — „овцы“ его изслѣдованія легкомысленничаютъ и рядомъ съ новыми палатами ставятъ (*horribile dictu!*) „національную“ юрту, въ которую и перекочевываютъ каждое лѣто изъ палатъ.

Плодомъ такого же легкомыслія, въ которомъ „приспособившіеся“ повинны почти столько же, какъ и „умирающіе“, является и та „оригинальная форма кочеванія“, о которой говоритъ г. Кулаковъ и которая послужила ему сюжетомъ для изданія „татарскаго“ Агасфера.

Всегда на ряду съ періодической сезонной смѣной мѣстожителства, — перекочевками на зимникъ, весенникъ, лѣтникъ или осенникъ — существовала еще другая форма перемѣны

мѣстожителства, перемѣна мѣста самаго лѣтника или зимника, вызывавшаяся болѣе или менѣе экстренными причинами. Вывалится ли скоть или „не станутъ вестись ребятишки“, умретъ-ли кто изъ старѣйшихъ членовъ семьи, станетъ ли ощущаться недостатокъ въ пастбищахъ, покосахъ, звѣроловныхъ и другихъ угодьяхъ, или прослышатъ о лучшихъ мѣстахъ — и семья инородцевъ бросаетъ свой зимникъ или лѣтникъ и перебирается на новое мѣсто...

Такъ ведется изстари и инородцы къ этому настолько привыкли, что въ настоящее время на вопросъ о причинахъ переселенія съ одного мѣста на другое всего чаще получается отъ нихъ отвѣтъ: „мы народъ кочемный (т. е. кочевой): какъ намъ на одномъ мѣстѣ жить“, „сердце не лежитъ“, „тянетъ на свѣжее“ (мѣсто).

Привычка къ скитаніямъ поддерживается въ особенности тѣмъ, что вся обширная площадь земель, входящихъ въ составъ одной и той же инородческой административной единицы (управы), составляетъ и до сего времени еще единую земельную общину, и всѣ инородцы этой управы могутъ въ предѣлахъ ея селиться, гдѣ хотятъ.

А г. Кулаковъ хочетъ насъ увѣрить, что онъ открылъ какую-то новую „совершенно оригинальную“ (стр. 31) форму кочеванія, которая, „судя по имѣющимся литературнымъ даннымъ, не имѣетъ ничего себѣ подобнаго у другихъ сибирскихъ инородцевъ; что „эта форма кочеванія не только временная и переходная, какъ и всѣ другія, но она быстротечнѣе другихъ формъ, такъ какъ развивается лишь у самаго водоворота столкнувшихся старыхъ и новыхъ формъ хозяйства“ (стр. 31)¹⁾.

1) Въ 1660 году, когда посольство изъ томскихъ казаковъ явилось отъ имени московскаго царя къ монгольскому хану — Лобсанъ-Хану (сыну Алтынъ-Хана) — „этотъ послѣдній пригласилъ посольство къ себѣ, но вслѣдствіе смерти своей жены былъ вынужденъ, согласно обычаямъ страны, какъ можно скорѣе перемѣнить мѣсто своей резиденціи“ (О. Іакинѣвъ. Цитирую по Радлову „Aus Sibirien“, Bd. I, Leipzig 1884, стр. 166). Любопытно, что на стр. 103 г. Кулаковъ и самъ склоняется къ допущенію иныхъ причинъ, помимо вліянія „новыхъ формъ хозяйства, вызывающихъ переселеніе инородческихъ семей на новую мѣста: „Въ Абаканской, Аскызской, а частью (?) въ Кизыльской (и Мелецкой?) распространено еще собственно не перекочевываніе,

Въ подтвержденіе сказаннаго г. Кулаковъ приводитъ (стр. 31—35) примѣры гораздо болѣе пригодные однако для того, чтобы разубѣдить его самого, чѣмъ убѣдить читателя въ исключительномъ на „форму кочеванія“ вліяніи „новыхъ сельскохозяйственныхъ условий“ и „водоворотовъ“. Изъ 22 выбранныхъ г. Кулаковымъ записей о причинахъ „вѣчнаго блужданія“ — только въ трехъ (№№ 1 на стр. 31 и 32 и № 7 на стр. 33) есть указанія на столкновеніе „старыхъ и новыхъ теченій“, т. е., выражаясь проще, жалобы на притѣсненія со стороны крестьянъ. Гораздо чаще — въ тѣхъ случаяхъ, когда инородцы не ограничивались одною ссылкой на свой „кочемный духъ“, а указывали и ближайшія причины переселеній — насиженное мѣсто покидалось или его собирались покинуть вслѣдствіе смерти „родителей“, „дѣтей“, „ребятъ“, „ребятишекъ“. „почти всей семьи“; или потому, что „скотъ не стоитъ“, „скоту уронъ былъ“. Другіе хотѣли жить ближе „къ рѣкѣ“, къ рыбному озеру, къ „кедровникамъ“ или „къ сыну“. Ради заработка, „по бѣдности“ селились на вновь образовавшихся съ развитіемъ золотопромышленности проѣзжихъ „станкахъ“. Одинъ инородецъ „пришелъ сюда (въ улусъ, гдѣ живетъ) въ домъ“ — т. е. женившись на мѣстной инородкѣ, поселился въ домъ ея родителей...

Наконецъ въ 3 или 4 записяхъ мы встрѣчаемся съ указаніемъ инородцевъ, живущихъ въ степной полосѣ управы, на земельную тѣсноту — недостатокъ покосовъ или пастбищъ, — какъ на причину переселеній.

Относительное перенаселеніе обитаемой мѣстности или отдѣльныхъ районовъ ея вынуждаетъ нерѣдко къ выселенію и представителей болѣе культурныхъ, живущихъ осѣдлою жизнью народовъ; для кочевниковъ же, въ большинствѣ случаевъ лишенныхъ

а перенесеніе жилища (?) на новое мѣсто вблизи (?) стараго. Это дѣлается по двумъ (?) причинамъ: многіе инородцы бросаютъ старыя жилища и переносятъ свои дома и юрты (или строятъ новыя) на новыя мѣста, если на старыхъ умеръ кто нибудь, въ особенности, если умеръ старшій въ родѣ мужчина. Затѣмъ многіе инородцы переносятъ неподалеку свои жилища, а иногда цѣлые улусы на новыя мѣста, когда старыя очень засорятся назымомъ“. Почему г. Кулаковъ изъ всѣхъ упомянутыхъ нами выше причинъ „перенесенія жилищъ“ приводитъ только „двѣ“, намъ неизвѣстно. Повидимому, лѣсъ помѣшалъ г. Кулакову разглядѣть всѣ деревья и только когда этотъ лѣсъ началъ исчезать, когда періодическія кочеванія стали прекращаться — только тогда нашъ авторъ на мѣстѣ ихъ открылъ новую и „совершенно оригинальную форму кочеванія“.

возможности бороться съ перенаселеніемъ путемъ повышенія уровня своей хозяйственной культуры — переселеніе является въ такихъ случаяхъ единственнымъ выходомъ. И не все ли равно при этомъ, является ли перенаселеніе въ результатъ естественнаго прироста мѣстнаго населенія или вслѣдствіе притока постороннихъ колонистовъ? „Форма кочеванія“ или переселенія и въ томъ и другомъ случаѣ одна и та же: инородецъ собираетъ всѣ свои пожитки и скоть и перебирается изъ мѣстности относительно болѣе густо населенной въ другую съ большимъ земельнымъ просторомъ.

Совершенно иначе представляется дѣло г. Кулакову. Движеніе русской колонизаціи „въ глубь инородческихъ земель“ онъ изображаетъ въ видѣ облавы, устраиваемой охотниками на зайцевъ, причемъ роль послѣднихъ играютъ у г. Кулакова „неприспособившіеся“ инородцы. Цѣпь загонщиковъ смыкается все тѣснѣе, и тѣснѣе, радіусъ круга, предоставленнаго мечущемуся въ немъ изъ стороны въ сторону зайцу — Агасферу, становится все меньше и меньше. . . . Бѣдный Кулаковскій заяцъ много бѣднѣе Щедринскаго, такъ какъ у него нѣтъ даже никакой надежды на „помилованіе“ . . .

Указавъ роль устава 1822 г. въ борьбѣ за существованіе минусинско-ачинскихъ инородцевъ, г. Кулаковъ приводитъ далѣе, цитированное уже нами выше, обширное наставленіе губернатора Степанова отъ 1824 года. „Наставленіе это — говоритъ г. Кулаковъ — свидѣтельствуетъ о самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ современной власти, о значительномъ пониманіи характера инородческой жизни и объ умѣнїи тогдашней власти приспособить свое изложеніе къ пониманію первобытныхъ ¹⁾ людей“. . . Оно „несомнѣнно . . . не могло не повліять на татаръ, если только было имъ должнымъ образомъ переведено и истолковано“. „Я привелъ — продолжаетъ нашъ авторъ — это наставленіе для того, чтобы показать, какова была по отношенію къ инородцамъ политика вы с ш е й ¹⁾ администраціи. И изъ многочисленныхъ архивныхъ дѣлъ за дальнѣйшіе годы мы узнаемъ, что со стороны администраціи постоянно поднимались дѣла объ улучшеніи быта инородцевъ. Такъ, почти не прекращались дѣла о распростране-

1) Курсивъ мой.

ній среди татаръ земледѣлія и огородництва, объ устройствѣ въ татарскихъ улусахъ школъ, о правильной постановкѣ медицинскаго дѣла, поднимался вопросъ и даже дѣлались попытки къ практическому осуществленію, объ (?) улучшеніи скотоводческаго промысла и въ частности овцеводства. Описи архивныхъ дѣлъ испещрены названіями дѣлъ вродѣ „о мѣрахъ, предпринимаемыхъ противу инородцевъ о благосостояніи ихъ“... „о мѣрахъ противъ пьянства“, „о прекращеніи обычая между инородцами заключенія браковъ между малолѣтними“... „о соблюденіи начальствующими лицами правилъ о благосостояніи народа, о сохраненіи уваженія и довѣрія къ начальникамъ, о содержаніи въ чистотѣ улицъ и дворовъ, о засадкѣ деревьями промежутковъ усадьбъ и о поимкѣ бѣглыхъ арестантовъ“ ¹⁾...

„Такова была политика администраціи по отношеніи къ инородцамъ“ — заключаетъ г. Кулаковъ. Въ частности относительно хлѣбопашества и огородництва, на стр. 71, авторъ свидѣтельствуєтъ, что и къ нимъ „администрація... издавна старалась приучить инордцевъ. Не боясь впасть въ ошибку, можно сказать, что по отношенію къ улучшенію быта инородцевъ ни о чемъ другомъ администрація такъ не заботилась, какъ о развитіи хлѣбопашества и огородництва. При разсмотрѣніи инородческихъ архивовъ мы замѣтили, что ни въ одномъ вѣдомствѣ не было, кажется, ни одного года, въ которомъ бы по настоящію губернской и высшей администраціи, не предпринимались какія нибудь мѣры въ этомъ отношеніи: инородцамъ разъяснялась польза хлѣбопашества и огородництва; поощрялись наградами тѣ изъ инородцевъ, которые въ земледѣліи сдѣлали наибольшіе успѣхи; изрѣдка раздавались ссуды хлѣба, дѣлались предписанія о заведеніи пашенъ и огородовъ, и, въ

1) Стр. 8. Списокъ г. Кулакова далеко не полонъ. Сюда-же слѣдовало-бы присоединить также и „дѣло о лицахъ занимающихся составленіемъ кляузныхъ и лживыхъ бумагъ“, „дѣло о заведеніи пожарныхъ машинъ въ каждомъ улусѣ“, дѣло (1830 г.) объ изыятіи изъ обращенія въ инородческихъ улусахъ „Tableau statistique, politique et moral du systeme militaire polonais“, „Tutti frutti — aus den Papieren des Verstorbenen“ и др. книгъ на иностранныхъ языкахъ; далѣе наставленіе къ приготовленію хлѣбовъ изъ винной барды и соломенной муки, наставленіе къ истребленію кузьки и устройству градоотводовъ, дѣло о недозволеніи ввоза „издаваемой въ Санъ-Франциско газеты „Свобода“ и многія другія, также, вѣроятно, въ значительной степени облегчавшія инородцамъ „борьбу за существованіе“...

крайнихъ случаяхъ, дѣлались угрозы и отбирались подписки“.

Однимъ словомъ, начальство, судя по словамъ г. Кулакова, окружало своими заботами инородцевъ, какъ любящая мать малое дитя свое, вникая во всякія обстоятельства ихъ жизни, совѣтуя, разъясняя, наставляя, увѣщевая, поощряя, награждая и, наконецъ, „въ крайнихъ случаяхъ“ угрожая и понуждая...

Мы уже знаемъ отъ г. Кулакова, что заботливое начальство ради защиты интересовъ инородцевъ не задумывалось даже вступать въ борьбу съ самими „біологическими законами“. Мы знаемъ и то, что при этомъ оно имѣло случай убѣдиться въ неосновательности весьма распространеннаго предразсудка о непобѣдимости, „непреложности“ этихъ законовъ. Поэтому насъ не удивитъ и то обстоятельство, что попечительное начальство не рѣшается оставлять безъ своей могущественной помощи протектируемыхъ г. Кулаковымъ минусинско-ачинскихъ инородцевъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на сторонѣ этихъ инородцевъ оказываются сами „біологическіе законы“. Вотъ что рассказываетъ намъ г. Кулаковъ. Въ 1861 году возникаетъ въ мелецкой инородной управѣ дѣло „о розысканіи тунгусовъ и недозволеніи имъ проживать въ вѣдомствѣ сей управы“. Земскій засѣдатель предписалъ, „тунгусовъ, перекочевавшихъ въ вѣдомство оной управы... отправить въ мѣсто ихъ причисленія, не дозволяя имъ здѣсь производить промыселъ въ подрывъ инородцамъ здѣшнимъ“... „Вслѣдствіе сдѣланнаго распоряженія тунгусы удалились, но всего верстъ на десять, гдѣ оставили свои семьи, а сами ушли въ дальнюю тайгу, чтобы промышлять тамъ до вскрытія рѣкъ, ссылаясь на невозможность немедленнаго возвращенія на мѣста причисленія“. „Здѣсь, замѣчаетъ г. Кулаковъ, какъ мы видимъ, татары являются побѣдителями, а побѣжденными — племена съ болѣе отсталыми формами хозяйства, и, надо замѣтить, что такое ограниченіе предѣловъ промысла должно было губительно повліять на звѣроловное хозяйство тунгусовъ“ (стр. 25—26).

Удивительнымъ съ перваго взгляда можетъ показаться только послѣднее замѣчаніе г. Кулакова, въ которомъ онъ „побѣду“ надъ тунгусами приписываетъ все же дѣйствию „біологическихъ законовъ“, а не представителю непобѣдимой начальной власти — земскому засѣдателю. Но дѣло вотъ въ чемъ: земскій засѣдатель есть, какъ извѣстно, власть исполнительная,

г. же Кулаковъ, повидимому, признаетъ право благотворнаго вѣдѣнія на судьбы инородцевъ только за представителями „правительственной политики“, за „высшей администраціей“, и не разъ жалуется на то, что благія намѣренія этой послѣдней нерѣдко разбиваются о „чрезмѣрное и часто своекорыстное усердіе и усердіе не по разуму исполнителей“, т. е. какъ разъ г. г. земскихъ засѣдателей и имъ подобныхъ.

Особенно обстоятельно и всесторонне развиваетъ г. Кулаковъ свой взглядъ на вліяніе „политики администраціи“ на страницѣ 9-й.

„Признавая вліяніе этой политики, говоритъ онъ, которое впрочемъ очень часто парализировалось дѣйствіями исполнительной администраціи, я далеко не склоненъ преувеличивать ея значенія. Я знаю, — и приведу ниже въ доказательство этого много фактовъ — что съ одной стороны, дѣятельность администраціи и духовенства иногда даже препятствовали правильному и прогрессивному теченію татарской жизни; съ другой стороны, татары Минусинскаго и Ачинскаго округовъ, не сдѣлали бы такихъ значительныхъ успѣховъ въ усвоеніи болѣе культурныхъ формъ жизни, если бы этому не благопріятствовали естественно-историческія и общія географическія условія, населяемой ими мѣстности. Правительственная политика и непосредственное вліяніе болѣе сильнаго народа, русскихъ, вліяніе измѣнившихся въ краѣ формъ хозяйства, экономическихъ отношеній, — всѣ эти силы дѣйствовали въ одномъ (?) направленіи, причѣмъ работу ихъ облегчали, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ мы увидимъ ниже, и задерживали естественно-историческія условія мѣстности.

Итакъ, съ одной стороны г. Кулаковъ признаетъ благотворное вліяніе „политики администраціи“ на повышение инородческой культуры; съ другой стороны онъ свидѣтельствуетъ, что политика эта „иногда даже препятствовала . . . правильному и прогрессивному теченію татарской жизни“.

Съ одной стороны г. Кулаковъ сознаетъ, что „усвоенію болѣе культурныхъ формъ жизни“ „благопріятствовали естественно-историческія и общія географическія условія . . . мѣстности“; съ другой стороны онъ указываетъ на то что они и задерживали это усвоеніе.

Съ одной стороны г. Кулаковъ придаетъ громадное значеніе „непосредственному вліянію“ на инородцевъ „болѣе сильнаго“

и культурнаго народа, русскихъ, съ другой — констатируетъ, что это вліяніе бывало подчасъ „слишкомъ сильнымъ и рѣзкимъ и часто поэтому губительнымъ“ . . . (стр. 4).

И при всемъ томъ, въ результатѣ столь разносторонняго воздѣйствія на инородцевъ со стороны отдѣльныхъ вліяній — и „правительственная политика и непосредственное вліяніе болѣе сильнаго народа“ и „вліяніе измѣнившихся въ краѣ формъ хозяйства и экономическихъ отношеній — всѣ эти силы дѣйствовали въ концѣ концовъ въ одномъ направленіи“ . . . и „привели енисейскихъ татаръ къ положительнымъ результатамъ болѣе, чѣмъ бурятъ Иркутской губерніи и Забайкальской области и чѣмъ якутовъ Якутской области“ . . . (стр. 4).

Уже изъ приведеннаго нами выше (стр. 24), перечня можно судить сколь многочисленъ и разнообразенъ тотъ матерьялъ, на основаніи котораго г. Кулаковъ отводитъ „политикѣ высшей администраціи“ первое мѣсто въ ряду факторовъ содѣйствовавшихъ „повышенію и развитію культурныхъ и экономическихъ формъ инородцевъ“. Отдѣльныя части этого матерьяла болѣе или менѣе подробно трактуются г. Кулаковымъ въ различныхъ мѣстахъ его работы.

На первомъ планѣ въ ряду „мѣръ предпринимаемыхъ противу инородцевъ о благосостояніи ихъ“ нашъ авторъ ставитъ заботы о „распространеніи среди татаръ земледѣлія и (или?) хлѣбопашества“. На стр. 71, перечисливъ всѣ относящіяся сюда мѣропріятія „губернской и высшей администраціи“ (ср. выше, стр. 24—25), г. Кулаковъ, прежде чѣмъ перейти затѣмъ къ разсмотрѣнію cadaго изъ нихъ въ отдѣльности, замѣчаетъ: „Имѣли ли вліяніе эти „по большей“ части чисто канцелярскія и бюрократическія попытки на успѣхи земледѣлія или нѣтъ — объ этомъ по имѣющимся даннымъ судить трудно, и мы, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, лишь укажемъ, на нѣкоторые документы по этому поводу“. Однако послѣ „указанія на нѣкоторые документы“ — уже на стр. 78 — г. Кулаковъ выражается гораздо болѣе опредѣленно и довольно долго „останавливается на этомъ вопросѣ“. „Едва ли, говоритъ онъ, мѣропріятія, подобныя перечисленнымъ, могли оказать какое нибудь значительное вліяніе на развитіе земледѣлія. Мѣропріятія по большей части и начинались, и оканчивались перепиской и строгими предписаніями. Никакихъ жизненныхъ мѣръ, для того, чтобы пріохотить населеніе къ занятію земледѣліемъ, научить земледѣльческой тех-

никѣ и вообще облегчить переходъ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому, администрація почти не предпринимала“. Относительно попытокъ заведенія „обязательныхъ запашекъ“ г. Кулаковъ полагаетъ даже, что онѣ могли „напротивъ имѣть отрицательное вліяніе“ . . . „Но земледѣліе, продолжаетъ г. Кулаковъ, все таки сдѣлало у инородцевъ успѣхи и весьма значительные, въ особенности тамъ, гдѣ этому способствовали близкое сосѣдство русскихъ и благопріятныя естественно-историческія условія“ ¹⁾

1) На той же 78 стр. г. Кулаковъ, между прочимъ, говоритъ относительно мелецкихъ инородцевъ, что они „получали похвальные листы за разведеніе картофеля“. Ничего подобнаго въ выпискахъ изъ мелецкаго архива, сдѣланныхъ г. Кузнецовою и мною нѣтъ; а такъ какъ г. Кулаковъ не упоминаетъ ни о какихъ иныхъ источникахъ, откуда бы онъ могъ еще почерпать свои свѣдѣнія о мелецкихъ инородцахъ, то остается предположить тутъ какое-то недоразумѣніе. Въ одномъ документѣ относящемся дѣйствительно къ 1843 г., на каковой указываетъ г. Кулаковъ, енисейскій губернаторъ свидѣтельствуетъ, что „по разсмотрѣніи доставленныхъ къ нему . . . отчетовъ окружными начальниками и земскими исправниками не оказалось въ виду такихъ лицъ, кои бы по степени разведенія картофеля заслуживали назначенныя за то награды“. . . А потому начальникъ губерніи предлагаетъ: „пять похвальныхъ листовъ и 95 рубл. денегъ для раздачи въ награду хранить въ Красноярскомъ окружномъ казначействѣ“ (Мелецк. Арх. 1843 г.). Вѣроятно, г. Кулакову при чтеніи выписокъ изъ Мелецк. Архива попало на глаза только отмѣченное курсивомъ мѣсто и онъ сдѣлалъ на основаніи его заключеніе, что эти награды имѣлись въ виду для присужденія мелецкимъ инородцамъ. Иначе объясненіе это маленькое недоразумѣніе я не умѣю. — Чтобы читателю такое объясненіе не показалось чересчуръ неправдоподобнымъ, приведу еще слѣдующіе примѣры обращенія съ матерьяломъ нашего автора. Въ тѣхъ же выпискахъ изъ мелецкаго архива имѣется между прочимъ такая записъ, сдѣланная г-жей Кузнецовою: „У инородцевъ ул. Айдашинскаго неоднократно возникаетъ споръ съ крестьянами села Бѣлоярскаго изъ за озера въ Торчѣ (названіе мѣстности), (находящейся) между дер. Мазулью и ул. Айдашинскимъ и изъ за порубки крестьянами лѣса въ инородческой дачѣ“. Въ передачѣ г. Кулакова это мѣсто читается такъ (см. стр. 21): „Инородцы ул. Айдашинскаго неоднократно спорятъ съ крестьянами того-же с. Бѣлоярскаго изъ за озера въ Тарчѣ. Споръ идетъ также между деревней Мазулью и улусомъ Айдашинскимъ изъ за порубки крестьянами лѣса въ инородческихъ дачахъ“. . . Въ Подкаменскомъ ул. Кызыльск. упр. самимъ г. Кулаковымъ записаны слѣдующія опросныя данныя объ инородцѣхъ Сергѣѣхъ Сулековѣхъ: „Родился здѣсь. 20-ти лѣтъ отдѣлился отъ отца и кочевалъ въ Чебаки: „тамъ заработокъ есть, деньги (есть), лучше

(стр. 78). На стр. 88—90 сообщаются попытки администрации „къ улучшенію скотоводства у инородцевъ распространеніемъ улучшенныхъ породъ“ и дѣлается по поводу ихъ замѣчаніе: „едва ли такими предписаніями можно было достигнуть цѣли и пріохотить населеніе къ пріобрѣтенію улучшенныхъ породъ скота“. Дѣло объ улучшеніи коневодства путемъ устройства коннослучныхъ заведеній, по словамъ автора, также „надо думать... окончилось“ одной „перепиской“. (стр. 90). Заботы о „правильной постановкѣ медицинскаго дѣла“ — ограничивались, по даннымъ приводимымъ г. Кулаковымъ, тѣмъ, что въ 1839 г. въ Абак. управу „былъ командированъ „губернскій операторъ“ для лѣченія сифилиса“; въ Кызыльск. управѣ въ 1852 г. было сдѣлано распоряженіе представить списокъ больныхъ одержимыхъ „любострастной болѣзнью“ (стр. 63), а въ 1896 г. было оставлено безъ движенія ходатайство Абаканскихъ инородцевъ „объ устройствѣ у нихъ и на ихъ же, главнымъ образомъ, средства больницы“, не смотря на выраженную въ ходатайствѣ инородцевъ увѣренность, что „губернское и высшее начальство не оставятъ... ходатайство безъ уваженія и придутъ на помощь населенію въ его дѣйствительно бѣдственномъ положеніи при заразныхъ болѣзняхъ, лѣченіе которыхъ, при инородческомъ образѣ жизни, невозможно безъ спеціальнаго пріюта для больного“ (стр. 66).

„Лучшимъ способомъ борьбы, читаемъ у г. Кулакова на стр. 67, со всѣми некультурными привычками, обычаями и вѣрованіями и лучшимъ средствомъ для окончательнаго пріобщенія инородцевъ къ русской культурѣ должно служить распространеніе русской грамоты и образованія. Къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало и, если сдѣлано что нибудь, то только въ самое послѣднее время (стр. 67). „На сколько незначителенъ тотъ успѣхъ, который сдѣлала грамотность въ четырехъ вѣдомствахъ Минус. и Ачинск. округа, видно изъ того, что во время подворнаго изслѣдованія 1890—1891 гг. $\frac{0}{100}$ грамотныхъ и учащихся мужчинъ

тамъ“. Прожилъ въ Чебакахъ 8 лѣтъ: „ребята не стояли, всѣ до одного умерли“. Сюда вернулся. „Здѣсь ладно“. — Послѣдней, подчеркнутой нами, фразы въ своей статьѣ (стр. 34) г. Кулаковъ не приводитъ вовсе, замѣняя ее слѣдующею, не вполне съ нею однозначущею и неимѣющею въ подлинной записи: „Хочетъ кочевать снова. Сердце не лежитъ на одномъ мѣстѣ сидѣть: у татаръ духъ кочемный“.

ко всему мужск. населенію быть въ Ачинскомъ округѣ 2,1, въ Минусинскомъ же 2,5; женщинъ — 0,3 въ Ачинскомъ и 0,2 въ Минусинскомъ "... (стр. 69).

Вотъ все, что мы находимъ у г. Кулакова въ подтвержденіе разносторонняго вліянія на инородческую жизнь „правительственной политики“. Разносторонность эта, какъ видитъ читатель, весьма односторонняя: вездѣ и всюду, если вѣрить нашему автору, „политика администраціи“ не приводила ни къ чему или даже, говоря словами г. Кулакова „препятствовала правильному и прогрессивному теченію татарской жизни“ (ср. выше объ объяснительной запашкѣ). Не приводится ни одного факта, не упоминается ни объ одной административной мѣрѣ, которая хотя сколько нибудь послужила на дѣлѣ для улучшенія быта инородцевъ.

Пойдемъ еще далѣе и спросимъ себя, можно ли согласиться съ основною мыслью нашего автора будто „высшая администрація“ такъ много удѣляла своего вниманія минусинско-ачинскимъ инородцамъ: заботилась „объ улучшеніи быта инородцевъ“, „о распространеніи земледѣлія и огородничества среди татаръ“, „объ устройствѣ школъ въ татарскихъ улусахъ“, „издавна старалось приучить инородцевъ“, „инородцамъ разъяснялось“, „инородцы награждались“ и т. д. и т. д. (ср. Кулаковъ стр. 8, 66, 68, 71 и др.). Дѣйствительно-ли въ интересахъ изучаемыхъ г. Кулаковымъ инородцевъ поднимались, писались и издавались всѣ тѣ, мирно покоящіеся теперь въ инородческихъ архивахъ дѣла, „постановленія“, „распоряженія“ и пр., краснорѣчивыя названія которыхъ приводитъ намъ нашъ авторъ (ср. выше стр. 24)? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный.

Сколь ни замѣчательно — какъ это показалъ г. Кулаковъ — по своей культуроспособности „татарское“ минусинско-ачинское племя — все же оно вѣдь лишь одинъ микроскопически малый — пусть даже самый блестящій — алмазъ въ коронѣ обширной Россійской имперіи. „Высшая администрація“, въ вѣдѣніи коей находится „государственная политика“, сколь бы страстно не желала, не можетъ для cadaго желудка многочисленныхъ обывателей великой страны изготовлять въ С.-Петербургѣ особливья, наиболѣе отвѣчающія вкусамъ и потребностямъ его блюда. Иначе она — неужели г. Кулаковъ въ этомъ сомнѣвается? — ужъ, конечно, не прописала бы кочевымъ инородцамъ — скотоводамъ разведеніе картофеля или заведеніе общественныхъ

запашекъ, печеніе хлѣба изъ винной барды и соломенной муки и воздержаніе отъ чтенія вредныхъ книгъ, напечатанныхъ на иностранныхъ языкахъ. Да и почему оно можетъ знать, издавая по случаю холеры по всему государству распоряженіе о содержаніи дворовъ въ чистотѣ, объ удаленіи навоза и пр., — что послѣднее для мелецкихъ инородцевъ напр. никакъ не возможно, потому что, если они перестанутъ копить вокругъ своихъ дворовъ чуть не цѣлыми столѣтіями навозъ, образуя изъ него искусственные холмы, то имъ негдѣ будетъ спасать свой скотъ во время ежегодныхъ почти наводненій. Откуда можетъ знать попечительное начальство, издавая распоряженіе объ изыятіи во всей странѣ изъ обращенія вреднаго содержанія иностранныхъ книгъ, что въ мелецкой управѣ не только лицъ могущихъ читать оныя, но и русскую-то грамоту съ грѣхомъ пополамъ разбирающихъ наберется едва больше десятка. . . . Откуда можетъ знать попечительное начальство, что въ мелецкой управѣ „о сохраненіи уваженія и довѣрія къ начальникамъ“ — о чемъ повсюду разсылаются соотвѣтствующія предписанія и внушенія — мало заботились сами наиболѣе близко стоящіе къ населенію и нуждающіеся въ его довѣріи духовные начальники, дѣлавшіе, по свидѣтельству г. Кулакова, наоборотъ все, чтобы вытравить изъ населенія всякое къ себѣ довѣріе. . . . (ср. Кулаковъ стр. 49—54).

Г. Кулаковъ, не особенно дружелюбно относящійся къ органамъ исполнительной власти, можетъ возразить намъ, что мѣстная власть — исправники, засѣдатели и пр. — на то и существуютъ, чтобы поставлять въ извѣстность вышнее начальство обо всемъ, касающемся ввѣренной ихъ вѣдѣнію округи, доносить о ея нуждахъ, потребностяхъ и пр. Въ томъ то вотъ и бѣда, скажетъ онъ, что, вмѣсто того чтобы содѣйствовать, они, эти „исполнители“, „парализуютъ“ и дискредитируютъ благія начинанія „высшей администраціи“. . . .

Можетъ быть, утверждая это, нашъ авторъ и правъ, но я не могу такъ строго, какъ онъ, относиться къ „исполнителямъ“. Я не могу по человѣчеству не войти и въ ихъ подчасъ по истинѣ трудное положеніе. Въ дикой странѣ, среди невѣжественнаго населенія, у котораго „грамотность и образованіе — не существуютъ“, „умственное развитіе — дикое“, „понятія объ остроуміи — не имѣется“, — въ такой странѣ, среди такихъ обывателей, — при всемъ даже ихъ „довѣрчивомъ взглядѣ на русское правительство“ (стр. 44), трудно было и самимъ „исполнителямъ“ составить правильное и опредѣленное представленіе о нуждахъ ввѣреннаго имъ населенія — не говорю уже,

пополнить свои собственные пробѣлы въ общихъ свѣдѣніяхъ, которыя могутъ явиться у каждаго даже очень образованнаго челоѣка при столкновеніи его съ дѣйствительною жизнью...

„Въ доставленномъ мнѣ Отдѣльною управой — пишетъ напр. въ 1858 году ачинскій земскій исправникъ — списокъ о мѣстахъ обитаемыхъ инородцами, сдѣлана отмѣтка въ графѣ о томъ какого племени жители: „ясачные инородцы“; подѣ словомъ племя въ отношеніи къ инородцамъ должно разумѣть племя: тунгусовъ, бурятъ, татаръ и т. п., какъ это можно видѣть въ препровождаемой мною въ управу формѣ списка, а не состояніе инородцевъ. Почему предписываю отдѣльной мелецкой управѣ съ полученія сего, тотчасъ-же донести мнѣ, отъ какого племени происходятъ инородцы подвѣдомственные управѣ“...

Въ 1876 году на запросъ Окружнаго Полицейскаго Управленія „смежень-ли Нарымскій край съ Ачинскимъ“, засѣдатель 1-го участка Ачинскаго Округа принужденъ былъ отвѣтить: „по неимѣнію географической карты сказать не могу“, каковой отвѣтъ, однако не вполнѣ, вѣроятно, удовлетворилъ Окружное полицейск. Управленіе и помощникъ исправника возвратилъ переписку засѣдателю обратно съ требованіемъ: „разузнуть... смежны-ли лѣса участка съ лѣсами мелетской инородной управы“...

Подобнаго рода затрудненія должны были у „исполнителей“ возникать весьма нерѣдко и не находить необходимаго разрѣшенія въ средѣ черезчуръ невѣжественнаго населенія. Вотъ почему и нельзя ихъ строго судить за „непоставленіе въ извѣстность“ вышняго начальства, вотъ почему и на это послѣднее нельзя обижаться абаканскимъ и мелецкимъ инородцамъ за то, что оно не принимаетъ во вниманіе ихъ кочевой образъ жизни, ихъ головную почти безграмотность, ихъ полную невозможность въ силу „естественно-историческихъ и общихъ географическихъ условій“ заниматься земледѣліемъ и пр. и пр.; вотъ почему, наконецъ г. Кулакову, вмѣсто похвалы „съ одной стороны“ и хулы „съ другой стороны“ — слѣдовало-бы просто отмѣтить, что, вообще говоря, высшая администрація относилась всегда весьма заботливо къ нуждамъ всего населенія обширнаго государства — что съ очевидностью слѣдуетъ изъ разсмотрѣнія Управскихъ архивовъ —, но въ частности, въ отношеніи къ инородцамъ Ачинскаго и Минус. округовъ, ей — по указаннымъ выше причинамъ — не удалось „повышеніемъ культурныхъ и экономическихъ формъ сообщить имъ силу для борьбы за свое существованіе“...

Кромѣ „государственной политики“, усвоенію инородцами

болѣе культурныхъ формъ жизни“ — какъ мы видѣли выше — по словамъ г. Кулакова, „благопріятствовали — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда не „задерживали“ его — естественно-историческія и общія географическія условія“. Однако доля ихъ участія въ этомъ дѣлѣ настолько скромна, что только и ограничивается нѣкоторымъ содѣйствіемъ или нѣкоторымъ противоdѣйствіемъ работамъ другихъ, болѣе могущественныхъ факторовъ — среди нихъ на первомъ планѣ „правительственной политикѣ“, о которой только что была рѣчь, затѣмъ вліянію болѣе культурныхъ сосѣдей русскихъ, „непосредственному вліянію измѣнившихся въ краѣ формъ хозяйства и экономическихъ отношеній“. . . Если же вѣрить стр. 227, тогда придется отнять у нихъ и эту ничтожную долю участія въ судьбахъ инородцевъ. . . „Земледѣльческое хозяйство — говоритъ тамъ г. Кулаковъ, при всѣхъ существующихъ мѣстныхъ (т. е. въ томъ числѣ и естественно-историческихъ и общихъ-географическихъ А. Я.) условіяхъ выгоднѣе скотоводческаго“. Очевидно тутъ мы имѣемъ передъ собою „новое слово“, впервые выделяющее сферу экономическихъ, или, какъ предпочитаетъ говорить г. Кулаковъ, — „сельско-хозяйственныхъ“ явленій изъ подъ власти единственной высшей инстанціи, которую признавали еще надъ ними не только авторъ „Капитала“, но и старѣйшіе изъ его русскихъ учениковъ. . .

Да и въ одной статьѣ за подписью „П. Е. Кулаковъ“ еще недавно можно было читать слѣдующія, казалось бы проникнутыя большаго долготія заслуживающимъ пафосомъ строки: „занимавшее 4-мя округами громаднѣйшее пространство, въ которомъ размѣстились иркутскіе буряты, представляя изъ себя мѣстность съ разнообразнѣйшими естественно-историческими и климатическими условіями, говоритъ о невозможности разсуждать объ иркутскихъ бурятахъ какъ объ одномъ нераздѣльномъ цѣломъ, какъ объ одномъ племени, живущемъ общею жизнью, общими интересами, одинаково производящемъ и одинаково потребляющемъ. Какое тутъ можетъ быть сходство! Здѣсь и чернѣющая отъ тайги Тунка, надъ которой возвышаются величественные гольцы Саяна, и широкія, привольныя балаганскія и ординскія степи, и старыя, хорошо разработанныя идинскія пашни, и, наконецъ, голая каменистая горы, пустынные сухіе тажераны несчастныхъ ольхонцевъ! Развѣ возможно однообразіе въ этой громаднѣйшей площади земли, заключенной между коническими сопками Бѣлогорья, зелеными водами Байкала и безконечной ленской и илимской тайгой?“ (Извѣст. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.

т. XXVI №№ 4—5 стр. 119—120). Да, *tempora mutantur*... Что „невозможно“ было въ 1896 г., стало вполне возможно въ 1898...

Или тамъ было разнообразіе въ „естественно-историческихъ и климатическихъ условіяхъ“, а здѣсь его нѣтъ? Нѣтъ здѣсь и „чернѣющей тайги“, и „величественныхъ гольцовъ Саянъ“, нѣтъ „широкихъ, привольныхъ степей“, „хорошо разработанныхъ пашень“ и „голыхъ, каменистыхъ горъ?“ Нѣтъ почти лишенныхъ всякаго орошенія солончаковъ и, наоборотъ, страдающихъ отъ избытка его подтаежныхъ районовъ? Нѣтъ мѣстностей, терпящихъ вслѣдствіе недостатка вѣтровъ отъ раннихъ и позднихъ заморозковъ и нѣтъ другихъ, гдѣ вѣтрами сносится до чиста весь культурный слой почвы вмѣстѣ съ посѣяннымъ зерномъ? Нѣтъ районовъ, гдѣ, благодаря почти полному отсутствію снѣжнаго покрова, скотъ круглый годъ находится на подножномъ корму, и другихъ, въ которыхъ приходится запасать для него кормъ на всю зиму? Нѣтъ мѣстностей, гдѣ возможно только скотоводство и невозможно ни земледѣліе, ни охота, другихъ гдѣ возможна только эта послѣдняя — рыбная или звѣриная, и третьихъ, гдѣ земледѣліе является дѣйствительно наиболѣе выгоднымъ занятіемъ?

Конечно все это есть, и г. Кулаковъ знаетъ это не хуже меня. Зачѣмъ же онъ, зная все это, при своей „научной“ классификаціи инородцевъ, какъ увидимъ ниже, органичился однимъ щупаньемъ у нихъ кармана и выдѣленіемъ всѣхъ, у кого онъ оказался болѣе или менѣе туго набитымъ — въ разрядъ милыхъ сердцу „овецъ“, или какъ онъ ихъ именуетъ „земледѣльцевъ“, а тѣхъ, у кого карманъ оказался тощъ — занесеніемъ въ категорію постылыхъ „козлищъ“ или, по научной терминологіи г. Кулакова, „скотоводовъ“?...

Надо полагать, что г. Кулакову старыя слова принадоѣли и ему захотѣлось сказать новое, пока еще никто не предупредилъ его въ этомъ...

Итакъ, изъ всѣхъ перечисленныхъ г. Кулаковымъ факторовъ, воздѣйствовавшихъ на измѣненіе бытовой и хозяйственной жизни инородцевъ, остаются внѣ всякаго подозрѣнія только — соприкосновеніе съ болѣе высокой культурой, принесенной съ собою въ край русскими, да „непосредственное вліяніе измѣнившихся въ краѣ формъ хозяйства и экономическихъ отношеній“.

Вѣрный своему „новому слову“, нашъ авторъ, хотя говорить и о „водоворотѣхъ столкнувшихся старыхъ и новыхъ тече-

ній“ (стр. 31) и о „линіяхъ соприкосновенія съ русскими“ (42 стр.) но нигдѣ не указываетъ точнаго географическаго распредѣленія тѣхъ и другихъ въ предѣлахъ обоихъ округовъ. Это и понятно, потому что въ противномъ случаѣ ему довольно трудно было бы не замѣтить какое громадное вліяніе имѣли отрицаемая имъ „мѣстныя условія“ и на расселеніе самихъ учителей и представителей „болѣе сильной и высокой культуры — русскихъ“ . . .

Наконецъ послѣднее мѣсто въ перечнѣ факторовъ, вліявшихъ на повышеніе „татарской“ культуры, но далеко не послѣднее въ сердцѣ нашего автора занимаетъ „непосредственное вліяніе измѣнившихся въ краѣ формъ, экономическихъ отношеній“ — настолько не послѣднее, что, въ сущности, вся вторая статья г. Кулакова, о бюджетахъ, есть ничто иное, какъ торжественный въѣздъ въ „татарскія“ земли „экономическихъ отношеній“, празднующихъ свои побѣды надъ „общими географическими“, естественно- и культурно-историческими, этническими и проч. условіями. . . Вотъ какъ представляется намъ картина этихъ побѣдъ и одолѣній въ изображеніи г. Кулакова. На лініяхъ соприкосновенія, „на границахъ русскихъ и инородческихъ владѣній“ „у инородцевъ, подъ вліяніемъ сосѣдей ихъ, русскихъ, „съ одной стороны. . . расширились потребности, при чемъ прежде всего инородцы заимствовали хлѣбъ, какъ основной элементъ питанія, — съ другой стороны, для того, чтобы не нарушить въ своемъ бюджетѣ равновѣсія, инородцы сами должны были заняться хлѣбопашествомъ, при чемъ переходъ ихъ къ земледѣльческому хозяйству, въ смыслѣ усвоенія техники, облегчался, благодаря примѣру сосѣдей русскихъ“ (стр. 70—71). Отсюда земледѣльческая культура распространяется и вглубь и вширь „татарскихъ земель“ и всюду, гдѣ ни появляется, тотчасъ накладываетъ свою печать какъ на самого инородца, такъ и на все его хозяйство. Г. Кулаковъ указываетъ цѣлый рядъ перемѣнъ какъ въ матерьяльной обстановкѣ, такъ и въ области болѣе интимныхъ сторонъ жизни инородческаго населенія, которыя вызваны были измѣнившимися „экономическими отношеніями“, явились какъ производныя этихъ послѣднихъ.

1) Занятіе земледѣліемъ сразу же раздѣлило однородную до того времени массу „татарскаго племени“ (стр. 42) на два враждебныхъ другъ другу лагеря: на оставшихся вѣрными своей „татарской культурѣ“ — съ одной стороны и „приспособившихся“ къ земледѣльческому труду съ другой. — Дальнѣйшая эволюція

той и другой группы состоитъ въ томъ, что первые изъ нихъ — какъ уже говорилось — сначала пробуютъ спастись отъ земледѣльской культуры и отъ стѣсненій со стороны русскихъ и обрусѣлыхъ соплеменниковъ бѣгствомъ вглубь „татарскихъ земель“, а когда это имъ не удастся, ибо земледѣльская культура, слѣдую за ними „по пятамъ“ ¹⁾ и здѣсь ихъ настигаетъ — все болѣе и болѣе „бѣднѣютъ“, „угасаютъ“, „вымираютъ“, унося вмѣстѣ съ собой въ могилу и свой „племенной типъ и національный образъ жизни“. Другіе — земледѣльцы — „обрусѣваютъ“, богатѣютъ и умнѣютъ, „пополняя ряды болѣе культурнаго народа, съ высшими формами хозяйства, съ болѣе высокимъ жизненнымъ строемъ и съ болѣе сложной духовной жизнью“ (стр. 42).

2) Другимъ необходимымъ послѣдствіемъ развитія земледѣческаго хозяйства“ является „упадокъ скотоводческаго“ (стр. 83). По мѣрѣ того, какъ границы перваго расширялись, послѣднее все болѣе и болѣе вытѣснялось имъ, сокращалось, ибо „русское земледѣльческое хозяйство“ не мирится „съ инородческимъ — скотоводческимъ и звѣроловнымъ“ (стр. 18, курсивъ мой).

3) Третьимъ порожденіемъ „эволюціи, происходящей въ послѣднее время у инородцевъ, является переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному“ (стр. 92).

4) Цифры, приводимыя г. Кулаковымъ на стр. 13—14 съ большою ясностью устанавливаютъ зависимость движенія населенія отъ степени развитія земледѣльского хозяйства, причемъ обнаруживается, что тѣ вѣдомства, гдѣ земледѣльческое хозяйство сдѣлало болѣе успѣховъ, даютъ и болѣе пріростъ населенія.

5) Данныя бюджетовъ свидѣтельствуютъ, что составъ семьи, а равно и обезпеченность рабочею силой у инородцевъ занимающихся хлѣбопашествомъ больше, чѣмъ у незанимающихся имъ („скотоводовъ“ въ смыслѣ г. Кулакова).

1) „Такъ какъ процессъ перехода отъ скотоводческаго къ земледѣльческому хозяйству совершается въ послѣднее время у татаръ очень быстро, и границы земледѣльского хозяйства, вытѣсняющаго скотоводческое, быстро расширяются, то обыкновенно вслѣдъ за откочевывающими съ полосы земледѣлія татарами, эта земледѣльская культура слѣдуетъ въ глубину татарскихъ земель“ (стр. 30—31).

6) „Относительное число женщин“ (на 100 мужчин) у „земледѣльцевъ больше, чѣмъ у скотоводовъ“ (222).

7) „Число дѣтей (до 14 лѣтъ для мужскаго п. и до 12 лѣтъ для женск. п.) у земледѣльцевъ значительно больше, чѣмъ у скотоводовъ“ (стр. 222).

8) „Число богатыхъ и средне-зажиточныхъ среди земледѣльцевъ больше чѣмъ среди скотоводовъ, число-же бѣдныхъ больше среди скотоводовъ“. Это видно: а) изъ числа хозяйствъ (бюджеты коихъ описаны), принадлежащихъ къ различнымъ категориямъ зажиточности у „земледѣльцевъ“ и у „скотоводовъ“ (223). б) изъ того, что „относительное“ число хозяйствъ съ остаткомъ или уравнивающимъ приходомъ (годовымъ) и расходомъ больше среди земледѣльцевъ, хозяйствъ же сведшихъ свой бюджетъ съ дефицитомъ больше среди скотоводовъ“ (стр. 224); с) „большая зажиточность и обезпеченность земледѣльцевъ сравнительно со скотоводами проявляется въ средней стоимости построекъ и инвентаря“ (стр. 224). d) „средній годовой бюджетъ“, равно какъ и отношеніе его къ стоимости всего имущества и инвентаря „у скотоводовъ меньше, чѣмъ у земледѣльцевъ“ (стр. 226); е) Наконецъ „большая средняя обезпеченность земледѣльцевъ отражается и... на ихъ потребленіи, въ особенности на ихъ питаніи...; земледѣльцы питаются разнообразнѣе и лучше скотоводовъ“ (227).

9) „Самое распредѣленіе богатствъ среди скотоводовъ болѣе неравномѣрно, чѣмъ среди земледѣльцевъ“. Эта неравномѣрность: а) обнаруживается въ размѣрахъ скотоводства у различныхъ по степени состоятельности группъ „земледѣльцевъ“ и скотоводовъ; б) „отражается на питаніи. Потребленіе главнѣйшихъ предметовъ, какъ хлѣба, мяса, рыбы и дичи, у богатой группы скотоводовъ выше, чѣмъ у богатой группы земледѣльцевъ, у бѣдной-же, наоборотъ, ниже (за исключеніемъ мяса)“ (стр. 223).

10) Наконецъ „общая большая культурность земледѣльцевъ, отражается и на большей распространенности среди нихъ грамотности“ (стр. 230).

Надо отдать справедливость г. Кулакову: общій, такъ сказать, стиль его работы и аргументація — безукоризненны. Вы перекатывались совершенно свободно съ одной цифры на другую, не задѣвая ни о сучки, ни о задоринки... Весь цифровой матерьялъ по одному мановенію изслѣдователя, какъ стройная и прекрасно дисциплинированная рать, выступаетъ на

защиту его положеній. Ни разу не къ мѣсту приставшая цифра не пробудитъ въ васъ сомнѣнія... Разставаясь съ работой, — вы вмѣстѣ съ авторомъ ея рѣшительно становитесь на сторону тѣхъ, кого онъ называетъ „земледѣльцами“, скорбя вмѣстѣ съ тѣмъ въ мѣру и о печальной, но неизбѣжной участи такъ называемыхъ „скотоводовъ“...

Но достаточно вамъ взять въ руки „Матерьялы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственного быта сельскаго населенія Иркутск. и Енис. губ.“, гдѣ сгруппированы и разработаны между прочимъ и данныя подворной переписи 1890—1891 гг. въ Ачинск. и Минусинск. округахъ — чтобы тотчасъ же предъ вами предсталъ цѣлый рядъ сомнѣній и недоумѣній... И чѣмъ болѣе вы будете всматриваться въ цифры добытыя этой переписью, чѣмъ болѣе будете сравнивать ихъ съ результатами „изслѣдованія“ г. Кулакова, — тѣмъ все яснѣе для васъ будетъ становиться дилемма: либо въ жизни минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ за протекшіе семь лѣтъ произошелъ настолько крутой переломъ — нѣчто вродѣ Sinnfluth'a, „потопа“ старыхъ геологовъ — что не оставилъ даже послѣ себя никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было-бы привести въ связь „попотопную“ культуру „татаръ“, какъ ее изображаетъ намъ г. Кулаковъ, съ „допотопной“, описанной въ трудахъ статистиковъ Минист. Земл. и Госуд. Имуществъ, — либо „изслѣдованіе“ г. Кулакова передаетъ дѣйствительное положеніе вещей въ преломленномъ и измѣненномъ видѣ, и цифры г. изслѣдователя — если имѣютъ вообще какое-нибудь значеніе, то во всякомъ случаѣ не то, какое имъ придаетъ самъ авторъ. Обратимся прежде всего къ оцѣнкѣ успѣховъ, сдѣланныхъ за время съ 1890 по 1897 гг. земледѣльческою культурою. Къ сожалѣнію, для этой цѣли мы можемъ воспользоваться лишь данными о сборѣ въ томъ и другомъ году разныхъ хлѣбовъ въ переводѣ на рожь и въ среднемъ ¹⁾ на одну душу населенія об. п., причемъ приводимыя ниже цифры 1890 г. обозначаютъ чистый сборъ (за вычетомъ сѣмянъ), цифры же взятыя изъ таблицъ г. Кулакова — валовой сборъ ²⁾).

1) При переводѣ на рожь и въ томъ и въ въ другомъ случаѣ пшеница принималась за $\frac{4}{3}$, рожь и ярица за $\frac{3}{3}$, ячмень — $\frac{2}{3}$, остальные хлѣба — $\frac{1}{3}$. (Ср. „Матерьялы по изслѣд. земл. и пр.“, т. V, вып. 4, стр. 113.)

2) Цифры для 1890 г. — см. „Матерьялы и пр.“, т. IV, вып. 4, стр. 114; цифры для 1897 г. вычислены нами по таблицѣ XVI г. Кулакова. Указанная

По даннымъ изслѣд. 1890 г. По данн. г. Кулак. 1897 г.

Абаканская управа	2,3	3,2
Аскызская „	19,3	19,5
Кызыльская „	13,2	19,7
Мелецкая „	17,6	9,2

Отсюда видно, что цифры г. Кулакова значительно различаются отъ цифръ статистиковъ 1890 г. Въ 1890 г. наибольшій сборъ хлѣбовъ былъ сдѣланъ въ Аскызск. управѣ, за ней слѣдовала Мелецкая и уже послѣ этой — Кызыльская; въ 1896 г. эта послѣдняя занимаетъ по сбору хлѣба несомнѣнно первое мѣсто, Мелецкая же превосходитъ по сбору его лишь одну Абаканскую. Такимъ образомъ, судя по приведеннымъ цифрамъ, объ успѣхѣ земледѣлія можетъ быть рѣчь лишь по отношенію одной Кызыльской управы, тогда какъ въ наиболѣе до сей поры земледѣльческой Аскызской дальнѣйшее усиленіе „земледѣльческой культуры“ встрѣтило, очевидно, какую-то помѣху, о которой, къ сожалѣнію, г. Кулаковъ намъ ничего не сообщаетъ. Что касается Мелецкой управы, то здѣсь мы видимъ пониженіе сбора хлѣбовъ противъ 1890 г. на половину. Мы не можемъ отнести значительную сумму этого пониженія на счетъ „плохаго“ (Кулаковъ, стр. 219, прим.) въ хозяйственномъ отношеніи года (1896 г.), въ виду того, во 1) что г. Кулаковъ самъ, на основаніи изложенныхъ имъ на стр. 219—220 соображеній, не придаетъ этому обстоятельству значенія, а во 2) еще и потому, что по свѣдѣніямъ о площадяхъ посѣва оказывается, что эти послѣднія претерпѣли въ 1896 г. совершенно такое же уменьшеніе противъ 1890 г. какъ и вышеприведенныя цифры сбора хлѣбовъ¹⁾. — Измѣнилась съ 1890 г. и доля участія отдѣльных хлѣбовъ въ общемъ сборѣ ихъ. Такъ въ 1890 г. количество собранной ржи и ярицы относилось къ количеству пшеницы почти

въ текстѣ разница между цифрами того и другого года на величину снятыхъ въ урожаѣ сѣмянъ всего менѣе, конечно, способна измѣнить дѣлаемые нами далѣе выводы.

1) Свѣдѣнія о площадяхъ посѣва записывались лишь въ Мелецкой управѣ. Общая площадь посѣва во всѣхъ 26 описанныхъ здѣсь хозяйствахъ (изъ нихъ пашущихъ — 10 хозяйствъ) равнялась 25,3 дес., т. е. менѣе, чѣмъ 1 дес. на хозяйство; площадь же посѣва при изслѣдованіи 1890 г. въ среднемъ на 1 хозяйство опредѣлена въ 2,2 дес. (Ср. „Мелецкіе инородцы“, стр. 138, стр. 24 и 82.)

какъ 2 : 1, въ 1896 же году уже какъ 1 : 1,5; въ Мелецкой управѣ — въ 1880 г. какъ 3 : 1, въ 1896 г. — какъ 1,5 : 1.

Переходимъ ко второму изъ намѣченныхъ нами выше положеній работы г. Кулакова.

„Упадокъ экстензивнаго скотоводческаго хозяйства — говорить г. Кулаковъ (стр. 83) — долженъ былъ... явиться необходимымъ послѣдствіемъ развитія земледѣльческаго. Посмотримъ. Наиболѣе земледѣльческою управою по переписи 1890 г. была Аскызская, наибольшіе съ того времени успѣхи въ земледѣліи, по только что приведенному цифровому свидѣтельству г. Кулакова, сдѣлала Кызыльская и наконецъ „меньше всего успѣховъ земледѣліе сдѣлало въ наименѣе подчинившейся русскому вліянію Абаканской Инородч. Управѣ, которая до сихъ поръ является по преимуществу скотоводческой“... (стр. 78).

Сопоставимъ цифры, относящіяся къ количеству разнаго скота на 1 хозяйство и 1890-му году по даннымъ „Матерьяловъ“, — съ соотвѣтствующими цифрами для 1896 г., взятыми изъ работы г. Кулакова¹⁾.

Аскызск. управа:	лошадей	рогатаго	овецъ
Въ 1890 г. по даннымъ переписи было	8,0	12,9	20,0
Въ 1897 г. по данн. г. Кулак.	28,3	27,8	70,0
Кызыльск. упр.:			
Въ 1890 г. по даннымъ переписи было	8,3	6,5	4,8
Въ 1897 г. по данн. г. Кулак.	14,6	13,6	23,4
Абаканск. упр.:			
Въ 1890 г. по даннымъ переписи было	24,5	19,3	58,0
Въ 1897 г. по данн. г. Кулак.	24,1	35,6	144,2

Есть такой, также „біологическій законъ“, въ силу котораго, чѣмъ меньше шансовъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій окружающей среды, на продолженіе рода, тѣмъ больше напрягаетъ организмъ свои производительныя способности для болѣе вѣрнаго обезпеченія за своимъ потомствомъ мѣста въ природѣ.

1) „Матерьялы“, т. III, стр. 643, 679; Кулаковъ, табл. VII, стр. 256.

Очевидно, именно въ силу названнаго закона, коровы и бараны г. Кулакова, не смотря на „упадокъ“ скотоводства, или вѣрнѣе, въ виду опасностей грозящихъ этому послѣднему со стороны „земледѣльческой культуры“ — принялись умножать свое потомство самымъ неслыханнымъ образомъ... Въ пользу такого соображенія говорятъ и цифры, относящіяся къ Абаканской, „по преимуществу скотоводческой“, управѣ: тамъ „процессъ перехода отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому совершается“ не такъ „быстро“, какъ въ другихъ управахъ — по этому животныя чувствуютъ себя спокойнѣе и приращеніе овецъ ихъ и коровьихъ стадъ у абаканскихъ инородцевъ не такъ стремительно, а въ лошадахъ у нихъ замѣчается даже нѣкоторый „упадокъ“.

Иное объясненіе трудно придумать, а г. Кулаковъ не даетъ намъ никакого, хотя допустить, чтобы онъ не замѣтилъ громадной перемѣны въ составѣ скотоводческаго хозяйства инородцевъ, перемѣны притомъ въ направленіи противорѣчащемъ его утвержденію о „вытѣсненіи“ этого хозяйства земледѣльческимъ — невозможно: цифры „Матерьяловъ“ г. Кулакову были извѣстны, какъ онъ самъ свидѣтельствуеъ объ этомъ на стр. 81 своей работы. Онъ знаетъ, что цифра „3,2“, извлеченная имъ изъ архивныхъ данныхъ и показывающая количество скота въ пер. на крупный на 1 душу нас. об. п. — „близка къ истинѣ“, какъ ее изображаютъ данныя „подворной переписи“. Онъ знаетъ также что на стр. 288 (табл. XXIX) у него указано количество скота на 1 хозяйство въ 1898 г., равное 46,4 и тутъ же рядомъ стоящая цифра душъ обоого пола на 1 хозяйство равная 5,6. Эти двѣ цифры послѣ весьма несложной манипуляціи даютъ третью — 8,3, показывающую количество скота въ переводѣ на крупный на 1 душу населенія обоого пола въ 1896 г., цифру, весьма сильно уклоняющуюся отъ той „истины“, которая для 1890 г. была установлена подвornoю переписью¹⁾. — Указанные результаты очной ставки между цифрами изслѣдованія 1890 г. и работы г. Кулакова тѣмъ болѣе должны бы остановить на себѣ вниманіе послѣдняго, что они идутъ въ разрѣзъ и съ устанавливаемою имъ эволюціей скотоводческаго хозяйства въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ. Г. Кулаковъ находитъ именно, что, если обсудить

1) Ср. также стр. 241, гдѣ приводится количество головъ скота въ пер. на кр. на 1 хозяйство.

положеніе дѣла не только „съ одной стороны“ и „съ другой стороны“, но и „съ осторожностью“ и „не придавая особаго значенія“ — то „можно высказать предположеніе, что количество скота, приходящееся на хозяйство и на душу обоого пола... уменьшилось съ 1850 по 1890 г.“... (стр. 82) ¹⁾.

Не меньшее различіе обнаруживается между данными по дворной переписи и данными г. Кулакова и въ отношеніи къ распредѣленію по отдѣльнымъ управамъ различныхъ родовъ скота. Достаточно указать, что тогда какъ по г. Кулакову, „лошадьми лучше всего обезпечена Аскызская управа, — по даннымъ статистиковъ (ср. вышепривед. цифры) она въ 1890 г. была обезпечена ими втрое менѣе, чѣмъ Абаканская, менѣе даже, чѣмъ Кызыльская и только въ Мелецкой управѣ, гдѣ населеніе, „по большей части имѣетъ только самый необходимый въ хозяйствѣ рабочій и молочный скотъ“ (стр. 230), мы встрѣчаемся еще съ меньшей обезпеченностью лошадьми средняго хозяйства, чѣмъ въ Аскызской...

Уже а priori слѣдуетъ полагать, что такое поразительное увеличеніе за послѣдніе семь лѣтъ количества скота у инородцевъ должно было повлечь за собой и соотвѣтственное увеличеніе заготовляемыхъ для него на зиму кормовъ, или, вѣрнѣе, почти единственнаго здѣсь кормоваго средства — сѣна ²⁾; тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ развитіемъ земледѣлія „большая часть скота“ содержится уже не на подножномъ корму круглый годъ“, а „при хозяйствѣ“ (стр. 238). И дѣйствительно, мы видимъ, что въ трехъ управахъ увеличеніе количества заготовляемаго на зиму сѣна либо идетъ въ уровень съ увеличеніемъ въ нихъ количества скота (въ Кызыльск. управѣ — 71 пудъ сѣна на 1 голову

1) Насколько можно утверждать что нибудь подобное относительно ачинскихъ инородцевъ — ср. „Мелецк. инородцы“ стр. 30, „Кызыльцы и ихъ хозяйство“ стр. 239.

2) Г. Кулаковъ почему-то впрочемъ привлекаетъ и солому въ качествѣ отвѣтственнаго кормоваго средства на ряду съ сѣномъ, хотя самъ же говорить, что она „очень часто идетъ лишь на подстилку скоту, а иногда просто гниетъ въ скирдахъ. Только при нуждѣ она идетъ въ кормъ скоту“ (стр. 238). Въ Мелецкой управѣ ее всю валяютъ на такъ наз. „назмища“ (см. выше, стр. 31), а иногда „для смѣха“ жгутъ. („Мелецкіе инородцы, стр. 120, № 10; ср. также стр. 107 — № 2, 117 — № 17). Нашъ авторъ тоже вѣроятно „для смѣха“ оцѣниваетъ общую стоимость соломы въ 473 рубля!... (стр. 238).

скота въ перев. на крупн. какъ въ 1890, такъ и въ 1896 году), или отстаеъ отъ послѣдняго лишь незначительно (въ Абак. упр. въ 1890 г. на голову скота въ перев. на крупн. приходилось 39 пуд. сѣна, а въ 1896 г. — 32 пуда; въ Мелецкой — въ 1898 г. 199 пуд., въ 1896 г. — 195 пуд.). Но въ Аскызской Управѣ уже, несмотря на увеличеніе количества скота почти втрое (въ 1890 г. было 18,4 головъ въ переводѣ на крупн., въ 1897 — 52 головы), количество заготавлиаемаго для него сѣна также увеличилось съ 44 до 48 пудовъ на голову скота въ перев. на крупн.¹⁾ Это обстоятельство очень просто объясняется „наибольшимъ развитіемъ искусственнаго орошенія покосовъ“ въ Аскызской управѣ (стр. 238), облегчавшимъ тамъ инородцамъ „переходъ отъ подножнаго содержанія скота къ болѣе надежному содержанію его запасенными съ осени кормами“ (стр. 88). Такое объясненіе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ увеличеніи количествъ заготавлиаемаго сѣна повинны исключительно аскызскіе земледѣльцы, т. е. какъ разъ тѣ, у кого „большая часть скота содержится при хозяйствѣ“. На 1 голову скота въ переводѣ на крупный у аскызскихъ земледѣльцевъ ставится уже не 48, а 88 пудовъ сѣна, или на каждаго фактическаго работника²⁾ — 2336 пудовъ. Послѣдняя цифра весьма любопытна; она совершенно опровергаетъ приговоръ изслѣдователей 1890 года о „меньшей трудовой способности инородца Енисейск. губерніи“. (Матер. т. II вып. 4 стр. 260). Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одной изъ волостей четырехъ округовъ Енисейской губерніи не накашивается на 1 фактич. работника и половины того количества сѣна, какое ставить

1) Всѣ вышеприведенныя цифры для количествъ скота въ переводѣ на крупный на 1 хозяйство и заготавлиаемаго для него сѣна получены мной на основаніи таблицъ VII и XII г. Кулакова, причемъ 20% общаго количества рогатаго скота и лошадей принималось за мелкій скотъ и вмѣстѣ съ овцами подсчитывались каждыя 10 штукъ за 1 крупную. Таблицей XXIX нельзя было пользоваться, такъ какъ г. Кулаковъ считаетъ за мелкій скотъ иначе, чѣмъ изслѣдованіе 1890 года — только овецъ, жеребята же и телята относятся имъ къ крупному скоту. Совершенно непонятно почему г. Кулаковъ не приводитъ вовсе свѣдѣній относительно общихъ количествъ рабочихъ и не рабочихъ лошадей, рогатаго скота и пр.; тѣмъ болѣе не понятно, что „для мелкаго рогатаго скота“ онъ составляетъ даже особую таблицу и другую такую же таблицу для количества „дойныхъ коровъ“. (Ср. таблицы XIV и XV).

2) Мужское населеніе въ возрастѣ отъ 18 лѣтъ до 60 безъ калѣкъ.

аскызскій земледѣлецъ. А между тѣмъ среди волостей есть такія, какъ Новоселовская, гдѣ количество скота на 100 душъ об. п. населенія больше, чѣмъ въ Аскызской управѣ (въ первой 366, во второй 324. Ср. „Матерьялы“ и пр. т. IV, вып. 4-й, стр. 232).

Чтобы заготовить такое количество сѣна, какое приходится у аскызскихъ земледѣльцевъ на 1 фактич. работника, нужно затратить не менѣе 115 поденщинъ; а такъ какъ максимальный періодъ сѣнокоса не превышаетъ двухъ мѣсяцевъ — 60 дней, то, стало быть, въ хозяйствѣ аскызскихъ земледѣльцевъ на все время сѣнокосной страды въ помощь къ каждому фактич. работнику долженъ быть приставленъ еще одинъ наемный. Поэтому слѣдовало-бы ожидать, что въ таблицѣ II г. Кулакова, гдѣ приводится число хозяйствъ съ наемными рабочими мы въ каждомъ изъ 25 хозяйствъ аскызскихъ земледѣльцевъ встрѣтимъ наемниковъ. На самомъ дѣлѣ однако послѣдніе указаны лишь въ семи хозяйствахъ. Ну что-жъ, это только значить, что фактическій работникъ у аскызскихъ земледѣльцевъ работаетъ за двоихъ, это значить, что статистикъ 1890 г. сугубо не правъ въ своемъ взглядѣ на „трудовую способность Енисейскаго инородца“, это значить что г. Кулаковъ совершенно справедливо называетъ „приспособившуюся“ къ земледѣлію часть инородцевъ наиболѣе „сильною частью“ ихъ...

А все-же тяжело достается аскызскому „земледѣльцу“ занятіе при такихъ условіяхъ скотоводствомъ. Это съ очевидностью явствуетъ изъ сопоставленія таблицъ X и XIX. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сопоставленіе подтверждаетъ и мысль нашего автора о несовмѣстимости земледѣльческаго хозяйства со скотоводческимъ. Аскызскій „земледѣлецъ“, какъ можно видѣть изъ таблицы X, получаетъ на 1 хозяйство 206 р. 33 к. дохода „отъ скотоводства“, расходу же „на содержаніе скота“ несетъ ежегодно 220 р. 20 к. Очевидно только привычка бывшаго „скотовода“ и недостаточная еще культурность удерживаетъ его отъ того, чтобы предаться окончательно одному земледѣлію и перерѣзать весь свой скотъ, кромѣ, разумѣется, „самаго необходимаго рабочаго и молочнаго“.

Сказанному нисколько не противорѣчитъ и то обстоятельство, что абаканскіе земледѣльцы, которые заготавливаютъ на голову скота вдвое меньшее количество сѣна, тѣмъ не менѣе ведутъ еще болѣе убыточное скотоводческое хозяйство. Напротивъ, это является лишь еще новымъ подтвержденіемъ того, что „земледѣльческое хозяйство не мирится со скотоводческимъ“. Если

тамъ, гдѣ земледѣліе уже стало сколько нибудь на твердую почву, приходится терпѣть скотоводческому хозяйству, которое „вытѣсняется“, становится убыточнымъ, то въ Абаканской управѣ „скотоводческой по преимуществу“, гдѣ, стало быть, скотоводческое хозяйство еще пока торжествуетъ, въ силу той же несомнѣстимости его съ земледѣльческимъ, всякія непріятности выпадаютъ на долю піонеровъ „высшей культуры“ и земледѣлія... Вотъ почему, въ то время, какъ абаканскіе скотоводы получаютъ „отъ скотоводства“ 115 руб. дохода на каждое хозяйство, абаканскіе „земледѣльцы“ терпятъ отъ скотоводства „громадные убытки — 334 рубля на хозяйство ежегодно“! (Ср. таблицы X и XIX).

Если мы, на основаніи вышесказаннаго и пародируя слова г. Кулакова, сдѣлаемъ такое заключеніе: „занятіе скотоводствомъ при всѣхъ существующихъ мѣстныхъ условіяхъ (въ ихъ числѣ и „естественно-историческихъ и общихъ географическихъ“) убыточно... для земледѣльцевъ“ — то въ цитированныхъ таблицахъ (X и XIX) мы будемъ имѣть блестящее тому подтвержденіе. Всѣ „земледѣльцы“ г. Кулакова терпятъ отъ скотоводства большій или меньшій уронъ; только однимъ мелецкимъ злая судьба, какъ бы въ насмѣшку, подарила въ 1896 г. двадцать копѣекъ прибыли... Но подарить ли она ихъ и въ 1897 г.?...

Выше указывалось, что „земледѣльческая культура“ за послѣдніе семь лѣтъ особенно сильно „расширилась“ въ Кызыльской управѣ. Это также отразилось въ таблицахъ „прихода“ и „расхода“. Посмотрите на несчастныхъ кызыльскихъ скотоводовъ. И они уже, не въ примѣръ „скотоводамъ“ прочихъ управъ, ведутъ свое скотоводство, какъ земледѣльцы, въ убытокъ. Доходы ихъ „отъ скотоводства“ на 1 хозяйство ограничиваются весьма скромной цифрой въ 50 руб. 95 коп., расходы же „на содержаніе скота“ доходятъ до 71 руб. 10 коп. Поневолѣ приходится обращаться „къ промысламъ“, которые оказываются здѣсь выгоднѣе скотоводства, ибо даютъ 83 руб. 85 коп. на хозяйство...

Третьимъ „признакомъ эволюціи, происходящей въ послѣднее время у инородцевъ, является переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Этотъ переходъ отражается прежде всего на инородческомъ бюджетѣ, какъ это видно изъ помѣщенной въ этомъ же изданіи статьи о бюджетахъ“ (стр. 92).

Обращаясь къ этой послѣдней, на стр. 228 ея читаемъ: „Скотоводческое хозяйство у пастушьихъ племенъ (у монголовъ,

урянхайцевъ, сѣверныхъ оленеводовъ) по преимуществу натуральное. Такія племена продуктами скотоводства почти только и живутъ: пищу, одежду, даже жилище даетъ имъ скотъ. Прежде, когда минусинскіе и ачинскіе инородцы питались почти исключительно молочными и мясными продуктами своего хозяйства, одѣвались въ звѣриныя и скотскія шкуры, зимой укрывались отъ холода въ потниковыхъ юртахъ, хозяйство ихъ было почти исключительно натуральнымъ¹⁾. Но теперь, когда основнымъ элементомъ питанія сталъ хлѣбъ, когда старинную домашнюю одежду начинаетъ (?) замѣнять покупная, когда населеніе принуждено нести много денежныхъ расходовъ — хозяйство его все больше и больше теряетъ исключительно натуральный характеръ и денежная доля бюджета становится все большей“.

Совершенно недоумѣваемъ, зачѣмъ г. Кулакову потребовалось для доказательства происходящаго у минусинско-ачинскихъ инородцевъ „въ послѣднее время“ перехода къ денежному хозяйству тревожить ни чѣмъ неповинныхъ „монголовъ, урянхайцевъ, сѣверныхъ оленеводовъ“, апеллировать къ тому времени, когда минусинскіе и ачинскіе инородцы одѣвались въ „звѣриныя шкуры“. Вѣдь и предки самого г. Кулакова б. м. также щеголяли въ подобныхъ костюмахъ, а предки этихъ предковъ, какъ утверждаютъ ученые, даже родились въ нихъ... Но позволительно ли дѣлать отсюда какіе либо выводы относительно, скажемъ, учено-публицистической дѣятельности нашего автора?...

1) Да не подумаетъ читатель, что нашъ историкъ культуры минусинско-ачинскихъ инородцевъ за послѣднее 75-лѣтіе, рисуя въ приведенной цитатѣ „прежнюю“ жизнь этихъ инородцевъ, даетъ картину изъ начала указанного періода, изображаетъ инородцевъ какими они были 75 лѣтъ тому назадъ. Аскызскіе инородцы по единогласному свидѣтельству Палласа (Ср. т. I, стр. 487—489, 495—496 перев. Зуева), Георги (ч. II, стр. 167), Спасскаго („Сибирск. Вѣстн.“ 1818 г. ч. I стр. 24) и др. уже въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка имѣли пашни (по Спасскому сагайцы „самые лучшіе пахари“ — до „20 и даже до 30 десятинъ“). Даже качинцы — и теперь еще наименѣе обрусѣлые — въ 1770 г. кое гдѣ пахали землю, ясакъ иногда уплачивали деньгами, наряжались не въ звѣриныя шкуры, а въ одежду, „особливо шубы совершенно особливаго покроя, который придаетъ имъ хорошій видъ“. (Палласъ ч. II стр. 458—463. Ср. также Георги ч. II стр. 151). Про кызыльцевъ Палласъ (1770 г.) говоритъ, что они въ то время, „кромѣ подражанія женскому платью и нужному хлѣбопашеству ничему не послѣдовали“ („Кызыльцы и ихъ хозяйство“ стр. 13, ср. также слѣд. стр.). Наконецъ, мелецкіе инородцы въ 1735 г. жили уже, по свидѣтельству

Правда въ книжкахъ пишутъ про то, что „однимъ изъ признаковъ эволюціи“ въ хозяйственной жизни народа является переходъ его отъ натурального хозяйства къ денежному. Но въдь это пишутъ не про минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ, у которыхъ констатируемое самимъ же г. Кулаковымъ „повышеніе культуры“, связанное съ переходомъ ихъ „въ послѣднее время“, къ земледѣлію влечетъ за собой скорѣе переходъ — если можно здѣсь вообще говорить о „переходѣ“ — отъ денежнаго хозяйства къ натуральному, чѣмъ наоборотъ, ибо это повышеніе культуры избавляетъ инородцевъ, по справедливому замѣчанію нашего автора, отъ необходимости покупать за деньги „основной элементъ питанія — хлѣбъ, который теперь начинается производиться въ самомъ хозяйствѣ“. — „Такъ какъ — читаемъ у г. Кулакова тотчасъ же за вышеприведеннымъ утвержденіемъ, о томъ, что „теперь . . . денежная доля бюджета становится все большей“ — такъ какъ главный денежный расходъ у минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ идетъ на покупку хлѣба, а земледѣльцы продовольствуются въ значительной части собственнымъ хлѣбомъ, то у скотоводовъ денежная доля расходовъ больше, чѣмъ у земледѣльцевъ („по всѣмъ безъ исключенія управамъ“) (стр. 228). „Что касается прихода хозяйствъ, то здѣсь натуральная доля еще больше преобладаетъ надъ денежной (75,7% и 24,3%, а въ общей суммѣ расхода первая составляетъ 62,2%, вторая 37,8%) и у земледѣльцевъ тоже она больше, чѣмъ у скотоводовъ“ (стр. 229).

Казалось бы, отсюда возможенъ только одинъ выводъ — именно тотъ, который уже и сдѣланъ нами, что съ развитіемъ „въ послѣднее время“ среди инородцевъ земледѣлія, съ увеличеніемъ, стало быть земледѣльческаго населенія „становится все большей“ натуральная „доля бюджета“, а не денежная, какъ въ угоду книжкѣ и попирая свои собственные противъ этого возраженія, увѣряетъ нашъ авторъ.

Наконецъ, говорить о переходѣ инородцевъ отъ натурального хозяйства къ денежному, когда „земледѣльческое хозяйство на всемъ изслѣдованномъ пространствѣ губерніи относится къ

Гмелина частью въ „построенныхъ на русскій ладъ курныхъ избахъ“, а по описанію Георги (1799 г.) сѣяли рожь, пшеницу, ячмень, овесъ и коноплю. („Мелецкіе инородцы“, стр. 13—14).

типу хозяйства натурального“ („Матерьялы и пр.“ т. IV, в. 6, стр. 2) — по меньшей мѣрѣ черезчуръ преждевременно. Обращать же взоры къ прошлому затѣмъ, чтобы находить тамъ то, чего нѣтъ въ настоящемъ — хотя и вполне позволительно, но затемнять прошлымъ настоящее несомнѣнно предосудительно...

Обратимся теперь къ той „точной связи“, которую г. Кулаковъ находитъ между „развитіемъ земледѣлія“ и движеніемъ населенія у инородцевъ. На основаніи официальныхъ данныхъ, представляемыхъ ежегодно инородческими управами въ губернск. статистич. Комитетъ, г. Кулаковъ строитъ таблицу движенія населенія съ 1840 по 1896 гг. На основаніи этой таблицы можно дѣлать самыя разнообразныя заключенія. Изъ нихъ самое неправильное то, которое дѣлаетъ г. Кулаковъ¹⁾. Кромѣ этого послѣдняго мы позволимъ собѣ сдѣлать еще три, къ коимъ присоединимъ и выводы, сдѣланные статистиками 1890—1891 гг. на основаніи данныхъ X-ой ревизіи и произведенной ими переписи.

Абак. у. Аскызск. у. Кызыльск. у. Мел. у.

1) Съ 1840—1896 гг.	+ 38,2	+ 57,1	+ 34,3	+ 63,1
2) „ 1840—1890 „	+ 28	+ 58	— 2,6	+ 18
3) „ 1860—1896 „	+ 6	— 6	— 0,8	+ 43
4) „ 1860—1890 „	+ 1,4	+ 2,4	+ 27,0	— 3,4
5) Со врем. X переп.				
(1858) по 1890 г.	— 14,4	+ 18,9	— 2,3	+ 6,1

Не мудрено, что на основаніи этихъ и имъ подобныхъ данныхъ всякій доказываетъ свое. Статистики 1890 г., что инородцы Кызыльской и Абаканской управы вымираютъ, причемъ „вымирание женщинъ между инородцами совершается съ большей быстротой, чѣмъ мужчинъ“ (Матерьялы и пр.“ т. IV, вып. 2, стр. 88); Н. Ф. Катановъ, введенный въ заблужденіе цифрами, вывезенными въ 1863 г. акад. Радловымъ²⁾ и тоже, несомнѣнно

1) Во 1-хъ потому, что за время съ 1890 по 1896 г. для Кызыльской и Мелецкой управъ указано увеличеніе населенія на 37,3%, какъ въ той такъ и въ другой, или, на 6,2% въ теченіи одного года, что противно всякимъ „біологическимъ законамъ“; во 2-хъ потому, что г. Кулаковъ и увеличеніе на 1176 душъ об. п. Койбалъскаго рода, причисленныхъ въ 50-хъ годахъ къ Аскызской управѣ, считаетъ въ общей суммѣ съ увеличеніемъ населенія чрезъ естественный приростъ.

2) W. Radloff. Aus Sibirien. Bd. I, S. 207—208.

полученными изъ официального источника — доказываетъ, что, хотя въ Асхызской управѣ мужчины частію и вымираютъ, зато женское населеніе умножается тамъ не по днямъ а по часамъ¹⁾. Наконецъ, нашъ авторъ доказываетъ, что всѣ „минусинскіе и ачинскіе татары отнюдь не принадлежать къ вымирающимъ племенамъ“²⁾.

Наиболѣе достовѣрнымъ матерьяломъ для выводовъ о движеніи населенія должны бы быть данныя X ревизіи, которыми и пользовались изслѣдователи 1890 года. Къ сожалѣнію, степень ихъ достовѣрности подлежитъ также большимъ сомнѣніямъ. Производство народной переписи еще и въ настоящее время у насъ является дѣломъ весьма труднымъ и чрезвычайно сложнымъ. Можно себѣ представить, чѣмъ оно было въ 50-хъ годахъ, особенно въ отношеніи къ кочевому и охотничьему инородческому населенію. Даже относительно русскаго населенія при пользованіи данными X-й ревизіи получаютъ такія напр. неожиданности, что въ предѣлахъ одного и того же округа (Канскаго), въ двухъ рядомъ лежащихъ волостяхъ (Анцырской и Уринской) увеличеніе населенія къ 1890 году въ одной изъ нихъ выражается 87-ю ‰, въ другой только 7-ю ‰; или что въ предѣлахъ одного и того же общества (Шалаевскаго) приростъ женскаго населенія въ 2½ раза превышаетъ приростъ мужскаго. (Ср. Матер. т. IV, вып. 2. стр. 85) и т. д. Само изслѣдованіе 1890 г. склонно приписывать, какъ факты подобные приведеннымъ, такъ и отмѣчаемую имъ убыль инородческаго населенія въ двухъ управахъ — „результатамъ неточности регистраціи“ и „весьма несовершенной регистраціи отсутствующихъ изъ мѣстъ приписки“...³⁾.

Переходимъ къ вліянію занятія хлѣбопашествомъ на составъ семьи и обезпеченность ея рабочею силою, устанавливаемому

1) Н. Ф. Катановъ. Отчетъ о поѣздкѣ, совершенной съ 15 мая по 1 сент. 1896 г. въ Минусинск. округъ. Казань 1897 г.

2) Впрочемъ г. Кулаковъ, съ отличающею его „многосторонностью“, не пренебрегаетъ и выводами статистиковъ 1890 г., несогласными съ его собственными — тамъ, гдѣ это ему нужно; такъ на стр. 13—14 онъ пользуется ими для обоснованія „точной связи движенія населенія въ инородческихъ вѣдомствахъ съ развитіемъ земледѣлія“.

3) „Матеріалы и пр.“ т. IV, вып. 2 стр. 87; ср. также т. II, вып. 2, стр. 94. Ср. также Чупровъ. Статистика 1895 г. стр. 75—76. Относительно движенія населенія въ Ачинскихъ управахъ см. „Мелецкіе инородцы“ стр. 26—28; „Кызыльцы и ихъ хозяйство“, стр. 20—22, 188—189.

г. Кулаковымъ на основаніи данныхъ бюджетнаго матерьяла. — Составъ семьи съ 1890 по 97 годъ, если вѣрить г. Кулакову, значительно измѣнился, что можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія данныхъ „Матерьяловъ по изслѣд. землеп.“ и г. Кулакова.

Среднее число душъ на 1 хозяйство ¹⁾:

	Абаканск. у.	Аскызск. у.	Кызыльск. у.	Мелецк. у.
Въ 1890 г.	5.5	5.7	5.1	5.4
Въ 1897 г.	5.7	5.8	5.8	5.2.

Какъ и слѣдовало ожидать, необыкновенное развитіе земледѣлія въ Кызыльской управѣ за послѣдніе 7 лѣтъ повлекло за собой наибольшее увеличеніе здѣсь состава семьи. Непонятнымъ является только увеличеніе состава семьи въ Абаканск. управѣ и уменьшеніе его въ Мелецкой. Стройность выводовъ г. Кулакова много выиграла-бы, если бъ отношеніе управъ въ этомъ случаѣ было обратное... Нельзя не отмѣтить, что и по разбираемому вопросу изслѣдователи 1890 года держались совершенно иного мнѣнія, чѣмъ г. Кулаковъ. Сравнивая величину хозяйствъ по даннымъ X-й переписи и переписи 1890—1891 года, В. Ю. Григорьевъ приходилъ къ заключенію, „что величина семьи, сдѣлавшись въ обоихъ округахъ у инородцевъ однороднѣе, въ тоже время значительно сократилась ²⁾, притомъ больше въ Ачинскомъ, нежели въ Минусинскомъ округѣ, что, вѣроятно, между прочимъ зависитъ отъ наблюдавшагося въ первомъ обрусѣніи нѣкоторой части чулымскихъ татаръ“ ³⁾.

Обезпеченность рабочей силой въ хозяйствахъ инородцевъ претерпѣла также съ 1890 года нѣкоторыя имѣненія. А именно:

На одно хозяйство приходилось работниковъ ⁴⁾:

	Въ 1890 году	Въ 1897 году.
Въ Абаканской управѣ	1,4	1.5
„ Аскызской „	1,3	1,2
„ Кызыльской „	1,3	1,7
„ Мелецкой „	1,2	1,2.

1) „Матерьялы и пр.“ т. III, стр. 676 и 640; Кулаковъ стр. 220—221.

2) Зато съ 1890 г. она — какъ показалъ намъ г. Кулаковъ — начала вновь увеличиваться!

3) „Матерьялы и пр.“ т. IV, в. 2, стр. 67. Курсивъ мой.

4) Вычислено по таблицамъ I и III г. Кулакова и по „Матерьяламъ и пр.“ т. III, стр. 641 и 677.

Ужъ совершенно противно всякимъ желаніямъ г. Кулакова оказывается, что число работниковъ на одно хозяйство въ Абаканской управѣ, „по преимуществу скотоводческой“, увеличилось, въ Аскызской-же, „по преимуществу“ земледѣльческой — уменьшилось. Вычислимъ еще для обѣихъ этихъ управъ по „Матерьяламъ“ и по таблицѣ I г. Кулакова процентъ хозяйствъ а) мало-обезпеченныхъ рабочею силой (безъ работниковъ или съ полурабочникомъ) б) средне-обезпеченныхъ (съ 1 рабочникомъ) и с) хорошо-обезпеченныхъ (съ 2-мя и болѣе рабочниками). Имѣемъ ¹⁾:

	а)	б)	с)
Абаканская управа 1890 г.	6,3	63.7	30.0
1897 г.	0.0	45.8	54.0
Аскызская управа 1890 г.	6.7	69.6	23.6
1897 г.	2.5	47.5	50.0

Пусть читатель самъ разсудить, можно-ли на основаніи цифръ „Матерьяловъ“ утверждать о большей обезпеченности рабочими руками „по преимуществу“ земледѣльческой управы сравнительно съ управою „по преимуществу“ скотоводческою; можно-ли это дѣлать и на основаніи цифръ г. Кулакова, относящихся къ 97 году; отразился-ли, наконецъ, „очень быстро въ послѣднее время совершающійся процессъ перехода отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому“ за семилѣтіе съ 90 г. по 97 на Аскызской управѣ болѣе, чѣмъ на Абаканской. Въ виду несомнѣнно отрицательнаго отвѣта на всѣ эти вопросы приходится считать мысль г. Кулакова о соотношеніи между формой хозяйства и обезпеченностью рабочею силой, въ приложеніи къ минусинскимъ и ачинскимъ инородцамъ, по меньшей мѣрѣ, недоказанной. При помощи тѣхъ маскарадныхъ персонажей — о нихъ ниже — которые въ костюмахъ „скотоводовъ“ и „земледѣльцевъ“ разгуливаютъ по страницамъ статей г. Кулакова, можно дѣлать выводы только относительно самого автора и его научныхъ приемовъ, а никакъ не о дѣйствительности, хотя-бы и „татарской“.

Нужно-ли прибавлять, что и по вопросу объ обезпеченности населенія рабочими руками, статистики 1890—91 г. занимаютъ иную, чѣмъ г. Кулаковъ, позицію? Они полагаютъ, что „колебанія $\frac{0}{100}$ хозяйствъ безъ рабочихъ и многорабочихъ хозяйствъ . . .

1) „Матерьялы“ т. III, стр. 677.

не обнаруживают... какойнибудь определенной тенденции въ зависимости отъ географическаго положенія волостей или экономическаго характера" ¹⁾).

Сдѣлаемъ еще шагъ въ нашихъ малопоучительныхъ странствованіяхъ по дебрямъ новоявленной „татарской“ статистики и обратимся къ обзорѣню перемѣнъ въ половомъ и повозрастномъ составѣ инородческаго населенія въ зависимости отъ занятія или незанятія земледѣліемъ.

На 100 мужчинъ приходилось ²⁾:

У Минусинскихъ инородцевъ въ 1890 году	— 97,6	женщинъ
„ „ „ въ 1897 „	— 91,1	„
У Ачинскихъ инородцевъ въ 1890 „	— 96,8	
„ „ „ въ 1897 „	— 88,1	

Представляется весьма мало вѣроятнымъ, чтобы за такой короткій промежутокъ времени, какъ 7 лѣтъ, хотя бы и подъ вліяніемъ столь могучаго фактора, какъ измѣнившіяся „экономическія отношенія“, могли произойти вышеуказанныя перемѣны въ половомъ составѣ населенія. Но истина еще во времена Буало бывала „неправдоподобной“, а наше время не сдѣлало ее правдоподобнѣй — чему лучшимъ доказательствомъ служатъ научныя истины г. Кулакова...

Другая истина, которую утверждаетъ г. Кулаковъ состоитъ въ томъ, что „у земледѣльцевъ относительное число женщинъ больше, чѣмъ у скотоводовъ“. Врядъ ли можно утверждать это на томъ только основаніи, что въ скотоводческой Абаканской управѣ, по даннымъ г. Кулакова, на 100 мужчинъ приходится 90,2 женщинъ, а въ наиболѣе земледѣльческой Аскызской — 90,8 ³⁾, другихъ же никакихъ доводовъ въ пользу этого въ работѣ г. Кулакова мы не нашли ⁴⁾.

Данныя, полученныя г. Кулаковымъ касательно повозрастнаго состава инородцевъ, опять таки въ значительной степени

1) „Матерьялы и пр.“ т. IV, вып. 2-й стр. 71.

2) „Матерьялы и пр.“ т. IV, вып. 2, стр. 63; Кулаковъ, табл. III и стр. 222.

3) Вычислено на основаніи табл. III г. Кулакова.

4) Опять таки совершенно игнорируя доказательства, представляемыя господами „скотоводами“ и „земледѣльцами“.

отличаются отъ тѣхъ, которыя заключаются въ „Матерьялахъ по изсл. землеп.“ На основаніи ихъ авторъ выводитъ, между прочимъ, заключеніе, что „число дѣтей (до 14 лѣтъ для мужск. пола и до 12 л. для ж. п.) у земледѣльцевъ значительно больше, чѣмъ у скотоводовъ. По всей вѣроятности — продолжаетъ онъ — это объясняется меньшею смертностію дѣтей у земледѣльцевъ, какъ въ общемъ у болѣе культурныхъ и зажиточныхъ домохозяевъ“ (стр. 222). Чтобы придать болѣе доказательности послѣдней мысли, г. Кулаковъ въ примѣчаніи, не указывая источника, сообщаетъ, что „дѣтей мужскаго пола до 14 л. у крестьянъ старожиловъ Енисейск. губ. 35,1%“¹⁾. Странно, что г. Кулаковъ не замѣтилъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ разыскалъ эту цифру еще другую — „для дѣтей мужск. пола до 14 лѣтъ“... у инородцевъ Енисейск. губ. Эта вторая цифра значительно выше первой и выше той, которую г. Кулаковъ выводитъ для любезныхъ сердцу его земледѣльцевъ. Она равняется 39,8. („Матерьялы“... т. IV, вып. 2, стр. 74—75). Казалось-бы, приводя изъ „Матерьяловъ“ цифру относящуюся къ старожиламъ, г. Кулаковъ могъ сравнивать ее только съ взятой оттуда-же, аналогичной ей, цифрой для инородцевъ. Да, но тогда ему цифру, относящуюся къ сторожилскому населенію, уже нельзя было-бы употреблять въ качествѣ аргумента въ пользу меньшей смертности дѣтей „у земледѣльцевъ, какъ въ общемъ у болѣе культурныхъ и зажиточныхъ домохозяевъ“...

Что касается изслѣдователей 1890—91 года, то они за „характерную особенность енисейскихъ татаръ“ считали „низкій % лицъ обоого пола рабочаго и старческаго возрастовъ и высокій дѣтей и подростковъ у инородцевъ ачинскаго и минусинскаго округовъ, по сравненію съ % соотвѣтствующихъ возрастовъ другихъ категорій населенія“ (Матерьялы т. IV вып. 2. стр. 78).

Къ сожалѣнію, по вопросу о вліяніи занятія земледѣліемъ на „распредѣленіе богатствъ“ и степень зажиточности у инород-

1) Г. Кулаковъ не замѣчаетъ, что эта цифра для старожиловъ Енисейск. губ. ниже не только цифры для его собственныхъ „земледѣльцевъ“, но даже нѣсколько ниже, чѣмъ средняя для „земледѣльцевъ“ и „скотоводовъ“ вмѣстѣ взятыхъ (35,8). Или г.г. „земледѣльцы“ г. Кулакова успѣли уже настолько повысить, благодаря занятію земледѣліемъ, свою „культурность“ и „зажиточность“, что превзошли въ этомъ самихъ учителей своихъ, русскихъ старожиловъ?

цевъ, мы не можемъ извлечь никакихъ прямыхъ указаній изъ „Матерьяловъ по изсл. землел.“ для сравненія ихъ съ данными г. Кулакова. Поэтому, оставляя пока этотъ вопросъ въ сторонѣ, перейдемъ къ тѣмъ измѣненіямъ, какія внесла земледѣльческая культура“ въ духовную сферу инородческой жизни, посмотримъ какъ она отразилась на состояніи у нихъ грамотности и образованности. Сопоставимъ опять данныя г. Кулакова съ тѣми, какія были установлены подвornoю переписью 1890—1891 года.

Инородцы ¹⁾ .	% грамотн. и учащихся мужчинъ ко всему числу мужчинъ.		% хозяйствъ съ грамот- ными ко всему числу хо- зяйствъ.	
	По из- слѣдованію 1890 г.	По данн. г. Кулакова въ 1897 г.	По из- слѣдованію 1890 г.	По данн. г. Кулакова въ 1897 г.
Минусинскіе	2,5	12,3	5,8	26,5
Ачинскіе	2,1	7,3	5,0	15,0

Т. е. число грамотныхъ и учащихся мужчинъ, а равно и хозяйствъ съ грамотными за періодъ съ 1890 по 1897 гг. въ Минусинскихъ управахъ у пятаго утерилось, а въ Ачинскихъ—утроилось. „Такой высокій % грамотности, говоритъ г. Кулаковъ, по сравненію съ данными 1890 г. въ значительной степени зависѣлъ отъ того, что для составленія бюджетовъ приглашались по преимуществу болѣе толковые и свѣдующіе инородцы, между которыми число грамотныхъ выше“. Однако это только „съ одной стороны“, а есть еще и „другая“: „впрочемъ слѣдуетъ думать, что эта высокая цифра доказываетъ также то, что инородцы сдѣлали за послѣдніе 7 лѣтъ значительный успѣхъ въ этомъ отношеніи“ (стр. 69). Иначе и быть не могло, ибо, какъ мы видѣли, земледѣліе у инородцевъ „быстро расширяется“, а „грамотность... имѣетъ нѣкоторую связь съ главнѣйшими занятіями и промыслами населенія. Общая большая культурность земледѣльцевъ отражается и на большей распространенности среди нихъ грамоты“ (стр. 230). Странно, что семь лѣтъ тому назадъ эта „большая культурность земледѣльцевъ отражалась“ на грамотности насе-

1) На основаніи таб. XXX г. Кулакова, „Матерьяловъ“ т. III, стр. 690 и т. IV, вып. 2-го, гл. „Грамотность“, стр. 34.

ленія совсѣмъ по другому, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, взятыхъ изъ имѣющейся въ поволостныхъ таблицахъ III-го тома „Матерьяловъ“ графы о процентномъ отношеніи хозяйствъ съ грамотными ко всему числу хозяйствъ.

Процентное отношеніе хозяйствъ съ грамотными и учащими ко всему числу хозяйствъ ¹⁾:

	Абак. у.	Аскызск. у.	Кызыльск. у.	Мелецк. у.
По данн. „Матерьяловъ“ въ 1890 г.	8,9	3,7	5,1	4,1
По данн. г. Кулакова въ 1897 г.	20,0	30,0	23,5	3,8

Цифры „Матерьяловъ“ съ корректностью, далеко превышающею въ данномъ случаѣ корректность цифръ самаго г. Кулакова, свидѣтельствуютъ, на перекоръ мнѣнію послѣдняго, — что степень грамотности отдѣльныхъ управъ въ 1890 г. была обратно пропорціональна развитію въ нихъ „земледѣльческой культуры“. Наиболѣе земледѣльческая изъ нихъ Аскызская управа, отличалась въ то же время и своею наименьшею грамотностью; слѣдующія за ней по степени развитія хлѣбопашества Кызыльская и Мелецкая — стояли въ отношеніи къ грамотности уже нѣсколько выше, но все же были почти вдвое менѣе грамотными, чѣмъ „по преимуществу“ скотоводческая Абаканская. Если къ сказанному прибавить еще, что выводы г. Кулакова, сдѣланы имъ на основаніи всего 124 хозяйствъ, а прямо противоположные имъ, болѣе корректные, вытекающіе изъ данныхъ „Матерьяловъ“ — на основаніи 5690 хозяйствъ, то вопросъ о томъ, которые изъ нихъ заслуживаютъ большаго довѣрія, рѣшается легко. . . . И всетаки изслѣдователи 1890—1891 гг. не прельстились стройностью выводовъ и гарантирующимъ ихъ правдоподобіе изобиліемъ матерьяла, ограничившись лишь — очевидно специально въ назиданіе г. Кулакову — замѣчаніемъ, что „въ изслѣдованномъ краѣ занятіе земледѣліемъ не вліяетъ на грамотность положительно“ ²⁾.

Вышеприведенное сопоставленіе цифръ изслѣдованія 1890 г. вскрываетъ и еще одну необъясненную г. Кулаковымъ тайну:

1) „Матерьялы и пр.“, т. III, стр. 678 и 642.

2) „Матерьялы и пр.“, т. IV, вып. 2, „Грамотность“, стр. 37.

почему, въ то время какъ въ Кызыльской и въ обѣихъ Минусинскихъ управахъ число хозяйствъ съ грамотными и учащимися за истекшее семилѣтіе весьма сильно увеличилось — въ Аскызской упр. въ восемь разъ! — въ то же самое время въ Мелецкой грамотность не только не сдѣлала успѣховъ, но даже сократилась противъ 1890 г.

Мы прослѣдили всѣ данныя работы г. Кулакова, какія только можно было привлечь для сравненія съ результатами статистико-экономическаго изслѣдованія 1890—1891 года и убѣдились, что между тѣми и другими нѣтъ ни одной точки соприкосновенія.

На цифры г. Кулакова мы старались смотрѣть съ такимъ же довѣріемъ, какъ и на добытыя подворною переписью 1890 г. — потому что самъ г. Кулаковъ именно такъ на нихъ смотритъ. Переходя свободно отъ своей цифры къ цифрѣ статистиковъ и обратно, онъ не находитъ, очевидно, между ними никакой качественной разницы, никакого различія въ рангѣ. Конечные результаты статистиковъ указываютъ направленіе той слагающей, той средней, по которому строится хозяйственная и бытовая жизнь населенія — поскольку его охватываетъ изслѣдованіе. Цифры г. Кулакова есть тоже вѣдь средняя, характеризующая отдѣльные типы строенія инородческаго общественнаго организма.

Но какъ же примирить эту равноправность цифръ съ полнѣйшимъ разногласіемъ въ ихъ показаніяхъ? Выше мы предполагали ради этого, что хозяйство инородцевъ пережило за послѣдніе семь лѣтъ какую то невѣдомую, необычайно стремительную и всестороннюю эволюцію. Но не будетъ ли проще, если, не прибѣгая къ такого рода экстреннымъ объясненіямъ, мы, по просту, не согласимся съ г. Кулаковымъ, что тѣ данныя, которыя онъ выдаетъ за среднія, есть на самомъ дѣлѣ таковыя. Тогда противорѣчивость показаній „среднихъ“ подворной переписи и „среднихъ“ г. Кулакова станетъ совершенно понятной. Кстати, и самъ г. Кулаковъ соглашается (конечно только „съ одной стороны“!), что „дѣйствительно средній бюджетъ... немного ниже, чѣмъ тотъ средній, который можно вывести на основаніи имѣющихся 124 бюджетовъ“. Ну, вотъ и прекрасно; остается значить только установить насколько послѣдній ниже „дѣйствительнаго средняго“. Но, позвольте: г. Кулаковъ вовсе не го-

вориль, что онъ „ниже“ дѣйствительнаго средняго. Онъ сказалъ только, что съ одной стороны онъ „ниже“, а съ другой... съ другой стороны... „въ виду того, что опрошенныя хозяйства въ общемъ нѣсколько выше средняго, а что годъ (хозяйственный) былъ нѣсколько ниже средняго, можно полагать, не боясь впасть въ грубую ошибку, что средній бюджетъ, который будетъ выведенъ на основаніи 124 описаній хозяйствъ, будетъ весьма близокъ къ среднему бюджету инородцевъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ“ (стр. 219—220).

Удивительно какъ легко даются нашему автору „новыя слова“! Насколько мнѣ извѣстно, никому въѣдь еще и въ голову не приходила столь простая и любопытная мысль, что въ результатѣ наложенія бюджета съ плюсомъ на годъ съ минусомъ получается бюджетъ средняго хозяйства, что голодный годъ и приходу-расходная книжка богача-помѣщика дають въ совокупности своей бюджетъ средняго крестьянина. Никому не приходило въ голову, что плохой хозяйственный годъ и на половомъ составѣ, обезпеченности скотомъ, инвентаремъ и рабочей силой, на грамотности и пр. отражается совершенно такимъ же образомъ, какъ на сборѣ хлѣба, сѣна, орѣха, уловѣ рыбы, добычѣ звѣря... Въ хозяйствахъ „выше средняго“ въ плохой годъ весь излишній противъ „среднихъ“ хозяйствъ скотъдохнетъ, инвентарь рвется и ломается, дѣвченки превращаются въ мальчишекъ, грамотные становятся безграмотными...

Не сдѣлай г. Кулаковъ этого чрезвычайнаго открытія и намъ не пришлось-бы на предыдущихъ страницахъ вовсе говорить ни о половомъ и повозрастномъ составѣ населенія, ни объ обезпеченности рабочей силой, ни о грамотности и т. д.

Посмотримъ однако, какимъ путемъ нашъ авторъ пришелъ къ выводу, что хозяйственный годъ, къ которому относятся составленные бюджеты, „былъ лишь немного ниже средняго“.

65 изъ 124 владѣльцевъ описанныхъ хозяйствъ сообщили составителямъ, какимъ они считаютъ „по урожаю хлѣбовъ и травъ нынѣшній годъ: хорошимъ, среднимъ или плохимъ“ (стр. 219). При этомъ оказалось, что 27 человѣкъ находили годъ плохимъ, 29 среднимъ, а 9 хорошимъ. „Такимъ образомъ — говоритъ г. Кулаковъ — судя по этимъ показаніямъ и принимая во вниманіе, что при подобнаго рода показаніяхъ опрашиваемые вообще болѣе склонны къ пессимистическимъ заключеніямъ, надо думать, что годъ былъ лишь немного ниже средняго. Къ такому выводу привели насъ и наши

непосредственныя наблюденія (?) и официальные показанія: урожай хлѣбовъ 1896 г. былъ кромѣ мелецкаго вѣдомства¹⁾ средній, урожай же травъ — хорошій, хотя дожди не вездѣ благопріятствовали уборкѣ сѣна, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣно, вслѣдствіе дождливой погоды, во время уборки погнило“ (стр. 219, курсивъ мой).

Въ этихъ болѣе или менѣе неясныхъ фразахъ и цифровыхъ доводахъ несомнѣнно ясно лишь, что г. Кулаковъ при квалифікаціи хозяйственнаго года принимаетъ во вниманіе только интересы инородцевъ, ведущихъ или земледѣльческое хозяйство (урожай хлѣбовъ) или же скотоводческое (урожай травъ). Всю группу непашущихъ мелецкихъ инородцевъ (16 описанныхъ хозяйствъ), живущихъ исключительно на счетъ доходовъ отъ рыбнаго, звѣринаго и лѣсного (орѣхъ) промысла, г. Кулаковъ оставляетъ совершенно безъ вниманія. Далѣе, онъ не принимаетъ въ расчетъ при характеристикѣ хозяйственнаго года и показаній всей второй Ачинской управы, Кызыльской откуда — въ противность утвержденія г. Кулакова, что названныя выше 64 записи сдѣланы были „въ различныхъ районахъ 4-хъ управъ“ (219) — не имѣется вовсе указаній объ урожайности 1896/97 г.

Исключая изъ 64 записей 26, сдѣланныхъ въ мелецк. упр., мы имѣемъ для двухъ минусинскихъ вѣдомствъ и 64 описанныхъ здѣсь хозяйствъ 38 записей.

Въ Аскызской управѣ указанія относительно урожайности истекшаго года имѣются изъ 17 улусовъ. При этомъ, какъ видно изъ сдѣланныхъ мною выписокъ, въ 9 изъ нихъ²⁾, по общему отзыву всѣхъ владѣльцевъ описанныхъ хозяйствъ, годъ былъ „плохой“, въ 5³⁾ — „средній“, а въ 3-хъ получились разнорѣчивые отвѣты⁴⁾.

1) „Въ Мелецкомъ вѣд. урожай былъ плохой. См. обзоръ Енис. губ. за 1596 г., стр. 4—5“. (Прим. г. Кулакова).

2) Улусы: Апаковъ, Варлашъ, Итчесовъ, Усть-Чульскій, Чатыровъ, Петровъ, Чертыковъ, Саражаковъ, Аскызскій.

3) Улусы: Усть - Есинскій, Микульчинъ, Каркинъ, Больше - Сейскій, Пиляковъ.

4) Лырсинскій улусъ: 1) „по урожаю травъ и хлѣба хорошій“. 2) „плохой“; Коченковъ улусъ: 1) „по урожаю травъ хорошій, а по урожаю хлѣба плохой (и сѣна не хватило)“. 2) „годъ былъ плохой“; Тусту-джульскій улусъ: 1) „средній“. 2) „плохой“.

Въ Абаканской управѣ отмѣтки объ урожайности года сдѣланы въ 9 улусахъ, причемъ въ двухъ изъ нихъ (Биджинскій и Чарковъ) называютъ годъ „хорошимъ“, въ двухъ другихъ (Доможаковскій на Биджѣ и Спиринскій) — „среднимъ“, въ пяти остальныхъ истекшій годъ характеризуется, какъ „плохой“, „неважный“, „чижолый“ (тяжелый)¹⁾.

Такимъ образомъ, въ Мелецкой управѣ, по признанію самаго г. Кулакова и официальнымъ даннымъ, хозяйственный годъ былъ плохой, о Кызыльской управѣ г. Кулаковымъ не собрано вовсе никакихъ свѣдѣній, наконецъ изъ 26 мѣстностей обоихъ вѣдомствъ Минусинскаго округа — въ 14 урожай хлѣба и травъ былъ плохой. Отсюда выводъ г. Кулакова, относящійся ко всѣмъ четыремъ управамъ, что хозяйственный годъ въ общемъ былъ „лишь немного ниже средняго“...

Мы ужъ не станемъ касаться вопроса о примѣнимои вообще такого способа разсужденія и оцѣнки хозяйственного года при бюджетныхъ изслѣдованіяхъ...

Переходимъ къ провѣркѣ другого положенія нашего автора, что выведенный имъ „средній“ бюджетъ „весьма близокъ“ или „лишь немного выше дѣйствительнаго средняго“.

Нижеслѣдующая таблица позволяетъ намъ судить о количествѣ матерьяла, бывшаго въ распоряженіи г. Кулакова, сравнительно съ тѣмъ количествомъ его, какое было добыто подворною переписью 1890—91 г. и послужило для выводовъ статистикамъ Мин. Земл. и Госуд. Им.²⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ таблица даетъ пред-

1) Сайгачинскій ул.: „годъ плохой: снѣгъ былъ большой, на скотѣ болѣзнь, на овцахъ паршъ.“ Кыштымове ул.: „годъ плохой: корма худые“. Конгаровскій ул.: „годъ неважный: скотъ худалъ“. Усть-Камыштинскій ул.: „годъ плохой“. Доможаковъ ул. на Абаканѣ: „по общимъ отзывамъ ниже средняго, „чижолый“; въ особенности на овцахъ много урону было вслѣдствіе неурожая травъ. Тоже самое и въ другихъ сосѣднихъ улусахъ. Только ниже Килиджакова ул., на правой сторонѣ Абакана урожай травъ былъ хорошій“.

2) Для составленія настоящей таблицы послужили: „Матерьялы... и пр.“ т. III, стр. 640, 676, 688, 753—754; 762—766; Кулаковъ стр. 217, табл. I и III. Цифры для общаго числа населенія взяты изъ „Матерьяловъ и пр.“, т. IV, вып. 2, стр. 87. Въ Мелецкой управѣ указано не 20 улусовъ, какъ значится въ „Спискѣ насел. мѣст.“ (т. III, стр. 753), а 21, такъ какъ въ числѣ описанныхъ хозяйствъ этой управы есть одно изъ только что образовавшагося улуса.

ставленіе и о распредѣленіи этого матерьяла по отдѣльнымъ инороднымъ управамъ и округамъ.

Названіе улусовъ.	Общее число улусовъ.	Общее число хозяйствъ.	Душъ обоего пола.	Число улусовъ, гдѣ описывались хозяйства.	Число опис. хозяйствъ.	Число душъ об. пола зарегистрированныхъ при описаніи хозяйствъ.	% улусовъ, гдѣ описывались хозяйства къ общему числу улусовъ.	% описанн. хозяйствъ къ общ. числу хозяйствъ.	% зарегистр. при описаніи хоз. душъ об. п. ко всему числу душъ об. п.
Абаканская . . .	103	1785	9305	14	24	137	13,5	1,3	1,4
Аскызская . . .	265	2615	17509	19	40	230	7,1	1,5	1,2
Итого по Мин. окр.	368	4400	26814	33	64	367	8,9	1,4	1,3
Кызыльская . . .	39	1049	5535	11	34	199	28,2	3,2	3,5
Мелецкая . . .	21	241	1349	19	26	130	90,4	10,7	9,6
Итого по Ачинск. о.	60	1290	6884	32	60	329	53,3	4,6	4,7
Итого по Минус. и Ачинск. окр.	428	5690	33698	65	124	696	15,2	2,1	2,0

Изъ приведенной таблицы слѣдуетъ :

1) Бюджетное описаніе захватило лишь 2,1% всего числа инородческихъ хозяйствъ Минус. и Ачинск. округовъ, подвергшихся въ 1890 г. подворной переписи, и лишь 15,2% всѣхъ улусовъ. Особенно незначительно число описанныхъ хозяйствъ въ наиболѣе важныхъ для главнѣйшей цѣли г. Кулакова — доказать превосходство „земледѣльческой“ культуры предъ „скотоводческой“ — управахъ : Абаканской, „по преимуществу“ скотоводческой, и Аскызской — наиболѣе земледѣльческой (Кулаковъ стр. 13—14). Въ среднемъ для обѣихъ этихъ управъ число описанныхъ хозяйствъ составляетъ только 1,4%, а число представленныхъ бюджетами улусовъ — 8,9% общаго числа ихъ. Наибольшій процентъ описанныхъ хозяйствъ (10,7) находимъ въ самой маленькой, полу-земледѣльческой, полу-промысловой и ни мало не скотоводческой Мелецкой управѣ, гдѣ только въ двухъ улусахъ (изъ 21) не составлялось бюджетныхъ описаній хозяйствъ.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ количественною незначительностью бывшаго въ рукахъ г. Кулакова матерьяла — по сравненію съ тѣмъ, надъ которымъ оперировали участники подворной переписи 1890—91 года — приходится отмѣтить и его большію неравномѣрность въ распредѣленіи по отдѣльнымъ управамъ, неравномѣрность, притомъ, совершенно несогласную со степенью возбуждаемаго каждою изъ нихъ интереса.

2) Число душъ, зарегистрированныхъ бюджетными бланками по сравненію съ общею численностью инородческаго населенія также крайне незначительно — 2% въ общемъ итогѣ по обоимъ округамъ, и опять таки въ вѣдомствахъ Минус. округа меньше чѣмъ въ Ачинскихъ, всего 1,3% въ среднемъ для обѣихъ Минусинскихъ управъ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ заключить: во первыхъ, что количество матерьяла, которымъ пользовался г. Кулаковъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, которое было въ распоряженіи изслѣдователей 1890—91 г.; и во вторыхъ, что право „среднихъ“ г. Кулакова на значеніе дѣйствительныхъ среднихъ никоимъ образомъ не можетъ основываться на количествѣ послужившаго для вывода ихъ матерьяла, а единственно лишь на болѣе или менѣе удачномъ выборѣ изъ общей массы „приходо-расходныхъ книжекъ“ инородческихъ хозяйствъ тѣхъ, которыя всего ближе стоятъ къ средней „приходо-расходной книжкѣ“, къ среднему „бюджету“ той или другой управы или округа. Отсюда слѣдуетъ, что если даже допустить полное совпаденіе „средняго бюджета“ г. Кулакова съ дѣйствительнымъ среднимъ минусинскаго и ачинскаго инородца, то и тогда значеніе „дѣйствительныхъ среднихъ“ можно признать только за тѣми отдѣльными „средними“ г. Кулакова, которые стоятъ въ непосредственномъ соприкосновеніи со сферой производительно-потребительною. Конечно и въ приходо-расходной книжкѣ хозяйства можетъ отмѣчаться грамотность членовъ семьи, половой и повозрастный составъ ея и проч., но до тѣхъ поръ, пока не доказана другимъ путемъ зависимость ихъ исключительно или въ значительнѣйшей степени отъ болѣе или меньшей величины бюджета, отъ стоимости инвентаря, отъ количества и качества производимыхъ и потребляемыхъ въ хозяйствѣ предметовъ и т. д., — до тѣхъ поръ достовѣрность „средней“ цифры относящейся, напр. къ половому составу семьи, будетъ иная, чѣмъ „средней“ потребляемаго хлѣба или мяса. И, въ то время, какъ „среднее потребленіе хлѣба въ инородческомъ хозяйствѣ“ умѣст-

нѣе всего искать въ „дѣйствительномъ среднемъ“ бюджетѣ инородческаго хозяйства, — для опредѣленія „средняго полового состава инородцевъ“ этотъ послѣдній представляетъ, по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительный и далеко не наилучшій источникъ.

Но мы уже знаемъ, что у г. Кулакова на все „свой взглядъ“. Вотъ и теперь не признаетъ онъ никакой разницы между цифрой подворной переписи и цифрой бюджета, не признаетъ ея и между цифрой для грамотности и цифрой для мяса и мыла! Что ему? — Онъ такое „новое слово“ знаетъ, что всякую грамотность лукошкомъ „картошекъ“ измѣряетъ, половой составъ въ формѣ „ржи“ представить, ребятишекъ въ „переводѣ на крупный скотъ“ изобразить...

Обращаемся къ качественной сторонѣ матерьяловъ, послужившихъ г. Кулакову для вывода его „средняго бюджета“. — Почти на всѣхъ бюджетныхъ бланкахъ дѣлались на основаніи опроса владѣльца описываемаго хозяйства отмѣтки относительно степени состоятельности даннаго хозяйства среди хозяйствъ улуса, въ которомъ оно находится¹⁾.

1) По свидѣтельству г. Кулакова, „для того, чтобы выведенный на основаніи всѣхъ описаній хозяйствъ бюджетъ, приближался къ среднему инородческому бюджету, составители старались, чтобы отношеніе числа описанныхъ богатыхъ хозяйствъ къ бѣднымъ было бы приблизительно такое же, какое существуетъ въ инородческихъ улусахъ въ дѣйствительности. Цѣли этой, прибавляетъ к. Кулаковъ, достигнуть не совсѣмъ удалось“. Почему „этой цѣли“ не удалось достигнуть, для меня вполне понятно, но что такая цѣль была у „составителей“ — это для меня совершенная новость. Въ качествѣ одного изъ составителей могу сказать, что лично я объ этомъ вовсе „не старался“ и не видѣлъ, чтобы „старались“ и два другіе мои товарища, въ числѣ ихъ и самъ г. Кулаковъ. Да и мудрено было. Относительно распредѣленія хозяйствъ въ данномъ улусѣ по степени ихъ зажиточности мы узнавали обыкновенно уже послѣ того, какъ были составлены бюджеты и на основаніи этихъ же самыхъ бюджетовъ и вопроснаго пункта ихъ о мѣстѣ, занимаемомъ даннымъ хозяйствомъ среди всѣхъ хозяйствъ улуса, — пункта стоящаго въ самомъ концѣ бюджетной программы. Если мы о чемъ и старались, такъ это главнымъ образомъ, чтобы собрать возможно большее число и, по возможности среднихъ хозяйствъ, бюджетовъ, затрачивая на составленіе ихъ возможно меньшее количество времени. По этой причинѣ мы „старались“ выбирать не богатые и не многосемейныя хозяйства, описъ которыхъ занимаетъ чересчуръ много времени, и „толковыхъ“, хотя бы и не „зажиточныхъ“ (ср. Кулаковъ, стр. 231) хозяевъ. Однако, благодаря тому, что значительная часть бюджетовъ составлялась въ самый разгаръ сѣнокошной страды, весьма часто, особенно въ Аскызской и Абаканской управахъ приходилось, волей-неволей довольствоваться опросомъ тѣхъ хозяевъ, которыхъ удавалось застать въ улусѣ или на ближайшихъ къ нему покосахъ.

Этими отмѣтками г. Кулаковъ и воспользовался для дѣленія хозяйствъ „по степени зажиточности, какъ ее понимали сами мѣстные инородцы“, на богатые, среднія и бѣдныя. Между тѣмъ, благодаря крайней мелкости населенныхъ мѣстъ, у инородцевъ¹⁾ всегда могло случиться, что самый богатый въ данномъ улусѣ оказывался среднимъ въ 3—5 верстахъ отъ него лежащемъ сосѣднемъ; бѣднякъ изъ этого послѣдняго считался бы за „средняго“ еще черезъ слѣдующія 5 верстъ. Проистекающая отсюда погрѣшность могла бы быть незамѣтной при массовомъ составленіи бюджетовъ, но при какихъ либо 20—30 бюджетахъ на управу она должна была отразиться на среднемъ бюджетѣ весьма ощутительно. Далѣе. Самыя показанія владѣльцевъ описываемыхъ хозяйствъ или ихъ одноулусниковъ нельзя считать заслуживающими полного довѣрія. Какъ отвѣты на всѣ частные вопросы, касавшіеся различныхъ сторонъ хозяйства, такъ и отвѣтъ на общій вопросъ о степени его зажиточности, преломлялись то подъ вліяніемъ боязни, внушаемой инородцамъ всякою „переписью“, съ которой нѣкоторые изъ нихъ привыкли соединять представленіе о переводѣ „въ осѣдлое состояніе“ (кызыльскіе и мелецкіе инородцы)²⁾, то вслѣдствіе болѣе смутнаго опасенія за тѣ послѣдствія, какія можетъ повлечь за собой удовлетвореніе любопытства гг. „чиновниковъ“³⁾, то, наконецъ, подъ давленіемъ присущаго почти каждому зажиточному хозяину недовольства тѣмъ, что есть, и желанія имѣть больше. „Какой я богачъ!“ „развѣ такъ справные живутъ!“ — приходилось не разъ слышать отъ опрашиваемаго, въ отвѣтъ на свое или кого-либо изъ присутствующихъ предположеніе отно-

1) По даннымъ изслѣдованія 1890—1891 гг. среднее число хозяйствъ на одну осѣдлость у инородцевъ вчетверо меньше, чѣмъ у старожиловъ, за то густота поселковъ у первыхъ вчетверо-же больше, чѣмъ у вторыхъ. Изъ общаго числа улусовъ 73,3 % въ Ачинскомъ и 71,1 % въ Минусинскомъ округѣ имѣли менѣе 25 дворовъ, а въ частности въ Абаканской управѣ въ 26 улусахъ было менѣе 5 дворовъ въ каждомъ. Ср. „Матерьялы, т. IV, вып. 2, стр. 42, 44; т. III, стр. 766.

2) Прежнія народныя переписи — „ревизіи“ соединялись иногда съ переводомъ наиболѣе обрусѣвшихъ инородцевъ въ осѣдлое состояніе.

3) „Смотри, парень, какъ бы изъ новыхъ-то помѣщеній опять въ старыя (т. е. въ старинныя — землянки) не перегнали“ („Мелецкіе инородцы“, стр. 121); „какъ тебѣ рассказывать-то: какъ бы худа не было!“ (Кульбеновскій улусъ, Мелецкой управы).

сительно степени его состоятельности. По той или по другой изъ указанныхъ причинъ степень зажиточности хозяйствъ весьма часто претерпѣвала при опредѣленіи ея болѣе или менѣе значительное умаленіе. Повидимому, г. Кулаковъ и самъ сознавалъ это, ибо три бюджета, составленные въ Абаканской управѣ и снабженные отмѣтками „ниже средняго“ — отнесены имъ къ среднимъ, а одинъ съ отмѣткою „выше средняго — къ богатымъ¹⁾. Среди аскызскихъ „скотоводовъ“ есть бюджетъ хозяйства инородца П. съ такою оговоркой составителя его, мѣстнаго учителя: „по частнымъ свѣдѣніямъ и доходовъ, и скота больше“.

Другой аскызскій бюджетный бланкъ показываетъ, наконецъ, и еще одинъ источникъ аналогичныхъ ошибокъ при установленіи характеристики хозяйствъ по степени зажиточности ихъ: „Во многихъ рубрикахъ — говорится въ примѣчаніи мѣстнаго жителя, составлявшаго означенный бюджетъ — встрѣчались недоразумѣнія, а потому, полагаю, что общій (и частные) итогъ будетъ не вѣренъ, на что прошу тщательно обратить вниманіе“. Какъ увидитъ читатель ниже, недоразумѣнія“, и весьма крупныя, встрѣчались при заполненіи бюджетныхъ бланковъ и у самихъ изслѣдователей. Тѣмъ больше ихъ должно было быть у еще менѣе подготовленныхъ и не снабженныхъ достаточно полными и ясными инструкціями мѣстныхъ составителей бюджетовъ...

Къ чему привели г. Кулакова всѣ указанныя выше обстоятельства, можно видѣть, на примѣръ, на данныхъ относительно стоимости общаго инвентаря (постройки, рабочій инвентарь, мебель, посуда, одежда и пр.) богатыхъ, среднихъ и бѣдныхъ аскызскихъ „земледѣльцевъ“²⁾. Изъ 25 хозяйствъ — здѣсь 6 „богатыхъ“, 15 „среднихъ“ и 4 „бѣдныхъ“. Самый богатый изъ „богатыхъ“ имѣетъ общаго инвентаря на сумму 8466 рублей, слѣдующій за нимъ — 7753 рубля, затѣмъ идетъ одинъ со стоимостью инвентаря въ 2207 руб. и наконецъ трое съ инвентаремъ свѣше

1) Ср. также свидѣтельство г. Кулакова по поводу записей о томъ, какимъ считался прошлый хозяйственный годъ — „при подобнаго рода показанійхъ, говорить онъ, опрашиваемые вообще болѣе склонны къ пессимистическимъ заключеніямъ“ (Кулаковъ, стр. 219).

2) Приводимыя данныя стоимости общаго инвентаря взяты съ подсчетовъ, имѣющихся на бюджетныхъ бланкахъ. Они, какъ увидимъ ниже, болѣе или менѣе уклоняются отъ „дѣйствительной“ стоимости инвентаря, но въ данномъ случаѣ это обстоятельство не имѣетъ для насъ особеннаго значенія.

1000 рублей у каждого. Изъ 15 „среднихъ“ одинъ имѣетъ инвентаря на 3454 руб., одинъ на 2313 и двое — свыше 1000 руб. Стоимость инвентаря слѣдующихъ девяти колеблется между 800 и 500 рублями; затѣмъ одинъ имѣетъ инвентаря на 382 руб. и еще одинъ на 272 руб. Среди „бѣдныхъ“ двое бѣднѣе этого „средняго“ (180 р. и 58 р.), стоимость же инвентаря двухъ другихъ значительно выше — 522 руб. и 444 руб. Такимъ образомъ, стоимость инвентаря въ группѣ „богатыхъ“ колеблется между 8½ тысячами и 1000, у „среднихъ“ — между 3½ тысячами и 272 рублями, среди „бѣдныхъ“ — между 522 руб. и 58 рублями; при этомъ четверо изъ шести „богатыхъ“ имѣютъ инвентаря на сумму меньшую чѣмъ трое изъ „среднихъ“ и двое изъ четырехъ бѣдныхъ — на большую чѣмъ двое (а одинъ изъ нихъ, чѣмъ 4) изъ „среднихъ“.

Самаго г. Кулакова, впрочемъ, ни мало не интересуютъ подобныя „мелочи“ и онъ обходитъ ихъ полнымъ молчаніемъ, предпочитая всѣ свои силы концентрировать на доказательствѣ „близости“ своего „средняго бюджета“ къ дѣйствительному среднему.

Для этой же цѣли нашъ авторъ пользуется записями, имѣющимися въ бюджетныхъ бланкахъ и указывающими болѣе опредѣленно, чѣмъ это возможно помощью отмѣтки о степени зажиточности, мѣсто описываемому хозяйству въ ряду всѣхъ хозяйствъ улуса, посредствомъ опредѣленія числа хозяйствъ болѣе зажиточныхъ, чѣмъ описываемое, равныхъ послѣднему, и ниже его по зажиточности. Записямъ этимъ однако нельзя придавать большого значенія. Если трудно опредѣлить просто степень зажиточности одного только хозяйства путемъ отнесенія его въ одну изъ трехъ принятыхъ категорій зажиточности, — то еще много труднѣе опредѣлить степень зажиточности 15—30 хозяйствъ улуса и указать точно мѣсто, занимаемое среди нихъ даннымъ хозяйствомъ. Весьма нерѣдко на вопросъ „сколько хозяйствъ бѣднѣе“ или „богаче твоего“ — не получалось, не смотря на всѣ старанія, никакого отвѣта и приходилось ограничиваться лишь приблизительнымъ опредѣленіемъ числа всѣхъ „бѣдныхъ“, всѣхъ „среднихъ“ и всѣхъ „богатыхъ“ хозяйствъ улуса. Для Кызыльской управы вовсе не имѣется указанныхъ записей¹⁾. Сдѣлавъ подсчетъ всѣхъ отвѣтовъ изъ остальныхъ

1) О чемъ г. Кулаковъ и здѣсь не упоминаетъ.

трехъ управъ на прямыя вопросы: „сколько богаче“, „сколько равныхъ“, „сколько бѣднѣ“ описываемаго хозяйства, я получилъ нѣсколько другіе результаты, чѣмъ тѣ, которые приводитъ г. Кулаковъ на стр. 218—219. Вотъ они:

Названіе управъ.	„Земледѣльцы“.			„Скотоводы“.			Итого.		
	Богаче.	Равныхъ.	Бѣднѣ.	Богаче.	Равныхъ.	Бѣднѣ.	Богаче.	Равныхъ.	Бѣднѣ.
Абаканская	10	—	10	67	92	108	77	92	118
Аскизская	83	122	188	51	3	21	134	125	209
Мелецкая	62	68	47	60	26	16	122	94	63
Итого	155	190	245	178	121	145	333	311	390
По г. Кулакову . .	—	—	—	—	—	—	243	330	282

Разница между моими цифрами и цифрами г. Кулакова сводится на значительно меньшее у меня число хозяйствъ, квалифицированныхъ какъ равныя описываемымъ и на несомнѣнный перевѣсъ въ числѣ хозяйствъ „болѣе бѣдныхъ“, сравнительно съ числомъ двухъ остальныхъ категорій. Поэтому, на основаніи нашихъ цифръ слѣдуетъ заключить, что „средній бюджетъ“ г. Кулакова гораздо далѣе, чѣмъ онъ полагаетъ, отъ дѣйствительнаго средняго и много ближе, чѣмъ онъ допускаетъ — къ бюджету „болѣе богатыхъ“.

Приведенныя данныя представляютъ для меня значительно большій интересъ въ другомъ еще отношеніи. Весь смыслъ работы г. Кулакова, какъ уже не разъ отмѣчалось, заключается въ противоположеніи категорій хозяйствъ, именуемой имъ „скотоводческими“ — другой, которыя онъ называетъ „земледѣльческими“ хозяйствами. Послѣднія являются болѣе сильными по отношенію ко всѣмъ отдѣльнымъ элементамъ хозяйственнаго строя. И скота у нихъ больше, и сѣна ставятъ они больше, и хлѣбъ свой и въ большемъ количествѣ, и деньгами и инвентаремъ они богаче, и ѣдятъ они лучше и „разнообразнѣ“, и ему, г. Кулакову, они любы. И всѣ эти блага они получили, по увѣренію г. Кулакова, въ на-

граду за то, что съумѣли „приспособиться“ къ земледѣльческому труду... Но мы уже знаемъ, что къ увѣреніямъ нашего автора слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, ибо смѣлость и находчивость его въ соединеніи съ поразительной близорукостью не всегда гарантируютъ истинность его выводовъ. Въ настоящемъ случаѣ, очевидно, опять таки близорукость помѣшала г. Кулакову замѣтить вторую и притомъ весьма существенную причину, почему его гг. „земледѣльцы“ не могутъ не пить и не ѣсть слаще, чѣмъ его „скотоводы“. Причина эта постигается весьма легко при одномъ взглядѣ на отдѣльно приведенныя въ послѣдней таблицѣ цифры для „земледѣльцевъ“, и для „скотоводовъ“, изъ коихъ явствуетъ слѣдующее. Если бы на 155 „болѣе богатыхъ“, чѣмъ описываемое, хозяйствъ у „земледѣльцевъ“ приходилось 155-же „болѣе бѣдныхъ“ и если бы на 145 „болѣе бѣдныхъ“ „скотоводовъ“ было 145 „болѣе богатыхъ“ — тогда „средній бюджетъ“ г. Кулакова и для „земледѣльцевъ“ и для „скотоводовъ“ могъ бы претендовать на званіе „дѣйствительнаго средняго бюджета“. Что отличаетъ его на самомъ дѣлѣ отъ дѣйствительнаго средняго — это избытокъ у земледѣльцевъ 90 „болѣе бѣдныхъ“, чѣмъ описываемое хозяйство, а у „скотоводовъ“ — 33-хъ „болѣе богатыхъ“.

Другими словами, „среднее земледѣльческое хозяйство“ г. Кулакова гораздо богаче „истиннаго средняго“, „среднее“ же скотоводческое значительно бѣднѣе его. Или еще другими словами: г. Кулаковъ беретъ $+1$ да -1 , складываетъ ихъ вмѣстѣ и, торжествуя, что въ результатѣ получается 0 (или „лишь немного ниже“), садится и пишетъ ученую работу „о значеніи нуля, въ которомъ успокаиваются плюсъ и минусъ“, доказываетъ въ ней съ большимъ успѣхомъ, что -1 меньше 0 и еще меньше, чѣмъ $+1$, — въ чемъ виновата единственно „неприспособленность“ къ земледѣльческому труду.

Все вышесказанное можно вывести и на основаніи распредѣленія самихъ описанныхъ хозяйствъ по степени ихъ зажиточности, какъ это видно изъ слѣдующихъ (см. стр. 68) цифръ, извлеченныхъ нами изъ табл. IV (стр. 253) г. Кулакова.

Изъ этой таблички съ очевидностью слѣдуетъ и то, что средній бюджетъ, выведенный на основаніи бюджетовъ всѣхъ хозяйствъ, долженъ быть выше дѣйствительнаго средняго, и то, что „средній бюджетъ“ г. Кулакова для „земледѣльцевъ“ выше средняго дѣйствительнаго, а „средній“ для „скотоводовъ“ на самомъ дѣлѣ ниже его. Соединяя вмѣстѣ богатые и среднія хо-

зяйства, мы получимъ общую сумму ихъ у „земледѣльцевъ“ (Кулаковъ, табл. IV) — 50, что составитъ 86,2% всего числа „земледѣльческихъ“ хозяйствъ; число бѣдныхъ хозяйствъ здѣсь равняется 8 или 13,8%. У „скотоводовъ“ общее число богатыхъ и среднихъ хозяйствъ — 44 или 66,6% всѣхъ „скотоводческихъ“ хозяйствъ, бѣдныхъ же у нихъ 22 хозяйства или 33,4%. Кажется выводъ отсюда достаточно ясный.

Названіе управъ.	„Земледѣльч.“ бюджеты.			„Скотоводч.“ бюджеты.			Итого.		
	% богатыхъ бюджетовъ къ общ. числу б-въ	% среднихъ бюджетовъ къ общ. числу б-въ	% бѣдныхъ бюджетовъ къ общ. числу б-въ	% богатыхъ бюджетовъ къ общ. числу б-въ	% среднихъ бюджетовъ къ общ. числу б-въ	% бѣдныхъ бюджетовъ къ общ. числу б-въ	% богатыхъ бюджетовъ къ общ. числу б-въ	% среднихъ бюджетовъ къ общ. числу б-въ	% бѣдныхъ бюджетовъ къ общ. числу б-въ
Абаканская . . .	50,0	50,0	—	27,3	63,6	9,1	29,2	62,5	8,3
Аскызская . . .	24,0	60,0	16,0	20,0	26,6	53,4	22,5	47,5	30,0
Кызыльская . . .	19,0	66,7	14,3	—	38,5	61,5	11,8	55,8	32,4
Мелецкая . . .	10,0	80,0	10,0	12,5	62,5	25,0	11,7	69,2	19,1
Итого . .	20,7	65,5	13,8	16,6	50,0	33,4	13,5	57,2	24,3

Какъ же относится самъ г. Кулаковъ къ цитируемымъ нами цифровымъ отношеніямъ?

Трудно повѣрить, но на стр. 223 его статьи, послѣ того, какъ приведено вышеуказанное распредѣленіе бюджетовъ по степени ихъ состоятельности и по обѣмъ хозяйственнымъ категоріямъ, напечатано слѣдующее: „Число богатыхъ и средне-зажиточныхъ среди земледѣльцевъ больше чѣмъ среди скотоводовъ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что, съ одной стороны (!) занятіе земледѣльческимъ промысломъ и переходъ къ нему отъ скотоводческаго вообще доступнѣе болѣе прочнымъ и сильнымъ хозяйствамъ, а съ другой (!), что земледѣліе лучше обезпечиваетъ населеніе, чѣмъ скотоводство. Характерно еще (!) въ этихъ цифрахъ то, что, судя по нимъ,

самое распредѣленіе богатствъ среди скотоводовъ болѣе неравномѣрно, чѣмъ среди земледѣльцевъ: въ первой группѣ среднихъ домохозяевъ 65,5%, во второй — только 50%. Сумма же богатыхъ и бѣдныхъ, наоборотъ, у второй группы значительно выше, чѣмъ у первой...

Предоставляю читателю самому квалифицировать такой способъ доказательствъ...

И г. Кулаковъ, какъ „птица-сирень“ „зѣло въ пѣніи силенъ“ и когда своего „земледѣльца“ „прославляетъ“ — все на свѣтѣ забываетъ. Забываетъ г. Кулаковъ, какъ онъ, ѣдучи по улусу вызывалъ къ себѣ на опросъ „по возможности среднихъ“, „малосемейныхъ“, „а главное толковыхъ“ хозяевъ, какъ онъ во многихъ улусахъ, гдѣ весь народъ находился на покосѣ, довольствовался имѣвшимися на лицо; забываетъ, что самъ или его спутники между составленными бюджетами различали „болѣе достовѣрные“ и „менѣе достовѣрные“, что изъ общаго числа имѣвшихся въ его распоряженіи бюджетовъ онъ одиннадцать — по тѣмъ или другимъ соображеніямъ — исключилъ вовсе; забываетъ, что въ числѣ исключенныхъ былъ бюджетъ богатого „скотовода“, хозяйство котораго „черезчуръ далеко отъ типичнаго“ (стр. 231, примѣч.), а въ числѣ оставленныхъ есть бюджетъ тоже „скотоводческаго“ хозяйства, въ которомъ нѣтъ ни одной скотины¹⁾; забываетъ, что почти во всѣхъ бюджетахъ онъ — какъ въ этомъ убѣдимся ниже — то передѣлывалъ одну цифру на другую, то вставлялъ новыя и вычеркивалъ старыя, то дѣлалъ крупныя и мелкія ошибки въ подсчетахъ, изъ коихъ весьма многія остались и по сіе время во всей своей неприкосновенности... Да, развѣ перечестъ все то, что забываетъ г. Кулаковъ, устраняя изъ процесса собиранія и обработки бюджетнаго матерьяла всякое участіе воли самихъ составителей, вліяніе разныхъ случайностей, вольныхъ и невольныхъ погрѣшностей и пр., надѣлая его какою то стихійною силой, въ результатѣ работы которой, какъ въ зеркалѣ, иль „малой каплѣ водѣ“ отражается сама дѣйствительность, во всемъ своемъ подлинномъ и нетронутомъ видѣ...

1) Хозяйство Якова Коромчакова изъ села Усть-Есинскаго, Асхызской управы.

Пора однако объяснить, почему всюду, гдѣ приходится говорить о „земледѣльцахъ“ и „скотоводахъ“ г. Кулакова, я употребляю кавычки. Это просто потому, что то, что принято обозначать словами „земледѣлецъ“ и „скотоводъ“ въ обыденной жизни, въ литературѣ и наукѣ — совсѣмъ не то, что разумѣть подъ ними авторъ занимающаго насъ труда. Если А. весь день сидитъ и точаетъ сапоги, а на дворѣ у него посѣяно десятокъ огурцовъ, то его никто не назоветъ огородникомъ, а зовутъ сапожникомъ. Точно также кочевникъ-скотоводъ засѣвающій $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ десятины ячменемъ, казалось-бы, долженъ остаться скотоводомъ...

Но пусть такъ, пусть всякій, кто еще неумѣлой рукой проведетъ борозду по полю — тѣмъ самымъ перешелъ въ станъ „земледѣльцевъ“. Но какъ понять ту пеструю смѣсь „и лицъ, и званій, и платья“, которую г. Кулаковъ соединилъ вмѣстѣ и окрестилъ общимъ именемъ „скотоводовъ“? Прежде всего сюда вошла цѣлая инородческая управа — Мелецкая, о которой самъ же г. Кулаковъ говоритъ, что „скотоводческій промыселъ въ ней играетъ роль второстепенную“ (стр. 86), а „на хозяйственно-экономическія отношенія главное вліяніе послѣ земледѣлія оказываютъ промыслы (рыболовство и звѣроловство)“ (стр. 230), „населеніе ея по б. ч. имѣетъ только самый необходимый въ хозяйствѣ рабочій и молочный скотъ и живетъ главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ и рыбнымъ и звѣринымъ промыслами“ (стр. 231). Наконецъ, на стр. 235 онъ называетъ ее прямо „земледѣльческо-промысловой“. Если къ этому прибавить, что количество скота въ Мелецкой управѣ много меньше, чѣмъ въ среднемъ по 4-мъ округамъ Енисейской губерніи¹⁾ и почти въ 5 разъ меньше на 1 хозяйство, чѣмъ въ скотоводческой — Абаканской, что приходъ отъ скотоводства по даннымъ табл. X г. Кулакова у мелецкихъ „земледѣльцевъ“ = 105 р. на хозяйство, у „скотоводовъ“ же всего лишь 86 р. — то станетъ совершенно не понятно, какъ мелецкіе инородцы могли попасть въ разрядъ „скотоводовъ“.

Однако въ концѣ концовъ ларчикъ открывается весьма просто, до того просто, что становится неловко за... не за

1) 171 голова въ переводѣ на крупный на 100 душъ населенія въ Мелецкой управѣ и 227 головъ — на 200 душъ населенія 4-хъ изслѣдованныхъ округовъ Енис. губ. „Матерьялы“, т. IV, вып. 4, стр. 230.

свою недогадливость, а за поразительную грубость „научных“ приемов г. изслѣдователя. „Если всякій кто проведъ сохой борозду — „земледѣлец“, то почему бы не быть всякому, кто ея *не* проведъ — скотоводомъ“? — въ такой очевидно логической послѣдовательности совершался мыслительный процессъ у нашего автора...

Благодаря такой оригинальности метода и смѣлости научнаго построения — дальнѣйшая работа облегчалась до крайности, а побѣда любезныхъ сердцу изслѣдователя „земледѣльцевъ“ надъ обреченными имъ въ союзъ съ „биологическимъ закономъ“ „къ печальной участи“ „скотоводовъ“ обезпечивалась окончательно. Вся задача была только въ томъ, чтобы перейти этотъ филологическій Рубиконъ, подмѣнить одно, привычное читателю понятіе о томъ, что такое „скотоводъ“ — другимъ *ad hoc* смастереннымъ. Г. Кулаковъ продѣлываетъ эту операцію весьма осторожно. Онъ лишь глухо и на половину въ примѣчаніи заявляетъ, что „хозяйства занимающіяся и земледѣліемъ и скотоводствомъ“... „въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ... называть земледѣльцами“ (sic!), а „хозяйства, — земледѣліемъ не занимающіяся, а живущія преимущественно скотоводствомъ и промыслами“)“... „скотоводами“ (!) (Кулаковъ, стр. 221).

По ту сторону Рубикона г. Кулаковъ сразу же становится смѣль и обстоятеленъ и приступаетъ къ весьма основательному доказательству „несомнѣнной связи занятія хозяйствъ земледѣльческимъ или исключительно (?) скотоводческимъ промысломъ съ составомъ семьи“ (220). Это „исключительно“ предназначается, надо думать, исключительно для успокоенія иного, не въ мѣру подозрительнаго и взволнованнаго только что совершеннымъ переходомъ чрезъ Рубиконъ читателя...

Послѣ всего вышесказаннаго насъ уже ни мало не удивитъ то обстоятельство, что въ группу „скотоводовъ“ г. Кулакова по-

1) Не нужно думать, что для такъ наз. скотоводческаго хозяйства характерно занятіе его и промыслами, какъ можно пожалуй заключить изъ приведенной формулировки скотоводческаго хозяйства г. Кулаковымъ. На стр. 237 онъ самъ говоритъ, что „доходъ отъ промысловъ почти равенъ въ первыхъ (занимающихся земледѣліемъ) и во вторыхъ (не занимающихся имъ) хозяйствахъ; отдѣльно-же, по управамъ онъ всего меньше въ Абаканской (наиболѣе скотоводческой, А. Я.), затѣмъ слѣдуетъ Кызыльская, Мелецкая и наконецъ выше всѣхъ Аскызская управа (наиболѣе земледѣльческая, А. Я.)“.

падаютъ не только не имѣющіе ничего общаго съ настоящими скотоводами — вродѣ качинцевъ, — мелецкіе инородцы, нѣкоторые изъ аскызскихъ и кызыльскихъ, живущіе почти исключительно рыбо- и звѣроловствомъ, лѣснымъ промысломъ, извозомъ и пр., но и всѣ бѣдняки, не имѣющіе силы пахать, безразлично живутъ-ли они среди скотоводческаго населенія или среди земледѣльческаго. Такимъ образомъ, „земледѣльческій“ бюджетъ вполнѣ гарантированъ отъ наплыва этихъ, понижающихъ высоту его „средней“, элементовъ, а скотоводческій долженъ вмѣщать въ себя не только свою собственную голытьбу, но и прокормливать, по проекту г. Кулакова, всѣхъ „болѣе культурныхъ“ оборванцевъ изъ привилегированнаго класса — „земледѣльцевъ“. Имъ вѣдь, „скотоводамъ“, все равно ужъ „предрѣшено“ вымереть, такъ пускай за одно съ ними идутъ и всѣ тѣ, что не сѣумѣли, разъ принявъ на себя почетное званіе „земледѣльца“, съ честью нести его, не сѣумѣли „приспособиться“ къ новымъ условіямъ хозяйствованія...

Какъ бы ради ироніи въ числѣ „скотоводческихъ“ хозяйствъ фигурируетъ упомянутое уже, единственное хозяйство вовсе безъ скота, которое г. Кулаковъ не счелъ нужнымъ выключить, какъ онъ это сдѣлалъ съ „черезчуръ“ богатымъ скотоводческимъ хозяйствомъ инородца Ульчегашева (ср. стр. 231, примѣч.)¹⁾.

По отдѣльнымъ управамъ описанныя хозяйства распредѣляются такимъ образомъ²⁾:

Названіе управъ.	Число хозяйствъ.			‰ „землед.“ хозяйствъ къ общему числу хозяйствъ.	
	„Земледѣльч.“	„Скотоводч.“	Всего.	У г. Кулакова.	По переписи 1890 г.
Абаканская . .	2	22	24	8,3	21,4
Аскызская . .	25	15	40	62,5	74,8
Кызыльская . .	21	13	34	61,8	40,7
Мелецкая . .	10	16	26	38,5	65,2

1) Нужно-ли говорить, что самое бѣдное изъ всѣхъ описанныхъ хозяйствъ, упоминаемое г. Кулаковымъ на стр. 232 — Константина Авдорина, состоящее изъ старика 67 лѣтъ, жены его 59 и въ безвѣстной отлучкѣ находящагося сына — отнесено также къ „скотоводческимъ“. Единственные кобыла и двѣ коровы получены Авдориными, передъ самымъ посѣщеніемъ ихъ г. Кулаковымъ, въ калымъ за выданную дочь!...

2) Кулаковъ, стр. 220: „Матерьялы и пр.“, т. III, стр. 649, 685.

По поводу приведеннаго распредѣленія описанныхъ хозяйствъ по управамъ и занятіямъ, г. Кулаковъ замѣчаетъ: „эти отношенія земледѣльцевъ къ скотоводамъ по управамъ приблизительно соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ отношеніямъ“ (стр. 220). Во всякомъ случаѣ на столько - же „приблизительно соотвѣтствуютъ“, насколько и „приблизительно не соотвѣтствуютъ“. Г. Кулаковъ выбираетъ первое, — я - бы предпочелъ второе. Какъ видно изъ двухъ послѣднихъ столбцовъ таблички, наибольшее „приблизительное соотвѣтствіе“ между цифрами г. Кулакова и „Матерьяловъ“ мы имѣемъ въ Аскызской управѣ, гдѣ процентная разниа между ними доходитъ до 12%; въ Абаканской % пашущихъ на самомъ дѣлѣ почти вдвое больше; въ Мелецкой и Кызыльской дѣйствительное отношеніе между пашущими и не имѣющими пашни совершенно обратное тому, какое имѣемъ у г. Кулакова¹⁾.

Между прочимъ, изъ приведенной таблицы видно, что средній бюджетъ абаканскихъ „земледѣльцевъ“ выведенъ на основаніи бюджетовъ всего лишь двухъ хозяйствъ, взятыхъ притомъ изъ одного и того же улуса (Толчеинскаго); одно изъ этихъ хозяйствъ „среднее“, другое „богатое“. Такъ что „средній“ бюджетъ абаканскихъ земледѣльцевъ можетъ быть названъ съ одинаковымъ правомъ, смотря по желанію, либо среднимъ, либо богатымъ²⁾.

1) Число хозяйствъ пашущихъ къ числу хозяйствъ непашущихъ относится какъ :

	по Кулакову	по „Матерьяламъ“.
Абаканск. упр.	1,0 : 11,0	1,0 : 3,7
Аскызск. „	1,7 : 1,0	2,6 : 1,0
Кызыльск. „	1,6 : 1,0	1,0 : 1,5
Мелецк. „	1,0 : 1,6	1,9 : 1,0

Во всѣхъ управвахъ „скотоводы“ г. Кулакова представлены лучше, чѣмъ „земледѣльцы“, 1 бюджетъ г. Кулакова приходится :

	у „землед.“	„скотов.“
Въ Абаканской упр. на	180 хозяйствъ	64 хоз.
„ Аскызской „	75 „	49 „
„ Кызыльск. „	20 „	48 „
„ Мелецкой „	15 „	5 „

Это обстоятельство объясняется на основаніи вышесказаннаго весьма легко : въ разрядъ „земледѣльцевъ“ попадаютъ только избранные.

2) Надо полагать, къ этой плюсъ-единицѣ, минусъ-единицей служить средній бюджетъ кызыльскихъ „скотоводовъ“, въ образованіи

По поводу этих двух абаканских „земледельческих“ хозяйств, не безинтересно привести еще слѣдующія „мелочи“. Число душъ обоого пола въ семьѣ одного изъ нихъ — 7, въ семьѣ другого 4. Итого у обоихъ 11 или въ среднемъ (!) на семью абаканскаго „земледѣльца“ придется 5,5 душъ об. пола. У „скотоводовъ“ же этой управы 5,7 душъ на 1 хозяйство. А между тѣмъ г. Кулаковъ только это заявилъ о „несомнѣнной связи занятія хозяйствъ земледѣльческимъ или исключительно скотоводческимъ промысломъ съ составомъ семьи“. И вдругъ, послѣ этого приходится начинать съ приведенныхъ для абаканскихъ „земледѣльцевъ“ и „скотоводовъ“ цифръ! Какъ тутъ быть? Но мнѣ уже приходилось удостовѣрять находчивость и изобрѣтательность нашего автора. Не измѣняютъ они ему и на этотъ разъ. На бюджетномъ бланкѣ второго абаканскаго „земледѣльца“ имѣется отмѣтка: „на два мѣсяца въ году пріѣзжаетъ жить еще теща Авдотья“. Тебя-то намъ, голубушка, и надо! И вотъ, при содѣйствіи „тещи Авдотьи“, „скотоводы“ снова поруганы, „земледѣльцы“ празднуютъ побѣду, а г. Кулаковъ, выводъ для послѣднихъ средній составъ семьи: $7 + 4 +$ „теща Авдотья на два мѣсяца“ — итого $12:2 = 6,0$, торжествуя заявляетъ: „Рѣшительно по всѣмъ управамъ составъ семьи у инородцевъ занимающихся хлѣбопашествомъ больше, чѣмъ у скотоводовъ“. И снова г. Кулаковъ предстаётъ во весь свой ростъ: „Это явленіе, читаемъ дальше, объясняется тѣмъ, что земледѣльческое хозяйство требуетъ большаго приложенія рабочей силы, чѣмъ скотоводческое“ и т. д.

Ничто въ мірѣ не случайно. Все свершается по волѣ „биологическихъ“ „ewigen, grossen Gesetzen“ и даже „теща Авдотья“ имѣетъ свое мѣсто, гдѣ она можетъ, при случаѣ, оказать „наукѣ“ громадную услугу. Жаль, что г. Кулаковъ недостаточно оцѣнилъ важность приведеннаго казуса, не остановился вовсе на его глубококомъ и философскомъ значеніи. Не заинтересовалъ съ другой стороны нашего автора и чисто практическій вопросъ: а что,

котораго принимаютъ участіе только среднія и бѣдныя хозяйства — 38,5% первыхъ и 61,5% вторыхъ! Если средній бюджетъ абаканскихъ „земледѣльцевъ“ можно еще съ одинаковымъ правомъ считать или богатымъ, или среднимъ, то „средній“ бюджетъ кызыльскихъ „скотоводовъ“ есть уже несомнѣнно средній бюджетъ много-„ниже среднихъ“ скотоводовъ Кызыльской управы. Впрочемъ + 1 да — 1 при всѣхъ обстоятельствахъ даютъ нуль, а до остальнаго нѣтъ дѣла.

если „теща Авдотья“ въ этомъ году не прїѣдетъ вовсе, а останется жить эти два мѣсяца тамъ же, гдѣ проводитъ остальные 10 и гдѣ, быть можетъ, она также отмѣчена г. Кулаковымъ въ числѣ членовъ семьи другого описаннаго хозяйства?

Сказаннымъ еще не исчерпанъ интересъ, возбуждаемый двумя бюджетами абаканскихъ „земледѣльцевъ“. Если вы потрудитесь заглянуть въ примѣч. на стр. 217, вы найдете тамъ въ числѣ улусовъ „Аскызской управы, Сагайск. 2-го рода“ — улусъ Толчеинскій. Между тѣмъ бюджеты двухъ единственныхъ хозяйствъ абаканскихъ „земледѣльцевъ“ взяты именно изъ этого аскызскаго улуса. На самомъ дѣлѣ однако въ Аскызск. управѣ Толчеинскаго улуса нѣтъ, а онъ находится въ Абаканской. Какъ же онъ у г. Кулакова попалъ къ сагаямъ? Очень просто. Кромѣ этихъ двухъ бюджетовъ есть еще третій, тоже изъ Толчеинскаго улуса. Этотъ третій бюджетъ отнесенъ однако не къ „земледѣльческимъ“ и не къ абаканскимъ бюджетамъ, а къ аскызскимъ и „скотоводческимъ“ хозяйствамъ. Такимъ образомъ эти три хозяйства изъ одного и того же улуса участвуютъ у г. Кулакова въ образованіи „средняго бюджета“ для двухъ различныхъ управъ и представителей обоихъ категорій хозяйственной дѣятельности. Владѣлецъ указаннаго третьяго „скотоводческаго“ хозяйства родомъ сагаецъ (Аскызск. упр.), но 18 лѣтъ тому назадъ переселился сюда, въ Толчеинскій улусъ, женился здѣсь на вдовѣ — фактической владѣлицѣ описываемаго хозяйства — и живетъ тутъ съ тѣхъ поръ безотлучно. Теперь, вмѣсто того, чтобы зачислить его хозяйство въ число хозяйствъ Абаканской управы — куда оно по всей справедливости и принадлежитъ — нашъ авторъ переноситъ весь Толчеинскій улусъ въ Аскызскую управу, оставляя въ Абаканской только двухъ „земледѣльцевъ“, и то, вѣроятно, потому что иначе Абаканская управа осталась бы вовсе безъ этого привилегированнаго сословія... Впрочемъ, чтобы вознаградить абаканцевъ за утрату Толчеинскаго улуса, г. Кулаковъ переводитъ къ нимъ расположенный въ предѣлахъ Аскызской управы Чеминовъ улусъ, въ которомъ онъ разыскалъ единственнаго тутъ качинца (Абак. упр.), — переселившагося сюда изъ за мочага, — и описалъ его хозяйство¹⁾.

1) Нашъ авторъ вообще относится чрезвычайно пренебрежительно къ географіи изучаемой имъ мѣстности. Такъ, онъ не задумывается въ перечень инородческихъ улусовъ включить деревню Абаканск. волости, Тесь,

Выше мы оставили безъ разсмотрѣнія одно изъ крупныхъ послѣдствій измѣнившихся экономическихъ отношеній въ „татарскихъ“ земляхъ. Я имѣю въ виду неодинаковость, устанавливаемую г. Кулаковымъ, въ распредѣленіи богатствъ у „земледѣльцевъ“ и „скотоводовъ“, и вообще большую матерьяльную обезпеченность первыхъ по сравненію со вторыми. Если читатель припомнить, г. Кулаковъ еще недавно увѣрялъ насъ, что и онъ и всѣ другіе составители бюджетовъ не съ проста выбрали для описанія — у „земледѣльцевъ“ 65% „среднихъ“ хозяйствъ, у „скотоводовъ“ же только 50%, что это „характерно“, какъ указаніе на „большую неравномѣрность распредѣленія богатствъ среди „скотоводовъ“ сравнительно съ „земледѣльцами“. Мы и сами, тамъ гдѣ шла объ этомъ рѣчь, убѣдились, что это дѣйствительно весьма „характерно“, только не для „татаръ“ съ ихъ богатствами, а для историка ихъ культуры „за послѣднія три четверти столѣтія“, ихъ статистика, публициста и проповѣдника, г. Кулакова, съ его оригинальными взглядами и пріемами научнаго изслѣдованія. Теперь мы можемъ обратиться къ другимъ его доказательствамъ въ пользу той же мысли.

„Большая неравномѣрность — читаемъ на стр. 223 у г. Кулакова — распредѣленія богатствъ у земледѣльцевъ обнаруживается еще въ таблицѣ XXIX, гдѣ указано различіе нѣкоторыхъ признаковъ [отъ (?) степени зажиточности семействъ“. Прежде всего изъ таблицы этой усматривается, что „среднее число головъ скота (въ переводѣ на крупный) у земледѣльцевъ 41, у скотоводовъ 50,7, при чемъ богатые земледѣльцы имѣютъ въ среднемъ по 113 головъ на хозяйство, богатые-же скотоводы по 156,7. Бѣдные земледѣльцы имѣютъ лишь немного менѣе скота, чѣмъ бѣдные скотоводы“. Другими словами: и у богатыхъ и у среднихъ и у бѣдныхъ „скотоводовъ“ скота больше, чѣмъ у соответствующихъ имъ категорій „земледѣльцевъ“ — следовательно богатства у послѣднихъ распредѣлены равномѣрнѣе...

только потому очевидно, что она именуется „татарской“ (стр. 36); въ числѣ улусовъ Кызыльской управы онъ называется, какъ два самостоятельные — Кожиковский и Бѣлоюсскій, представляющіе на самомъ дѣлѣ различныя названія одного и того-же улуса. Относительно улуса Мамонова (Кызыл. упр.) на стр. 35 сообщается, что „теперь нѣтъ (этого) улуса“. Между тѣмъ страницей раньше объ Ив. Тайдоновѣ (№ 13) говорится, что онъ и „до сихъ поръ“ „въ зимникахъ“ живетъ въ Мамоновомъ, улусѣ, а на стр. 218 указываются даже бывшіе у г. Кулакова бюджеты хозяйствъ изъ этого, якобы несуществующаго улуса.

Жаль, что нашъ авторъ со столь большимъ пренебреженіемъ отнесся къ „естественно-историческимъ и общимъ географическимъ условіямъ“, а то онъ, при помощи своихъ „характерныхъ“ цифръ, съ гораздо большимъ правомъ и безъ насилія надъ логикой могъ бы доказывать „неравномѣрность“ въ распредѣленіи богатствъ у „скотоводовъ“ и „земледѣльцевъ“, въ зависимости напр. отъ сторонъ свѣта. У южныхъ (Абаканск. и Аскызск. управы) „скотоводовъ“ на 1 хозяйство въ полтора раза болѣе скота, чѣмъ у южныхъ „земледѣльцевъ“¹⁾; у сѣверныхъ (Мелецк. упр.) „скотоводовъ“ его въ полтора раза меньше чѣмъ у сѣверныхъ „земледѣльцевъ“²⁾, а у сѣверо-западныхъ (Кызыльск. упр.) „скотоводовъ“ скота оказывается уже въ три раза меньше, чѣмъ у рука объ руку живущихъ съ ними „земледѣльцевъ“³⁾.

Кромѣ лжесвидѣтельскихъ показаній гг. „скотоводовъ“ и „земледѣльцевъ“ г. Кулакова, мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ данныхъ для того, чтобы судить какъ распредѣляется богатство скотомъ у инородцевъ въ зависимости отъ ихъ зажиточности и промысла. На основаніи матерьяловъ изслѣдованія 1890—91 г. можно для Абаканской (скотоводческой) и Аскызской

Название управъ.	% хоз. безъ всяк. скота.	% хоз. безъ лошадей рабочихъ.	% хоз. безъ рог. скота.	Среднее кол. на 1 хоз. рабоч. лошадей.	Среднее количество рог. скота на 1 хоз.	% хоз. съ 10 и болѣе рабоч. лошадами.	% хоз. съ 10 и болѣе гол. крупн. рог. скота.	% хозяйствъ бездомовыхъ.	% хозяйствъ нанимающихъ рабочихъ.	
									Годовыхъ.	Кромѣ того срочныхъ.
Абаканская .	2,5	4,7	6,1	3,9	10,9	8,3	39,0	5,3	8,5	7,6
Аскызская .	4,1	6,6	10,5	3,4	8,9	3,7	29,3	3,8	5,3	0,8

1) У первыхъ на 1 хозяйство 86—71 головъ въ переводѣ на крупный, у вторыхъ — 51—40 головъ. Кулаковъ табл. VII.

2) У мелецкихъ „скотоводовъ“ 9,7 головъ въ перев. на крупн. на 1 хоз., у мелецкихъ „земледѣльцевъ“ — 12,7 головъ. Ibidem.

3) Въ Кызыльск. упр. у „скотоводовъ“ на 1 хоз. 15 головъ скота въ пер. на крупный, у „земледѣльцевъ“ же той же управы его 45 головъ. Ibidem.

(наиболѣе земледѣльческой) управѣ сдѣлать слѣдующую небольшую сводку относящихся сюда цифръ (см. стр. 77), которая, на мой взглядъ, ни мало не говоритъ въ пользу защищаемаго г. Кулаковымъ мнѣнія¹⁾

На основаніи той же XXIX таблицы г. Кулаковъ увѣряетъ далѣе, что „неравномѣрность распредѣленія богатствъ отражается еще на питаніи“. Онъ даже строитъ „амплитуды“ колебанія въ потребленіи различныхъ продуктовъ у тѣхъ и у другихъ! Изъ приводимыхъ здѣсь (стр. 223) и на стр. 227 цифръ оказывается также, что „большая средняя обеспеченность земледѣльцевъ отражается прежде всего на ихъ потребленіи, въ особенности на питаніи“, „земледѣльцы вообще питаются разнообразнѣе и лучше, чѣмъ „скотоводы“, которые „имѣютъ преимущество только въ молочныхъ продуктахъ, всѣхъ же остальныхъ земледѣльцы потребляютъ на большую сумму, чѣмъ скотоводы“ (стр. 227).

Что г. г. „скотоводы“ и „земледѣльцы“ и на этотъ разъ обманываютъ своего крестнаго папашу и его читателя, слѣдуетъ уже изъ очной ставки таблицъ XXIX и XXVII. Такъ, въ таблицѣ XXVII г. г. „земледѣльцы“ показываютъ у себя въ среднемъ на 1 душу годовое потребленіе мяса, рыбы и дичи въ 3,5 пуд., а въ таблицѣ XXIX уже 4,9 пуд. Сахару они въ 96—97 году скушали (на 1 душу) по табл. XXVII — 0,7 фунтовъ, по табл. XXIX — въ четверо больше, цѣлыхъ 3,0 ф. Далѣе, согласно табл. XXVII, они оказываются порядочными любителями водки, которой выпиваютъ по 0,3 ведра на душу, а въ табл. XXIX увѣряютъ въ своемъ гораздо болѣе трезвомъ поведеніи, выставляя потребленіе водки на одну душу лишь въ 0,13 и т. д. . . .

И этихъ примѣровъ, полагаю, вполне достаточно, чтобы укрѣпить въ насъ недовѣріе къ ложнымъ показаніямъ крестныхъ дѣтей г. Кулакова и поколебать основы „амплитудъ“ ихъ папаша. А если мы опять вмѣсто „скотоводовъ“ возьмемъ Абаканскую управу (только 2 бюджета „землед. хозяйствъ“, остальные 22 — „скотоводческія“), а вмѣсто „земледѣльцевъ“ — Аскызскую (на 25 „земледѣльческихъ“ бюджетовъ — 15 „скотоводческихъ“) — мы должны будемъ прійти совершенно къ другимъ, чѣмъ нашъ авторъ, выводамъ относительно того, кто питается лучше и обильнѣе — абаканскіе ли кочевники скотоводы или аскызскіе земледѣльцы.

1) „Матерьялы . . . и пр.“ т. III, стр. 677—680.

Названіе управъ и пр. 1).	Число душъ изъ 1 хозяйства.	Потребленіе на одно хозяйство.						
		Пудовъ хлѣба въ пере- водѣ на рожь.	Пудовъ мяса, рыбы и дичи.	Ведеръ молока.	Пудовъ соли.	Кирпичей чаю.	Фунтовъ сахару.	Ведеръ водки.
Абаканская	5,5	126,0	48,6	171,0	2,9	15,2	20,8	2,8
Аскызская	5,7	105,2	32,6	100,3	2,7	3,8	10,5	1,9
„Скотоводы“	5,7	93,2	31,8	138,3	2,9	8,4	13,8	1,9
„Земледѣльцы“ . . .	6,0	129,4	35,0	105,1	4,5	8,6	19,8	2,0

Справедливость однако обязываетъ меня заявить, что на этотъ разъ не всѣ гг. „скотоводы“ и не всѣ гг. „земледѣльцы“ лже-свидѣтельствуютъ. Конечно, абаканскіе „земледѣльцы“ остаются вѣрными себѣ и на сей разъ также, какъ и кызыльскіе „скотоводы“. Да въ сущности и можно ли ужъ черезчуръ строго винить за это тѣхъ и другихъ? Развѣ виноваты абаканскіе „земледѣльцы“, что ихъ повелитель обрядилъ ихъ въ маску „среднихъ абаканскихъ земледѣльцевъ“, когда они на самомъ дѣлѣ столько же средніе, сколько и богатые? Развѣ виноваты кызыльскіе „скотоводы“, что ихъ „средній бюджетъ“ выведенъ на основаніи описанія 61 бѣднаго и 38 среднихъ хозяйствъ? И развѣ не очевидно, что, благодаря вышесказанному, бюджетъ — а въ томъ числѣ и норма потребленія — средняго абаканскаго „скотовода“ сравнивается съ бюджетомъ чуть-ли не богатаго земледѣльца, бюджетъ-же и норма средняго потребленія кызыльскаго „земледѣльца“ сравниваются съ таковыми же почти бѣднаго кызыльскаго „скотовода“? И развѣ не очевидно, что какъ тутъ, такъ и тамъ терпятъ несправедливость все тѣ же несчастные „скотоводы“? Развѣ не очевидно, далѣе, что и мелецкіе „скотоводы“, изъ года въ годъ перебивающіеся кое какъ, — гдѣ орѣхомъ, гдѣ рыбой, гдѣ бѣлкой — не могутъ внести особеннаго улучшенія

1) По табл. XXVI г. Кулакова.

въ питаніе „средняго“ скотовода, бюджетъ котораго будетъ построенъ изъ бюджетовъ „скотоводовъ“ всѣхъ трехъ управъ“. Остаются еще аскызскія хозяйства. И хотя нельзя сказать, чтобы средніе бюджеты ихъ „скотоводовъ“ и ихъ „земледѣльцевъ“ были вполне сравнимы между собой¹⁾ — во всякомъ случаѣ они менѣе изъ всѣхъ несравнимы. И посмотрите, показанія аскызскихъ „земледѣльцевъ“ и „скотоводовъ“ уже совершенно иныя, чѣмъ всѣхъ остальныхъ: (ср. нижеслѣд. таблицу)²⁾.

Аскызскіе.	На одно хозяйство.						
	Пудовъ хлѣба въ переводѣ на рожь.	Пудовъ мяса, рыбы и дичи.	Пудовъ соли.	Кирпичей чаю.	Фунтовъ сахару.	Ведеръ молока.	Ведеръ водки.
„Скотоводы“	106,8	35,7	2,5	3,0	15,5	155,6	2,2
„Земледѣльцы“	105,2	30,6	2,8	4,4	7,4	67,1	1,6

„Большая зажиточность — продолжаетъ далѣе г. Кулаковъ — земледѣльцевъ, сравнительно со скотоводами видна еще изъ слѣдующихъ бюджетныхъ данныхъ (табл. V). Если подѣлить всѣ бюджеты по отношенію ихъ годоваго прихода къ расходу, то окажется . . . (что) относительное число хозяйствъ съ остаткамъ и съ уравнивающимъ приходомъ и расходамъ больше среди земледѣльцевъ, хозяйствъ же сведшихъ свой бюджетъ съ дефицитомъ, больше среди скотоводовъ. Въ особенности эта разница обнаруживается, если по всѣмъ вѣдомствамъ у группъ земледѣльческихъ и скотоводческихъ подсчитать дефициты и остатки и вывести, насколько благополучно свела свой бюджетъ каждая группа. Оказывается, что у земледѣльцевъ по всѣмъ управамъ получается въ общемъ остатокъ, сумма котораго равна 2070 р. 79 к., у скотоводовъ же только по кызыльской управѣ получился остатокъ,

1) У первыхъ на 46 богатыхъ и среднихъ приходится 53 бѣдныхъ хозяйства, у вторыхъ же на 74 богатыхъ и среднихъ всего — 16 бѣдныхъ.

2) Кулаковъ, табл. XXVI.

по всѣмъ же остальнымъ дефицитъ, и общая сумма дефицита у скотоводовъ равняется 1862 р. 55 к.“ (224)...

Si tacuisses! Во всякомъ и ученомъ, и неученомъ изслѣдованіи есть конечно свои сильныя и свои слабыя мѣста, но далеко не во всякомъ есть столь слабыя, какъ то, котораго такъ неосторожно касается теперь г. Кулаковъ. Зачѣмъ было выставлять его на показъ, да поворачивать еще то той, то другой стороной лицомъ къ публикѣ...

На стр. 236 г. Кулаковъ, по поводу приходныхъ бюджетовъ инородческихъ хозяйствъ, говоритъ слѣдующее: „Средній годовой приходъ хозяйства, какъ это видно изъ таблицы IX, равняется 571,5 р. или 101,1 р. на 1 д. об. пола. Онъ, какъ видно, нѣсколько ниже средняго годового расхода — 574,6 рублей, что можно объяснить отчасти тѣмъ, что въ нынѣшнемъ хозяйственномъ году балансъ былъ сведенъ недостаточно удовлетворительно, а отчасти тѣмъ, что при опросѣ население какъ то легче припоминаетъ и подробнѣе и точнѣе указываетъ свои расходы, чѣмъ доходы, несмотря на то, что расходъ вообще сложнѣе прихода. Кромѣ того, это обстоятельство зависитъ отъ того, что въ приходѣ натуральная доля значительно выше, чѣмъ въ расходѣ (75,7 и 65,4 %), а население крайне низко оцѣниваетъ продукты своего труда и самый трудъ свой“.

Въ интересахъ справедливости слѣдовало-бы упомянуть и о неподготовленности составителей бюджетовъ, о недостаточной подчасъ внимательности и большой торопливости, которыми сопровождалось описаніе хозяйствъ...

По всѣмъ этимъ причинамъ лишь въ весьма немногихъ изъ числа даже среднихъ и богатыхъ хозяйствъ, удавалось свести, на основаніи бюджетнаго бланка, приходъ съ расходомъ безъ дефицита¹⁾. Въ остальныхъ г. Кулакову при подсчетѣ приходилось обучать своихъ „скотоводовъ“ и особенно „земледѣльцевъ“ какому нибудь ремеслу, дабы имѣть возможность поставить „доходъ во столько то рублей“ въ графу дохода „отъ ремесла“; или заставлять ихъ заниматься „извозомъ“ тамъ гдѣ и возить нечего и некуда... Впрочемъ, онъ пред-

1) Такъ, въ Мелецк. управѣ только въ 2-хъ хозяйствахъ (изъ 26) годовой балансъ сводится безъ дефицита. (Ср. „Мелецкіе инородцы“ стр. 145), въ Кызыльской — въ 2—4 хозяйствахъ (изъ 34) ср. „Кызыльцы и ихъ хозяйство“ стр. 344 и 347.

почиталъ для сведенія бюджета безъ дефицита пополнять графу „случайныхъ доходовъ“...

Если мы возьмемъ для примѣра хозяйства кызыльскихъ инородцевъ, то найдемъ, что вмѣшательство г. Кулакова въ выполненіе ихъ бюджетовъ выразилось въ томъ, что изъ 13 „скотоводовъ“ трое получили отъ него подарокъ въ общей суммѣ въ 140 рублей. Въ 10 бюджетахъ „земледѣльческихъ“ хозяйствъ (изъ 21) потребовалось увеличить приходъ въ общемъ на 382 рубля. Результаты такой политики г. Кулакова оказались самые блестящіе: согласно табл. V, въ „земледѣльческихъ“ хозяйствахъ получился въ общей сложности остатокъ въ 167 р. 19 к., въ „скотоводческихъ“ — остатокъ въ 95 р. 99 к. Конечно, безъ помощи г. Кулакова ни тѣмъ, ни другимъ не удалось-бы свести концы съ концами: у „скотоводовъ“ оказался бы дефицитъ въ 44 рубля (на 13 хоз.), у „земледѣльцевъ“ — же дефицитъ въ 215 рублей (на 21 хозяйство). Какъ хорошо быть любимымъ сыномъ своего отца¹⁾!

1) Вотъ перечень всѣхъ хозяйствъ Кызыльск. упр., гдѣ г. Кулаковымъ увеличены статьи дохода:

„Скотоводческія“:

- 1) Бюджетъ хозяйства Янгулова изъ Янгул. улуса. Прибавлено въ графу „случайныя поступленія“ — „100 рублей“.
- 2) Б. хоз. Шагалакова, Кожиговск. ул. — Цифра доходовъ отъ „ремесла“ — „10 рубл.“ переправлена на „30 рубл.“
- 3) Б. хоз. Кулакова, Чебаковск. ул. — Цифра дохода отъ „отхожихъ промысловъ“ „20“ переправлена на „40“.

„Земледѣльческія“:

- 1) Б. хоз. Аргудаева, Саралинск. ул. — Цифра дохода отъ „извоза“ „100“ переправлена на „140“.
- 2) Б. хоз. Кукорцева И., Божьеозерск. улуса. — Въ графу „ремесла“ вписана цифра „25“, въ графу „случ. поступленія“ — „20 р.“
- 3) Б. хоз. Кожаква, Б. — Ошкольск. ул. — Въ графу „торгово-промышл. предпріятія“ вписаны „50 рубл.“
- 4) Б. хоз. Кукорцева Н., Божьеозерск. ул. — Въ графу „случайн. поступл.“ вписаны „15 рубл.“
- 5) Б. хоз. Кукорцева Н. 2-го, Божьеоз. ул. Цифра дохода отъ „извоза“ — 25 рубл. передѣлана на „50“ рубл. и въ графу „случ. поступл.“ вписано 15 р.
- 6) Б. хоз. Янгулова изъ Б. Ошкольск. ул. Цифра дохода отъ „ремесла“ — повидимому, 10 рубл. — передѣлана на „50 р.“
- 7) Б. хоз. Итеменова изъ Б. Юссск. ул. — Въ графу „случайн. поступл.“ вписано „25 рубл.“
- 8) Б. хоз. Балахчина, Чебак. ул. Въ графу „случайн. поступл.“ вписано „52 рубл.“
- 9) Б. хоз. Шурлекова, Мажарск. ул. Въ графу „ремесла“ вписано „20 рубл.“, въ графу „отхож. пром.“ — „30 рубл.“
- 10) Б. хоз. Саможикова, Усть Печищинск. ул. Въ графу „отхожіе промыслы“ вписано „25 рублей“.

Слѣдующимъ аргументомъ въ пользу большей зажиточности „земледѣльцевъ“ г. Кулаковъ приводитъ высшую у нихъ, сравнительно со „скотоводами“, стоимость построекъ и инвентаря. Но и этотъ аргументъ весьма ненадежный, ибо г. Кулаковъ не объяснилъ намъ, почему же у абаканскихъ земледѣльцевъ, бюджетъ коихъ, если угодно, не „средній, а „богатый“, не смотря на это послѣднее обстоятельство, стоимости построекъ, инвентаря и пр. — или значительно ниже или почти одинаковы (инвентарь) со стоимостями ихъ у среднихъ „скотоводовъ“, какъ это можно видѣть изъ слѣд. цифръ (Кулаковъ, табл. VI):

Абаканскіе.	П о с т р о й к и.				Одежда.	Скотъ.	Инвентарь и пр.	Всего.
	Жилыя.	Сельско хозяйств.	Для скота	Итого.				
„Земледѣльцы“ . .	40,6	50,5	21,5	112	111	420	189,5	832
„Скотоводы“ . .	73,9	30,3	25,3	129,8	242	1142	185,8	1699,6

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышесказаннаго нельзя не прийти къ заключенію, что г. Кулакову не удалось доказать ни того, что „татарскіе земледѣльцы“ въ среднемъ болѣе обеспечены матерьяльно (и духовно!), чѣмъ „татарскіе скотоводы“, ни того, что богатства у послѣднихъ распределены болѣе неравномѣрно, чѣмъ у первыхъ. О послѣднемъ нельзя не пожалѣть. До сихъ поръ вѣдь думали, что натуральное хозяйство, — какимъ г. Кулаковъ въ особенности признаетъ хозяйство „скотоводческое“, — не располагаетъ къ накопленію богатствъ, къ образованію капитала. Оказывается, думали невѣрно. Вѣроятно, въ слѣдующемъ своемъ ученомъ трудѣ г. Кулаковъ и докажетъ намъ справедливость этого еще „новаго“ его слова. Пока же намъ остаются лишь однѣ догадки насчетъ того, откуда берется у абаканскихъ кочевниковъ-скотоводовъ „пролетаріатъ“ съ одной стороны и „капиталъ“ съ другой. Я склоненъ думать, что г. Кулаковъ раздѣляетъ въ этомъ случаѣ точку зрѣнія нѣмецкаго экономиста, видящаго богатства не въ обладаніи матерьяльными благами, а въ наличности способности и средствъ производить эти блага, въ обладаніи — другими словами — „продуктивными силами“. А какими громадными „продуктивными силами“ обла-

даетъ скотоводъ въ формѣ своихъ стадъ — это мы уже видѣли: припомнимъ быстро размножившихся съ перепугу, преслѣдуемыхъ „по пятамъ“ „земледѣльческою культурой“ аскызскихъ и кызыльскихъ коровъ и овецъ. Очевидно, что всякій скотоводъ, какъ обладатель неистощимаго источника „продуктивныхъ силъ“, — несомнѣнный, истый капиталистъ. Но, съ другой стороны, достаточно прочесть у г. Кулакова стр. 81—88, чтобы окончательно убѣдиться, что въ каждомъ скотоводѣ сидитъ въ зародышевой формѣ и „пролетарій“. Нѣкоторыя личинки „татарскаго пролетарія“, впрочемъ, успѣли превратиться въ половозрѣлыхъ особей и уже трудятся надъ размноженіемъ пролетаріата. (Ср. упомянутыя выше безскотное хозяйство и хозяйство Авдоруна).

Въ связи съ этимъ вопросомъ о пролетаризаціи скотоводовъ позволю себѣ обратить вниманіе читателя на страницы 82—83 статьи г. Кулакова. Не находя достаточно прямыхъ доказательствъ въ пользу высказываемаго имъ мнѣнія объ уменьшеніи въ теченіе послѣднихъ „нѣсколькихъ десятилѣтій“ количества скота у инородцевъ, г. Кулаковъ прибѣгаетъ къ помощи „косвенныхъ“. „Разныя косвенныя соображенія и указанія — говоритъ онъ — могутъ больше подкрѣпить предположеніе объ упадкѣ скотоводческаго промысла. Первое изъ нихъ то, что съ увеличеніемъ населенія, съ уменьшеніемъ владѣній татаръ скотоводовъ, съ развитіемъ земледѣльческаго хозяйства, когда подъ земледѣльческую культуру ушло около 10000 десятинъ самой удобной земли, прежній просторъ миновалъ и число табуновъ должно было сократиться. Въ настоящее время у минусинскихъ и въ особенности (?) ачинскихъ инородцевъ большіе табуны можно съ выгодой имѣть лишь при условіи преобладающаго содержанія ихъ на подножномъ корму при хозяйствѣ же, запасами корма, съ выгодой можно содержать лишь небольшое сравнительно количество скота, преимущественно рабочаго молочнаго. Въ прежнее время, когда инородцами дѣлались самые незначительные запасы сѣна, громаднѣйшая часть скота содержалась на подножномъ корму, теперь количество гулевого скота должно было сократиться, количество же рабочаго увеличиться. Упадокъ экстензивнаго скотоводческаго хозяйства долженъ былъ вообще явиться необходимымъ послѣдствіемъ развитія земледѣльческаго“.

Попробуемъ хоть сколько нибудь разобраться въ этой чрезвычайно безсвязной аргументаціи нашего автора. По самому своему назначенію, она должна прежде всего „доказывать“ со-

кращеніе и упадокъ скотоводческаго промысла. Противоположеніе между „прежнимъ временемъ“ и „настоящимъ“, между количественнымъ отношеніемъ „гулевого скота“ къ „рабочему“ — должны, повидимому, свидѣтельствовать, что въ настоящее время „громаднѣйшая часть скота“ содержится уже не на подножномъ корму, а обезпечивается запасами сѣна, которые поэтому не могутъ уже ограничиваться „самыми незначительными количествами“. Что такова въ дѣйствительности мысль нашего автора доказывается и тѣмъ, что онъ говоритъ на стр. 88 по поводу губернаторскихъ распоряженій — склонять или заставлять инородцевъ запасать для своего скота достаточное количество корму: „Конечно не эти мѣры убѣжденія (!), а необходимость заставила дѣйствительно въ значительной степени увеличивать запасы кормовъ на зиму. Развившееся, особенно въ послѣднія десятилѣтія, искусственное орошеніе покосовъ („мочаги“) облегчало инородцамъ переходъ отъ подножнаго содержанія скота къ болѣе надежному содержанію его запасенными съ осени кормами“.

Насколько близко къ истинѣ такое изображеніе условій скотоводческаго хозяйства въ настоящее время — можно судить уже по одному тому, что въ то время, какъ въ Мелецкой управѣ, — гдѣ дѣйствительно „съ выгодой можно содержать лишь небольшое сравнительно количество скота, преимущественно рабочаго и молочнаго“ — на 1 голову въ перев. на крупный приходится 199 пудовъ заготавлиаемаго на зиму сѣна, въ Абаканской управѣ „по преимуществу“, — и именно по этой причинѣ, — скотоводческой, это количество сокращается до 35 пудовъ. Отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, что абаканская лошадь, подобно „якутской“¹⁾, питается листовичной корой и ивовыми вѣтками — листовичицы въ степи нѣтъ вовсе, а ивы черезчуръ недостаточно — не слѣдуетъ также и того, что такое различіе надо объяснять различіемъ въ „психологіи“ мелецкаго инородца, „по преимуществу земледѣльца“ — съ одной стороны и абаканскаго, „по преимуществу скотовода“ — съ другой. Что абаканскій скотоводъ не большій „лѣнтѣй“, чѣмъ мелецкій и не менѣ послѣдняго радѣетъ о своемъ скотѣ — видно уже изъ того, что количества заготавлиаемаго сѣна, выпадающія на долю каждаго фактическаго работника въ той и другой управѣ, различаются между собой

1) Аргуновъ, П. А. Очерки сельск. хозяйства Минусинск. края. Казань 1892 г. Предисловіе.

сравнительно мало — 1029 пуд. въ Абаканской и 1481 въ Мелецкой (Ср. „Матер.“ т. IV, вып. 4 стр. 232) — разница, которая можетъ быть всецѣло отнесена на гораздо бѣльшую трудность заготовки сѣна въ Абак. упр. (отдаленность и парцеллярность покосныхъ угодій, значительно меньшая урожайность степныхъ покосовъ, необходимость устройства мочаговъ, требующихъ большихъ затратъ какъ при заведеніи такъ и ежегодныхъ — для ремонта и чистки и пр.). Возможность содержать „громаднѣйшую часть скота на подножномъ корму — и „въ настоящемъ“, какъ въ прошломъ, является необходимымъ условіемъ существованія экстензивнаго скотоводства абаканскихъ инородцевъ. Легко было губернской и иной власти „приказывать косить каждому богачу-татарину возможно большее количество сѣна для прокормленія всѣхъ табуновъ“ (Кулаковъ, стр. 85, 87). Для богача лишь съ 500 головами крупнаго скота — а это еще не Богъ вѣсть какой богачъ! — нужно было-бы, если бъ онъ захотѣлъ послушаться совѣтовъ начальства и кормить ихъ всю зиму дома — заготовлять не менѣе того количества, какое заготовляютъ теперь мелецкіе инородцы, т. е. 200 пудовъ на голову, или на всѣхъ — 100,000 пудовъ. А такъ какъ поставить 100 пудовъ стоитъ 1 р. 50 к. (ср. „Матерьялы“, т. IV, вып. 6, стр. 79), то на заготовку всего сѣна пришлось бы затратить 1500 р. Между тѣмъ годовая доходность 500 головъ крупнаго скота — не считая потребленной въ самомъ хозяйствѣ доли продуктовъ — въ Абаканской упр. не превышаетъ 1000—1200 рублей¹⁾. Если мы, далѣе, допустимъ, что въ Абаканской управѣ только 20 такихъ богачей, имѣющихъ по 500 головъ крупнаго скота, тогда имъ однимъ на два сѣнокосныхъ мѣсяца потребовалась-бы цѣлая армія работниковъ въ 1600 человекъ!

И конечно, еслибы все это было необходимо въ настоящемъ — тогда кочевнику пришлось-бы сократить значительнѣйшую часть своего гулевого скота. Но пока этого еще нѣтъ, и количество послѣдняго, въ противность утверженію (?) г. Кулакова, не только въ Абаканской управѣ, но и въ среднемъ по всѣмъ четыремъ управамъ обоихъ округовъ, больше чѣмъ вдвое значительнѣе количества рабочаго скота. Это обстоятельство совершенно отличаетъ хозяйство мѣстнаго инородца какъ отъ хозяйства енисейскаго (по губерніи) старожилы, такъ и отъ хозяйства

1) Аргуновъ, тамъ-же, стр. 121.

иркутскаго бурята, что можно видѣть изъ приводимыхъ ниже цифръ („Матерьялы“, т. IV, вып. 4, стр. 190):

	рабочихъ лошадей	нерабоч. лошадей
по волостямъ Енисейск. губ. .	100,846	21,087
„ вѣдомств. Иркутск. губ. .	59,590	33,199
„ 4 упр. Енисейск. губ. . .	19,960	44,070

Судя по вышеприведенной выпискѣ, г. Кулаковъ полагаетъ далѣе, что во 1-хъ „10,000 десятинъ“, ушедшей подъ земледѣльческую культуру земли, должны были отразиться замѣтно на просторѣ „для табуновъ“, и что, во 2-хъ, „самая удобная“ для земледѣлія земля, есть въ то же время и самая удобная для скотоводства. И то и другое одинаково не справедливо. Не только 10,000 дес., — не знаю откуда взялъ ихъ г. Кулаковъ — но и всѣ тѣ 14,000 дес., которыя составляли приблизительную общую площадь запашки всѣхъ четырехъ управъ въ 1890 году — есть ни болѣе, ни менѣе, какъ лишь 1,5 % всего пространства удобныхъ инородческихъ земель въ предѣлахъ Минус. и Ачинск. округовъ ¹⁾).

Затѣмъ, неужели г. Кулакову совершенно неизвѣстно, что „наиболѣе удобныя“ для скотоводства абаканскія степи, въ то же время, въ силу „естественно-историческихъ и общихъ географическихъ“ условій, до того непригодны для земледѣльческой культуры, что сама „высшая администрація“, вѣроятно, будетъ просить г. Кулакова пощадить скотоводческое населеніе ихъ „отъ печальной участи“, постигшей „соплеменниковъ“ абаканскихъ инородцевъ — ариновъ, моторовъ и пр. Маленькій „ясакъ“ для „государственной политики“ все же лучше большихъ теорій, разводимыхъ досужими любителями „пофилософствовать“ ²⁾).

1) „Матерьялы... и пр.“ т. III, стр. 645, 681, т. IV, вып. 3, стр. 20.

2) Какъ мы уже видѣли (ср. выше стр. 45—46), нашъ авторъ придаетъ чрезвычайно большое значеніе установленному имъ распредѣленію приходныхъ и расходныхъ суммъ бюджетовъ на натуральную и денежную доли. На нихъ онъ основываетъ свое утвержденіе о переходѣ инородцевъ къ денежному хозяйству, проводитъ сравненіе между ними и соответственными цифрами, выведенными для Европ. Россіи г. Щербиной (стр. 228—229, прим.) и пр. Но мнѣ даже при помощи лицъ, производившихъ подсчеты г. Кулакову не удалось добраться, какимъ образомъ получены были тѣ или другія изъ относящихся сюда данныхъ; во всякомъ случаѣ они не могли быть взяты непосредственно со страницъ отдѣльныхъ бюджетовъ.

На этомъ мы можемъ покончить съ „теоретическою“ частью работы г. Кулакова. Мы охотно не касались-бы ея вовсе, еслибы не то вниманіе, какое было оказано нѣкоторымъ воззрѣніямъ нашего автора со стороны вліятельныхъ органовъ печати ¹⁾. Каковы бы ни были эти воззрѣнія, въ настоящемъ трудѣ г. Кулакова они не могутъ найти себѣ никакой опоры. Въ немъ нѣтъ ни одной таблицы — боюсь, что ни одной цифры таблицъ — которая способна выдержать ариѳметическую критику гимназиста 2-го класса.

Намъ уже попадались поразительные примѣры вольнаго обращенія г. Кулакова съ цифровымъ матерьяломъ. Исчерпать вполне эту мало интересную тему у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты, ни мѣста. Приведу еще только нѣсколько наиболѣе бросающихся въ глаза обращиковъ.

Выше намъ пришлось дивиться громадному количеству запасаемаго аскызскими „земледѣльцами“ сѣна, для уборки котораго требовалось бы вдвое большее число рабочихъ рукъ противъ того, какое имѣется у нихъ въ наличности. Всѣ вмѣстѣ они ставятъ 57% того количества сѣна, которое запасаютъ „земледѣльцы“ всѣхъ 4-хъ управъ. Г. Кулаковъ объясняетъ это „наибольшимъ развитіемъ“ въ Аскызской управѣ мочаговъ (стр. 238). Однако дѣло гораздо проще. Противно всякимъ правиламъ обращенія съ именованными числами, нашъ авторъ производитъ такого рода сложенія: „1 пятипудовая копна сѣна + 1 четырехпудовая + 1 двухпудовая + 1 пудъ сѣна = 4 пятипудовымъ копнамъ сѣна“. Въ результатѣ именно такой ариѳметики — по Аскызской управѣ и получается „погрѣшность“ въ 30%: вмѣсто 13,935 копенъ накашиваемаго тамъ сѣна, г. Кулаковъ насчитываетъ его 19,983 копны (5-ти пудовыхъ) (табл. XII). Львиная доля этой погрѣшности пошла на пользу „земледѣльцевъ“, благодаря тому, что въ бюджетѣ одного изъ нихъ 6000 пудовъ были посчитаны за 6000 копенъ, т. е. 30,000 пудовъ! И какъ г. Кулакова не устарила эта цифра. Вѣдь это болѣе $\frac{1}{3}$ того, что ставятъ всѣ 25 „земледѣльцевъ“ вмѣстѣ. Вѣдь для того, чтобы заготовить эти 30,000 пудовъ сѣна, нужно держать во весь періодъ сѣнокоса не менѣе 24 человекъ работниковъ. Даже въ исключительно богатомъ хозяйствѣ Ульчегашева,

1) Такъ, на страницахъ „Вѣстника Европы“ воспроизведены были наиболѣе нелѣпыя мѣста страницы 4-й г. Кулакова — о вліяніи устава 1822 г. на „біологическіе законы“ и пр. . . Ср. „Вѣст. Евр.“ 1898 г. № 4. стр. 857—858.

бюджетъ котораго по этой причинѣ не былъ г. Кулаковымъ подвергнутъ обработкѣ, и тамъ поставлены были тѣ-же 1200 копенъ, т. е. 6000 пудовъ сѣна...

Конечно, ариеметика г. Кулакова оставалась одинаковой во всѣхъ управѣхъ, но тамъ ошибки не были столь велики и при томъ отчасти уравнивались всякаго рода ошибками въ другомъ направленіи. Такъ, на примѣръ: г. Кулаковъ ввелъ для всѣхъ управъ одинаковую стоимость копенъ сѣна — 30—35 р. Стоимость хозяйственная сѣна (стоимость его уборки), которую, обычно, показывали сами опрашиваемые, была вдвое — вчетверо меньше. И вотъ, кое-гдѣ вмѣсто того, чтобы увеличить сообразно принятой нормѣ оцѣнки стоимость поставленнаго въ хозяйствѣ сѣна, уменьшалось количество этого послѣдняго во столько разъ, во сколько стоимость его, показанная хозяевами была ниже той, какая слѣдовала по нормѣ г. Кулакова ¹⁾).

Нельзя не отмѣтить и введеніе этой общей для всѣхъ управъ 30—35 рублевой нормы оцѣнки сѣна, какъ грубый, произвольный и ничѣмъ, на мой взглядъ, не оправдываемый приемъ. Почему тогда было уже не установить одну общую цѣну для всѣхъ хозяйствъ на всѣ вообще перечисляемые въ бюджетномъ бланкѣ и оцѣниваемые предметы ²⁾? При подворной переписи, гдѣ изслѣдователь не имѣетъ въ виду считаться съ особенностями каждаго отдѣльнаго (богатаго, средняго, бѣднаго, земледѣльческаго, скотоводческаго и пр.) хозяйства, не задается цѣлью сравнительнаго ихъ изученія, — тамъ вполне понятно, когда онъ для опредѣленія, скажемъ, средняго дохода отъ сѣнокошенія беретъ среднюю — и то для данной мѣстности — продажную цѣну его или среднюю для той-же мѣстности стоимость уборки. Но вѣдь нашъ авторъ все время имѣетъ дѣло съ индивидуальнымъ хозяйствомъ, бюджетъ котораго онъ составляетъ и анализируетъ. Для бюджета даннаго хо-

1) Конечно, главными фактическими виновниками только что указанной, а равно и приводимой ниже чудовишной небрежности въ выполненіи подсчетныхъ работъ является не самъ г. Кулаковъ, а его помощники, производившіе эти работы, но вся отвѣтственность предъ читателемъ и критикомъ падаетъ всецѣло на г. Кулакова, опубликовавшаго ихъ и воспользовавшагося ими для обоснованія своихъ „теоретическихъ“ построеній.

2) Кромѣ сѣна, г. Кулаковымъ установлена норма для стоимости молока — также одинаковая какъ для всѣхъ управъ, такъ и для „скотоводческихъ“ и „земледѣльческихъ“ хозяйствъ.

зайства весьма не все равно, оцѣнить-ли изслѣдователь ставимыя имъ 500 копенъ сѣна по 15 р. за сотню или по 35 р., — въ 75 р. или въ 175 р. Г. Кулакову, игнорирующему всякія „мѣстныя условія“, нѣтъ никакого дѣла до того, что какому нибудь абаканскому скотоводу, прежде чѣмъ онъ обезпечить себѣ ежегодно 500—600 копенъ сѣна, надо устроить мочагъ, который ему обойдется рублей въ 100—150, да ежегодный ремонтъ и чистка его — 15—20 р., да его надо огородить, чтобы уберечь отъ скота, да, быть можетъ, еще унавозить... Сѣно съ него для г. Кулакова имѣетъ ту-же цѣнность, что таежное мелецкаго инородца, который настолько не дорожитъ имъ, что не знаетъ употребленія грабель, замѣняя ихъ вилами, настолько обезпеченъ имъ, что употребляетъ его вмѣсто соломы въ качествѣ подстилки скоту...

Впрочемъ, не нужно думать, чтобы г. Кулаковъ особенно строго придерживался и принятой имъ оцѣночной нормы для сѣна въ 30—35 руб. Вовсе нѣтъ. Весьма нерѣдко онъ оставляетъ нетронутой либо цифру хозяйственной стоимости сѣна, либо значительно меньшую — а то и большую (обыкновенно для мочажнаго сѣна) — чѣмъ его оцѣночная норма, покупную цѣну его, указанную самимъ хозяиномъ, при составленіи бюджета...

Что г. Кулакову дѣйствительно не удалось провести свою 30—35 рублевую оцѣнку по всѣмъ управамъ — можно видѣть изъ его XII таблицы. Если раздѣлить указанную тамъ общую стоимость всего поставленнаго въ хозяйствахъ той или другой управы, той или другой хозяйственной категоріи сѣна на его количество (въ копнахъ), то получимъ слѣдующія цифры стоимости сотни копенъ (въ рубляхъ):

Названіе управъ.	„Земледѣльцы“.	„Скотоводы“.	Тѣ и другіе вмѣстѣ.
Абаканская	41,3	38,6	38,7
Аскызская	29,2	26,1	29,1
Кызыльская	34,0	33,2	33,8
Мелецкая	29,0	16,9	20,8
Среднее для всѣхъ 4 управъ	30,9	30,4	30,7

Г. Кулаковъ вполне удовлетворяется тѣмъ, что въ среднемъ и у „земледѣльцевъ“, и у „скотоводовъ“, и у тѣхъ и другихъ вмѣстѣ получается всетаки нужная ему стоимость сѣна — 30 рубл.

за сотню. Но его совершенно не интересуетъ, почему же по отдѣльнымъ управамъ стоимость сѣна претерпѣваетъ такія сильныя колебанія и притомъ вездѣ въ предѣлахъ одной и той же управы стоимость сѣна у „скотоводовъ“ ниже, чѣмъ у „земледѣльцевъ“? Или у первыхъ, въ силу еще какого нибудь „біологическаго закона“, и сѣно на лугу растетъ худшее и болѣе дешевое, чѣмъ рядомъ у сосѣда — „земледѣльца“?

Чтобы не останавливаться въ отдѣльности на другихъ погрѣшностяхъ работы г. Кулакова, я приведу для примѣра перечень „скотоводческихъ“ бюджетовъ Кызыльской упр. съ указаніемъ всѣхъ ихъ достопримѣчательностей.

I. „Бѣдныя“.

1) Хозяйство Матвѣя Кулакова, Чебаковск. улуса.

Не сосчитана дѣтская одежда на сумму 1 р. 1 к. Стоимость 200 копенъ сѣна — 14 р., переправлена на „60 р.“, стоимость дровъ — съ 3-хъ р. — на 7 р. Въ графѣ „отхожіе промыслы“ сумма дохода отъ него — 20 р. передѣлана на 40 р. „Общая стоимость скота — 27 р., стоимость остальнаго имущества“ 37 р. 9 к. Итого стоимость общаго, инвентаря должна бы быть 64 р. 9 к., но къ этой суммѣ второй разъ (она уже вошла разъ въ сумму стоимости „остальнаго имущества“ — 37 руб. 9 коп.) прибавлена стоимость одежды — 7 р. 33 к. и стоимость общаго инвентаря выведена въ 71 р. 42 к. Количество скота въ пер. на крупн.: 2,1.

Покупали мяса на 3 рубля.

2) Хоз. Конст. Авдорина, Усть-Печищинск. ул.

Мебель: 1 столъ въ 50 к., 1 полка въ 20 к., 1 лавка въ 20 — итого 90 к., у г. Кулакова — 1 р. 75 к. Стоимость 50 копенъ сѣна — 5 р., передѣлана на 17 р. Графа „лѣсъ дровяной“ заполнена при подсчетѣ (на сумму 9 р.), также какъ и графа „молоко“ (на сумму 15 р.). Стоимость скота — 43 р. 30 к., стоимость остальнаго имущества 22 р. 6 к. — Итого стоимость общаго инвентаря должна бы быть 65 р. 36 к. Но сюда прибавлена еще разъ стоимость одежды — 6 р. 10 к., и стоимость общаго инвентаря выведена въ 71 р. 46 к. Скота въ переводѣ на крупный — 3.

Весь скотъ полученъ въ „калымъ“.

3) Хозяйство Григорія Янгулова, Б.-Ошкольскій ул.

Въ рубрикѣ „посуда и домашняя утварь“ приборъ для приготовленія молочнаго вина посчитанъ вмѣсто 2 рублей за 2 коп., а 1 самоваръ вмѣсто 5 р. — за 5 к. Не посчитана дѣтская одежда на сумму 1 р. 13 к. Стоимость сѣна (200 к.) — 20 р. передѣлана на 70 р. Стоимость „дровян. лѣса“ — 4 р., передѣлана на 14 р. Стоимость скота 47 р., всего остального имущества — 76 р. 70 к. Поэтому стоимость общаго инвентаря должна бы быть равной — 123 р. 70 к., но сюда присчитана еще разъ стоимость одежды — и стоимость общаго инвентаря выведена въ 146 р. 11 к. Скота въ перев. на крупный — 5,3.

Мяса покупали на 2 р.

4) Хоз. Алексѣя Сулекова, Саралинскій улусъ.

Въ графѣ „рабочій инвентарь“ ошибка при подсчетѣ на 1 р. 10 к. Общій итогъ рубрики „посуда и домашняя утварь“ опредѣленъ въ 9 р. 80 $\frac{1}{2}$ к., вмѣсто 23 р. 65 $\frac{1}{2}$ к. Ошибка произошла вслѣдствіе того, что стоимость двухъ самоваровъ посчитана за 15 к. вмѣсто 15 р. Стоимость сѣна оставлена указанная хозяиномъ — 38 $\frac{1}{2}$ р. за 150 к. Въ графѣ „лѣсъ дровяной“ стоимость 4 р. 80 к. передѣлана на 9 р. Въ графѣ „лѣсъ строевой“ стоимость 9 р. передѣлана на 21 р. Стоимость скота 28 р. 80 к., всего остального имущества — 141 р. 30 $\frac{1}{2}$ к. Итого — 170 р. 10 $\frac{1}{2}$ к. Къ этому прибавлена второй разъ стоимость одежды 23 р. 59 к. и сумма общаго инвентаря опредѣлена въ 193 р. 70 к. Количество скота въ перев. на крупн. — 2,1.

Мяса покупалъ на 3 р.

5) Хоз. Григорія Тайтынова, Подкаменскій улусъ.

Стоимость 250 к. сѣна — 34 р. 50 к. передѣлана на 75 р., стоимость „лѣса дровяного“ — 9 р. на 14 р. 60 к. Въ графу „потреблено для продовольствія“ — вставлено „3 ягненка на сумму 6 р.“ Стоимость скота 88 р. 50 к., остального имущества 90 р. 43 к. + второй разъ стоимость одежды 38 р. 46 к. — все вмѣстѣ даетъ стоимость „общаго инвентаря“ — 217 р. 39 к. Скота въ перев. на крупн. 6,3.

Мяса покупалъ на 3 р. 20 к., молокомъ пользуется у родни.

- 6) Хоз. Павла Янгулова, Чебаковский улусъ.

Въ рубрикѣ „рабочій инвентарь“ при подсчетѣ — ошибка на 1 р. Въ рубрикѣ „одежда“ не посчитана дѣтская одежда на 12 р. 10 к. Стоимость 300 копенъ сѣна — 18 р. передѣлана на 90 р. Стоимость „лѣса дровяного“ 10 р. передѣлана на 14 р. Стоимость скота 66 р. 60 к., остального имущества — 137 р. 62 к. + второй разъ стоимость одежды 23 р. 65 к. — откуда стоимость общаго инвентаря получена въ 227 р. 87 к. Скота въ переводѣ на крупный — 4,1.

Мяса покупаль на 20 р.

- 7) Хоз. Потапа Абдарина, Костинскій улусъ.

Стоимость 70 копенъ сѣна — 5 р. 60 к. передѣлана на 21 р. Стоимость дровъ 5 р. передѣлана на 10 р. Стоимость скота 64 р., остальн. имущества 123 р. 17 к. Къ этому второй разъ прибавлена стоимость одежды — 74 р. 90 к.; итого должно бы быть 262 р. 7 к., у г. Кулакова — 255 р. 7 к. Скота въ перев. на крупный — 3,1.

Мяса покупали на 15 р.

- 8) Хоз. Петра Чаришкина, Саралинскій улусъ.

Въ рубрикѣ „рабочій инвентарь“ при подсчетѣ ошибка на 21 р. Въ рубрикѣ „посуда и домашняя утварь“ стоимость двухъ самоваровъ посчитана за 20 к. вмѣсто 20 р. Стоимость 250 к. сѣна — 25 р., передѣлана на 87 р. Стоимость скота 111 рубл. 10 коп., остального имущества — 318 р. 58 к. Итого 329 р. 68 к.; у г. Кулакова она указана однако въ 349 р. 63 к. Количество скота въ перев. на крупн. 10,4.

Покупаль на 13 р. мяса.

II. „Среднія“.

- 9) Хоз. Дмитрія Сапараква, Бѣлоюссскій улусъ.

Въ подсчетѣ по разнымъ рубрикамъ ошибка въ минусъ 1 р. 10 к. и + 30 к. Стоимость 200 копенъ сѣна — 15 р., передѣлана на 70 р. Стоимость дровъ — 20 р., передѣлана на 24 р. 9 к. Въ графу „потреблено для продовольствія семьи“ вписано: 1 „корова съ теленкомъ“ (!), стоимостью въ 15 р., которая и вычеркнута изъ общаго состава скота. Стоимость скота 147 р. 80 к., остального имуще-

ства — 147 р. 22, к. + вторично присчитана стоимость одежды — 42 р. 12 к. Итого стоимость „общаго инвентаря“ — 337 р. 14 к. Скота въ перев. на крупный 8,6.

Покупалъ мяса на 10 р.

10) Хоз. Игнатія Шагалакова, Кожиговскаго улуса.

Стоимость 300 копенъ сѣна изъ 18 р. превращена въ 105 р. Количество и стоимость (14 р.) дровъ вписаны при подсчетѣ. Въ графѣ „дохода отъ ремесла“ цифра „10“ передѣлана въ „30“ р. Въ рубрикѣ „скотъ“ не посчитаны 4 теленка, стоимостью въ 8 р., и 1 баранъ — въ 3 р. — Стоимость скота 184 р., остального имущества 122 р. 14¹/₂ к. + второй разъ посчитана стоимость одежды 31 р. 43 к. — и общая стоимость всего инвентаря выведена въ 337 р. 57¹/₂ к. Скота въ перев. на крупн. 12,2.

11) Хоз. Лаврентія Гаусканова, Чебаковскій улусть.

Въ рубрикѣ „посуда и домашняя утварь“ стоимость одного самовара вмѣсто 5 р. посчитана въ 5 к. Стоимость 500 копенъ сѣна 65 р., передѣлана въ 175 р. Стоимость дровян. лѣса 12 р. 50 к., передѣлана въ 25 р. Въ рубрику „скотъ и домашніе животныя“ вставлено: „коровъ безъ теленка“: осталось отъ прежнихъ лѣтъ — 1, стоимостью въ 15 р. и потреблено для продовольствія — 1, стоимостью въ 15 р., продана 1 за 15 р.“ Стоимость скота 118 р., остального имущества 217 р. 89 к. + 2-й разъ стоимость одежды — 28 р. 60 к., и общая стоимость всего инвентаря выведена въ 364 р. 49 к. Количество скота въ пер. на кр. — 8,3.

12) Хоз. Петра Колишева, Чебаковскій улусть.

Не посчитана дѣтская одежда на сумму 12 р. 70 к. Стоимость 400 копенъ сѣна — 28 р., передѣлана въ 140 р. Въ графу „продано скота“ вписаны: „1 меринъ за 20 р.“, „1 корова безъ теленка за 12 р.“, „2 годовыхъ теленка за 6 р.“ Итого на сумму 38 р. — Стоимость скота 177 р., остального имущества 260 р. 88 к. + второй разъ присчитана стоимость одежды — 95 р. 73 к. и общій инвентарь обозначенъ на сумму 533 р. 61 к. — Скота въ перев. на крупн. 20,3.

Покупалъ мяса на 20 р. (хотя здѣсь, кажется, это придумано самимъ г. Кулаковымъ).

13) Хоз. Николая Янгулова, Янгуловскій улусъ.

Въ рубрикѣ „строенія“ не сосчитанъ сѣнникъ, стоимостью въ 6 р. — Стоимость 500 копень сѣна 111 р., передѣлана въ 175 р. — Въ графу „случайныя поступленія“ вписано „100 р.“ — Въ графу „продано скота“, вписано: „5 коровъ на 75 р.“, „10 овецъ — на 30 р.“ — Стоимость 150 ведеръ молока 37 р. 50 к. передѣлана на 77 р. 50 к. — Стоимость скота 1000 р., остального имущества 572 р. + вторично ¹⁾ присчитанная стоимость одежды 314 р. 40 к. и сумма общаго инвентаря выражена цифрой 1886 р. 40 к. — Количество скота — 54,6 (въ пер. на крупн.).

Вышеприведенныя данныя интересны еще въ томъ отношеніи, что какъ нельзя лучше иллюстрируютъ сказанное нами раньше о томъ, что такое „скотоводы“ г. Кулакова и откуда послѣднимъ комплектуются ихъ ряды. Лишь четверо изъ 13 „скотоводовъ“ не покупаютъ мяса, въ ихъ числѣ и бѣднѣйшій изъ всѣхъ набранныхъ г. Кулаковымъ — для посрамленія „скотоводческаго хозяйства“ и „мѣстныхъ условій“ — бѣдняковъ, К. Авдоринъ; послѣдній, очевидно, только потому, что и купить его не на что.

Впрочемъ, по части бѣдности скотомъ съ большимъ успѣхомъ могутъ конкурировать съ Авдоринымъ еще двое другихъ „скотоводовъ“, имѣющихъ даже меньше скота, чѣмъ онъ (хозяйства №№ 1 и 4), и третій (№ 7), у котораго его столько-же. Еще одно скотоводческое хозяйство побирается молокомъ „у родни“.

Относительно 5 „среднихъ“ хозяйствъ слѣдуетъ замѣтить, что при составленіи бюджетовъ только два изъ нихъ — №№ 10 и 13 — были отмѣчены какъ „средніе“, № 9 — „ниже средняго“, а №№ 11 и 12 помѣщены въ разрядъ среднихъ уже самимъ г. Кулаковымъ, такъ какъ при составленіи ихъ на нихъ не было сдѣлано никакой отмѣтки.

Чтобы убѣдиться, насколько „среднія хозяйства г. Кулакова есть дѣйствительныя среднія — я приведу небольшую справку изъ „Матерьяловъ по изслѣдованію землеп. и пр.“ о среднемъ

1) Есть-ли этотъ всюду повторяющійся двойной подсчетъ стоимости одежды — приемъ научной обработки матерьяла, сознательно практикуемый нашимъ авторомъ, или онъ также явленіе патологическое — мы не знаемъ.

количествѣ скота на 1 хозяйство во всѣхъ тѣхъ улусахъ (или группахъ ихъ), откуда взяты „средніе“ бюджеты г. Кулакова ¹⁾).

Скота въ пер. на
крупн. на. 1 хоз.

1) Группа улусовъ сосѣднихъ съ Кожиговскимъ улусомъ	13,2
Средн. хозяйство № 10 г. Кулакова изъ Кожиговскаго улуса	12,2
2) Улусъ Чебаковскій (и еще 2 небольшихъ сосѣднихъ съ нимъ улуса)	13,7
Средн. хоз. № 11 изъ Чебаковскаго улуса	8,3
Средн. хоз. № 12 изъ Чебаковскаго улуса	20,3
3) Группа ул., въ ихъ числѣ и Бѣлоюсскаго	19,5
Среднее хозяйство № 9 изъ Б.-Юсскаго ул.	8,6
4) Группа улусовъ, въ ихъ числѣ Янгуловскій	36,8
Средн. хоз. № 13 изъ Янгуловскаго улуса	54,6
Среднее для всей управы	12,2

Отсюда видно, что только въ двухъ изъ пяти „среднихъ“ хозяйствъ г. Кулакова количество скота не ниже того, какое приходится въ среднемъ на 1 хозяйство Кызыльской управы, и что остальные три должны быть причислены безусловно къ ниже среднимъ или даже бѣднымъ хозяйствамъ. Стало быть, изъ 13 хозяйствъ, послужившихъ г. Кулакову для вывода бюджета „средняго“ кызыльскаго скотоводческаго хозяйства, одиннадцать должны быть причислены къ бѣднымъ и ниже среднихъ . . .

Совершенно тоже, что мы только что видѣли на примѣрѣ кызыльскихъ „скотоводческихъ“ хозяйствъ, повторяется и въ бюджетахъ всѣхъ остальныхъ . . . Самоваръ идетъ за 6 коп., а два за 20 коп.; три мѣдныхъ креста оцѣниваются въ 15 рубл., а три топора въ 3 коп.; стоимость такъ наз. „дорожки“ — рыболовнаго снаряда изъ бичевы и большаго крючка — посчитывается въ 30 рубл. — вмѣсто 30 коп., — а стоимость десяти „самолововъ“ — другого орудія рыбной ловли въ 10 коп.; — вмѣсто 10 рублей; 10 иконъ стоятъ 20 коп., а 15—30 коп.; молотило (цѣпъ) — отъ 3 до 5 рубл. (вмѣсто 3—5 коп.), гребень въ 10 рубл., пропащая курица — 20 рубл., живая собака — 50 рубл. и т. д. и т. п.

1) „Матерьялы . . . и пр.“ т. III. стр. 374—375, 644.

Далѣ, если вѣрить нашему автору, въ улусахъ Аскызск. упр. Кындырлинскомъ и Сосинскомъ люди ѣдятъ столько же, сколько куры — по 1 пуду хлѣба въ годъ. И немудрено — при существующей здѣсь необыкновенной дороговизнѣ, когда $1\frac{1}{2}$ пуда картофеля стоятъ 5 рублей ¹⁾ . . .

Кое гдѣ (см., напримѣръ, бюджетъ № 17 Мелецк. упр.), очевидно, въ самомъ буквальномъ смыслѣ понимая пословицу „кому паить, у того и быкъ доить“ — нашъ авторъ ухитряется получать молоко отъ мериновъ и нетелей . . .

Полагаю, что вышеприведеннаго вполне достаточно, чтобы установить степень научности работы г. Кулакова.

Подсчетами, вѣрными и невѣрными, исправленіями и переисправленіями, вставками новыхъ цифръ и уничтоженіемъ старыхъ — вплоть до проскабливанія до дыръ бюджетнаго бланка и заклейки ихъ заполненными свѣжими цифрами кусками бумаги — бюджеты приведены въ такой видъ, что дальнѣйшее использование ихъ становится частью совершенно невозможнымъ, частью — лишь при условіи затраты по меньшей мѣрѣ двойнаго количества труда, противъ того, который требовался бы, если бы не приходилось чуть не относительно каждой цифры нѣкоторыхъ рубрикъ, прежде чѣмъ рѣшиться использовать ее, изслѣдовать подлинное ея происхожденіе . . .

135 бюджетовъ — работа, по меньшей мѣрѣ ²⁾ 400 рабочихъ часовъ, матерьяльныя средства, предоставленныя для ихъ обработки Енисейскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, время потраченное участниками поѣздки къ инородцамъ и, — что въ моихъ глазахъ всего важнѣе — сочувствіе и добровольная помощь, оказанныя мѣстными жителями, принявшими участіе въ описаніи хозяйствъ — все это принесено въ жертву разгулявшейся фантазіи г. Кулакова, вообразившаго себя ученымъ статистикомъ и историкомъ „татарской“ культуры . . .

1) Составленныя здѣсь г. Долининымъ четыре бюджетныхъ описанія хозяйствъ относятся не къ 1896/97 хозяйств. году, а къ 1897/98 — какъ подтвердилъ мнѣ и самъ составитель описаній. Поэтому въ бланкахъ указаны лишь количества хлѣба, употребленнаго на сѣмена для посѣва; г. Кулаковъ приравниваетъ эти бюджеты ко всѣмъ остальнымъ, а цифры высѣянныхъ сѣмянъ къ цифрамъ собраннаго урожая, причемъ $\frac{1}{2}$ десятины посѣяннаго картофеля, оцѣненныя въ 5 рублей, принимаются имъ не то за $\frac{1}{2}$ пуда, не то за $\frac{1}{2}$ мѣшка.

2) Въ той формѣ и при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она производилась на самомъ дѣлѣ.

Эпиграфомъ къ настоящей статьѣ я хотѣлъ взять то мѣсто изъ „господъ Головлевыхъ“, гдѣ описываются методъ и приемы статистическаго изслѣдованія, употребленные нѣкимъ столоначальникомъ для опредѣленія количества картофеля, какое можетъ производить ежегодно Россія. Трудъ г. Кулакова вполне заслужилъ эту аналогію, но въ отношеніи къ щедринскому столоначальнику это было бы большой несправедливостью. Мы не знаемъ этого столоначальника. Быть можетъ, онъ уже давнымъ давно, въ силу „экономическихъ отношеній“ и „борьбы за существованіе“, съузилъ всѣ свои жизненные задачи до „приспособленія“ себя къ выполненію „необходимыхъ для соображенія“ ближайшаго начальства порученій, свои идеалы — до регулярнаго и невозбраннаго пользованія щедротами каждаго 20-го числа... Взгляните на него съ этой стороны — и вы увидите, что онъ, по своему, весьма даже добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ. вмѣсто того, чтобы, по просту, „читать съ потолка“ — онъ „чертитъ карту Россіи“, „разлиновываетъ ее на совершенно равныя квадратики“, „доискивается“ какое количество десятинъ представляетъ собою каждый изъ этихъ квадратиловъ, бѣгаетъ по мелочнымъ лавочкамъ, узнаетъ „среднія“ нормы посѣва и урожая картофеля и т. д. и т. д.

Наконецъ, онъ вѣдь и не гонится за ученой и литературной славой, за тѣмъ, чтобы его работа была помѣщена въ „102-мъ томѣ“ „Трудовъ“ — было бы лишь имъ самимъ начальство довольно...

Произведеніе нашего автора, не обладая достоинствами, присущими даже статистическому опыту щедринскаго столоначальника, не имѣетъ и его оправданій.

Г. Кулаковъ не столоначальникъ, а сотрудникъ лучшихъ и передовыхъ органовъ нашей прессы! Предполагается, что и его жизненные задачи и идеалы также ближе подходятъ подъ тѣ, которые красуются на знаменахъ этихъ органовъ, чѣмъ какими довольствуется иной столоначальникъ...

Понятія о научной истинѣ и общественной правдѣ, совершенно не участвующія въ ученомъ опытѣ щедринскаго столоначальника, — не могутъ быть чужды труду профессиональнаго литературнаго и ученаго работника.

Тѣ или другіе выводы канцеляриста-статистика имѣютъ со-всѣмъ иное и теоретическое значеніе, чѣмъ сужденія ученаго специалиста-эксперта. Мнѣніе послѣдняго не можетъ быть игнорировано ни позднѣйшимъ изслѣдователемъ-теоретикомъ, ни законодателемъ и администраторомъ...

Хорошо еще, что суровые приговоры иных ученыхъ стати-стиковъ и литераторовъ не получаютъ силы „непреложныхъ“ законовъ. Въ противномъ случаѣ все чуть не 25-ти тысячное инородческое населеніе Минусинскаго округа должно было-бы уже исчезнуть съ лица земли... Почти 20 лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ наиболѣе передовыхъ органовъ сибирской печати и въ премированномъ трудѣ объ Енисейской губерніи ¹⁾ помянутымъ инородцамъ былъ объявленъ 20-ти лѣтній срокъ, въ теченіе котораго они должны были улечься въ могилы или заживо похоронить себя по примѣру древней „чуди“. Эта послѣдняя, какъ гласить преданіе, была напугана надвигавшейся на степь „бѣлой березой“. Абаканскимъ инородцамъ, какъ можно думать, „предрѣшено“ было, яко отъ огня, растаять отъ умноженія и приближенія къ нимъ публициста-гробокопателя...

1) „Изъ Минусинскаго округа пишутъ, что кочующіе по р. Абакану инородцы быстро бѣднѣютъ, причемъ прироста населенія почти нѣтъ; словомъ сообщаютъ, что эти несчастные люди, обладатели по праву (?) земли, на которой они живутъ, приходятъ къ настоящему жалкому положенію и неминуемому исчезновенію съ лица земли, благодаря съ одной стороны крайнему своему неразвитію, а съ другой неудержимому стремленію мѣстнаго русскаго населенія снять съ своего ближняго все до шкуры включительно. Сообщая это, корреспондентъ нашъ немного ошибся, воображая, что мы объ этомъ ровно ничего не знаемъ. Нѣтъ, мы знали это давно, видѣли собственными глазами и убѣдились, что въ какой нибудь 20-лѣтній промежутокъ инородческое населеніе Минус. окр. мало того, что раззорилось, но вымираетъ съ такою быстротою, при которой еще черезъ 20 лѣтъ, мы вполнѣ надѣемся, не будетъ въ долинахъ рѣки Абакана ни одного туземца“. . . „Сибирская газета“, 1881 г. № 29, стр. 822; Ср. также Чудновскій. Енисейская губернія къ 300-лѣтнему юбилею Сибири. Томскъ 1885 г.

Изъ позднѣйшихъ предшественниковъ г. Кулакова, озабоченныхъ скорѣйшимъ отправленіемъ на тотъ свѣтъ инородцевъ, упомянемъ еще объ „этнографѣ“ г. Ѳ. К.—въ, экскурсировавшемъ въ „вершинахъ Бѣлаго и Чернаго Іюсовъ“ и описавшемъ въ своихъ „этнографическихъ наброскахъ“ кочующихъ тамъ (?) „качинцевъ, кызыльцевъ, сагайцевъ и кайбаловъ“, „Какъ прошлое ихъ (этихъ племенъ), по неимѣнію письменной литературы, покрыто мракомъ неизвѣстности, такъ и будущее неутѣшительно. Или имъ суждено еще многіе вѣка коснѣть во мракѣ невѣжества, суевѣрій и предрасудковъ или, войдя въ общеніе съ болѣе сильными, просвѣщенными народомъ, предрѣшено имъ, по великой теоріи Дарвина, погибнуть въ общемъ водоворотѣ жизни“. Какъ указываютъ подчеркнутыя нами мѣста, г. К.—въ говоритъ уже совершенно языкомъ г. Кулакова, является выразителемъ тѣхъ-же воззрѣній, только не столь еще крайнихъ, какъ у нашего автора. Если бы работа г. Ѳ. К.—ва не была помѣщена въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ (за 1889 г. № 18), я бы могъ предположить что г. К.—въ былъ тайнымъ вдохновителемъ г. Кулакова.

Будемъ надѣяться, что и смертная казнь чрезъ „угасаніе“, къ которой приговорены г. Кулаковымъ „скотоводы“, будетъ отмѣнена „истинными“ біологическими и иными законами.

Гораздо болѣе, чѣмъ грядущая судьба „не приспособившихся“ инородцевъ, способно возбуждать тревогу настоящее состояніе русской науки. Работы, подобныя только что разобраннымъ нами, служатъ наилучшимъ показателемъ того, какъ низко стоитъ у насъ дѣло научнаго изслѣдованія и какъ легко попасть въ ряды „ученыхъ“ всякому, ознакомившемуся хотя-бы лишь „съ краткими начатками“ да — и то не твердо — съ „первыми 4-мя правилами ариѳметики“. . . . Спросъ на „ученость“, хотя бы мнимую, растетъ все болѣе и болѣе, возбуждая въ рядахъ „добровольцевъ“ желанія и аппетиты, ничего общаго съ идеальнымъ служеніемъ истинѣ не имѣющіе. . . . Чуть не каждый день приноситъ намъ имена все новыхъ и новыхъ „ученыхъ на часъ“, съ восходомъ слѣдующаго утра исчезающія уже гораздо болѣе скромно и незамѣтно, чѣмъ появлялись. . . . А между тѣмъ до сихъ поръ не изобрѣтено еще легкаго способа различенія истинной научности отъ „призрака“ ея или даже искусственной фальсификаціи и потому всякому изслѣдователю при своей работѣ поневолѣ приходится съ большими трудностями и опасностями, съ совершенно непроизводительною затратой времени и труда пробираться дремучею чащей празднословія, невѣжества и неправды, накопленныхъ стараніями добровольцевъ уже въ такихъ количествахъ, что пора-бы серьезно подумать о примѣненіи санитарныхъ мѣръ противъ дальнѣйшаго „удобренія“ русской научной литературы. Пора вспомнить, что у науки тоже есть своя честь, которая тоже нуждается въ защитѣ. . . .